

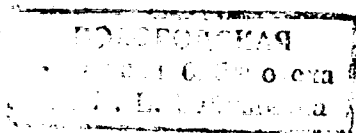
Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ЗАОЧНЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ И ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей
преподавателей иностранных языков
Ленинграда

578800

Издательство «Высшая школа»
Москва • 1966

Настоящий сборник статей, подготовленный Методическим объединением преподавателей иностранных языков Ленинграда, является первой попыткой обобщить опыт преподавания иностранных языков в вузах города.

Сборник содержит также работы теоретического характера по филологии, являющиеся результатом исследований, ведущихся на кафедрах иностранных языков неязыковых вузов.

В соответствии с этим в сборнике представлены два раздела — методика и филология.

Сборник предназначен для преподавателей иностранных языков высшей школы. Он может представить интерес также для учителей средней школы.

Редакционная коллегия:

Банкевич Л. В. (ответственный редактор), Булгакова Л. М., Иванова К. А., Кац Р. Е., Ленкова А. Ф., Шелингер Н. А. (зам. отв. редактора).

МЕТОДИКА

БЕЛОПОЛЬСКАЯ А. Р.

АЛГОРИТМ — СРЕДСТВО ЭФФЕКТИВИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ

Программированное обучение — проблема, привлекающая внимание специалистов в различных областях науки. И это вполне закономерно, так как в последнее время обострилось противоречие между ростом объема научных знаний и эффективностью методов преподавания.

Созрела необходимость радикальной перестройки общего и специального образования на основе внедрения новых методов, обеспечивающих оптимальное управление учебными процессами. Центральные фигуры в учебном процессе, учитель—ученик, можно рассматривать как кибернетическую систему, систему управления (учитель управляет, ученик управляем). Управляющая система (учитель) должна не только сообщать информацию, но и дать описание процесса ее переработки, т. е. алгоритм. Алгоритм, или обучающий алгоритм, это система правил, предписаний, заданных в определенной последовательности и ведущих к решению каких-то конкретных задач.

Создание обучающих алгоритмов преследует цель сформировать в мозгу студента мыслительные операции, шаги, представляющие собой частичную переработку информации. При этом каждый последующий шаг решает задачу в зависимости от результатов предыдущего шага. Таким образом, следуя алгоритму и сопоставляя его с конкретными условиями анализируемого материала, студент приходит к правильному решению задачи.

К сожалению, в традиционных учебниках по языкам не разработана пооперационность мыслительных действий.

Учащийся может усвоить учебный материал, изложенный в виде описания, но при конкретно поставленной задаче он далеко не всегда в состоянии самостоятельно превратить этот материал в «руководство к действию». Причина беспомощности многих учащихся — это не только их вина. Информация, заключенная в учебниках или сообщаемая преподавателем традиционным методом (т. е. описательно, а не алгоритмически), не вырабатывает правильного хода по многим причинам.

1. Сама информация может быть недостаточно полной или точной. Тогда возникают следующие возможности ее «переработки»:

а) ученик все усвоил, ничего не упустил и выдает то, что он получил, но с решением конкретной задачи (например, с анализом предложения или переводом его) справиться не может, ибо в сообщенной информации не хватает каких-то звеньев;

б) ученик в состоянии подправить неполную или неточную информацию, дополнить ее, удачно изменить. Тогда, говоря языком кибернетики, информация на выходе (ответ ученика) будет больше информации на входе (объяснения учителя или изложение материала в учебнике). Ответ ученика в этом случае не явится проверкой качества данного ему правила. Преподавателей вводят в заблуждение успехи этих учеников: создается иллюзия, что обучение поставлено правильно. А на самом деле способные ученики, подчас не отдавая себе в том отчета, самостоятельно открывают алгоритмы решения ряда задач.

2. Сама информация может быть полной или точной, но она не «повернута» на решение задачи, не дана в виде алгоритма, а самостоятельно справиться с этим «поворотом» сможет не всякий. И тогда преподаватели совершенно правильно говорят, что «ученик все правила знает, а применить их не может», но они не понимают истинной причины этого неумения.

Здесь вина преподавателя — он не дал учащемуся алгоритма или не стимулировал «самостоятельного» создания учащимся алгоритма. Последнее должно происходить под контролем преподавателя, который поощряет все удачные «ходы» и тормозит ложные, не давая сформироваться неправильному мыслительному процессу. Но чтобы так управлять процессами, происходящими в мозгу студента, преподаватель должен сам знать алгоритм. Эта мысль особенно справедлива по отношению к преподаванию языков. Допустим, для педагога язык, который он преподает, — это его родной язык или язык, который он знает благодаря тому, что жил несколько лет в стране, где говорят на данном языке, или, наконец, знает язык с детства, учился на специальном факультете и т. д. Такой преподаватель понимает текст (речь) сам не зная как, интуитивно, как бы не анализируя, часто не отдавая себе отчета, какие «сигналы» из текста он получил для понимания его так, а не иначе. Такой преподаватель часто не может замедлить фильм своего восприятия, не умеет расчленить свой мыслительный процесс на отдельные операции. Что же происходит, когда ему надо поправить ошибки своего ученика, как он действует в качестве управляющей системы, как осуществляет управление мыслительным процессом? Как правило, управление осуществляется так: 1) преподаватель просто исправляет ошибку, не объясняя ее, не давая метода ее предотвращения; 2) дается какое-то правило, может быть совершенно верное в условиях данного контекста, по кото-

рое при некоторых изменениях этих условий становится нереальным, недействительным. Объяснения преподавателей часто имеют частный характер и не дают общего метода решения подобных же задач; 3) пояснения не имеют вида последовательности мыслительных операций; 4) учащийся не получает хорошо отобранной системы признаков, которые несут информацию о фразе. Система признаков должна быть отобрана так, чтобы студент мог без излишних поисков и проверок (без привлечения элементов «избыточности» языка) быстро и рационально получать информацию, содержащуюся в прочитанном отрывке.

Если преподаватель или учебники не разработали такой системы признаков, то они не могут действительно помочь своим ученикам. Так, например, при преподавании немецкого языка признаком придаточного предложения считают наличие союза и спрягаемой части сказуемого на последнем месте. Таким образом, студента учат всегда производить две проверки: а) есть ли подчинительный союз; б) стоит ли на последнем месте глагол. А между тем способ определения придаточного предложения можно значительно рационализировать.

Если предложение начинается, например, с союзов *daß*, *weil*, *wenn*, то наличие такого союза является необходимым и достаточным признаком для того, чтобы считать данное предложение придаточным. Поиск глагола для определения занимаемого им места в этом случае совершенно излишен. Значит, из всей массы подчинительных союзов необходимо отобрать такие, которые могут быть только подчинительными союзами, и тем самым выделить группу слов, которые могут быть не только союзами,* например: *seitdem*, *da*, *während* и др.

Для определения типа предложений, начинающихся с этих слов, необходим дополнительный признак — место глагола. Однако рекомендуется иной метод проверки, чем традиционно принятый: проверяется не наличие глагола на последнем месте, а отсутствие его на втором месте. Необходимость именно такой проверки обусловлена тем, что в немецком языке существует тенденция «подтягивания» глагола с конца к началу придаточного предложения. Кроме того, в придаточное предложение часто вклинивается другое придаточное предложение или оборот (инфинитивный или партиципальный), поэтому подчас трудно найти последнее место, а второе место легко обнаруживается и, кроме того, информация черпается в самом начале предложения, что соответствует естественному ходу восприятия текста.

Остановимся на понятии синтаксического места. Если проанализировать традиционно излагаемые сведения о структуре

* Такая система союзов дана в учебном фильме «Техника перевода с немецкого языка на русский», созданном по сценарию А. Р. Белопольской и Л. Н. Ланда. Автор алгоритмов А. Р. Белопольская.

предложения (простого, главного и придаточного), становятся ясны основные различия структуры: 1) главные члены предложения занимают определенные места в определенном типе предложения; 2) занимаемые ими места в различных типах предложений различны.

При рассмотрении любого второстепенного члена предложения речь также идет о занимаемом им месте, вернее о месте, на котором этот член предложения может стоять. Неясно лишь, что же такое место в предложении.

Известная мысль Л. В. Щербы о том, что для разных целей (построение и анализ) нужна различная грамматика, безусловно подтверждается при рассмотрении вопроса о синтаксическом месте. При построении предложения (активный аспект) достаточно знать, какие слова занимают место и какие его не занимают. Для анализа же необходимы, кроме того, сведения о формальных признаках места и о том, какие задачи решаются с применением этого понятия. А между тем нигде не сформулированы задачи, решение которых основано на знании границ синтаксического места. Перечислим эти задачи.

Первая задача — различение глагольных форм, что особенно важно при формах-омонимах.

Известно, что слово, стоящее на втором месте в главном (простом) предложении, — глагол. Отсюда следует важный дополнительный вывод: это может быть только Präsens или Imperfekt. Поэтому, например, формы *gehört*, *genesen*, стоящие на втором месте, опознаются сразу и безошибочно как Präsens, а не Part. II. Зная это, учащийся уже сознательно ищет в словаре значение слова *gehören*, а не действует по имеющемуся у него стереотипу — отбрасывать *ge* при поиске глагола.

Глагольная форма в главном предложении, стоящая на последнем месте или на любом другом, кроме второго, — Partizip II или Infinitiv. Таким образом, если в такой позиции встретится форма типа *gehört*, *entfernt*, *verstehen*, то они будут опзнаны как Partizip II или Infinitiv.

Те же самые места при условии, что предложение придаточное, являются носителями другой информации: глагольная форма может быть только Präsens или Imperfekt.

Таким образом, одна и та же форма (например, типа *gehört*), стоящая на одном и том же месте (например, на последнем), в условиях главного предложения опознается как Partizip II, в условиях придаточного — как Präsens.

Вторая задача — установление правильной связи слов в предложении, т. е. установление доминирующего и зависимого слов. Так, в предложениях: «Der Gelehrte behauptet, daß die Tatsachen die Annahme bestätigt haben», «Sind die Elemente einer Reihe Binome, so ist die Determinante ...» установление границы мест гарантирует правильную соотнесенность слов

в предложении, что приводит к правильному пониманию смысла.

Приведенные фразы в течение ряда лет предлагались в качестве тестов различной аудитории: первая — студентам разных курсов, вторая — не только студентам, но и преподавателям.*

Во всех этих случаях наблюдалась ожидаемая ошибка: неразличение формальных признаков границы мест. Так, первое предложение было понято ошибочно (о чем свидетельствует перевод) и переведено так: «Ученый утверждает, что факты предположения подтвердились».

Покажем, как понимание синтаксического места предотвратит подобную ошибку. Артикль *die* перед *Annahme* — формальный признак нового места, т. е. существительные *die Tatsachen* и *die Annahme* разделены границей:

Der Gelehrte behauptet, daß die Tatsachen | die Annahme
bestätigt haben

Ясно, что существительное *die Annahme* управляется глаголом, а не предыдущим существительным.

Во втором предложении не только студенты, но и некоторые преподаватели в угоду извлекаемому смыслу относили существительное «*Vinome*» к предыдущему существительному. Их переводы звучали так: «Если элементы ряда бинома, то это детерминант», «Если являются элементами ряда биномов, то детерминант . . .», «Детерминант является элементом первого ряда бинома» и т. д.

Это свидетельствует прежде всего о том, что отсутствие артикля перед *Vinome* не было воспринято ни как сигнал, необходимый и достаточный для установления связи данного существительного с глаголом, ни как сигнал, запрещающий считать существительное без артикля стоящим в родительном падеже, т. е. рассматривать его как определение к предшествующему существительному.

Чрезвычайно показательно, что многие преподаватели не только при переводе, но и при анализе, где осознанность необходима, пишут: *Vinome* — определение к существительному *Reihe* (!).

* Повторявшиеся ошибки студентов привели к мысли, что источником их может быть не только неумение преподавателей дать обоснованную рекомендацию к их устранению, но иногда и ошибки самих преподавателей в установлении формальных признаков границ нового места. Этим и объясняется выбор для преподавателей второго предложения, где смысл фразы не является абсолютно прозрачным и ошибка в понимании смысла внешне не создает впечатления абсурдности и потому не настораживает.

Эксперимент проводился в студенческих группах ЛГУ, Ленинградском институте усовершенствования учителей, на Высших педагогических курсах при ЛГУ, а также на ряде кафедр иностранных языков ленинградских вузов.

Третья и, пожалуй, самая важная задача — распознавание типа предложения, вернее, типа отрезка* сложного предложения. Определение типа отрезка — это задача, от правильного решения которой зависит судьба дальнейшего проникновения в содержание каждого отрезка и тем самым — в смысл всего предложения. Покажем это на конкретном примере.

Возьмем часть предложения из работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

Allianz den Franzosen von 1815 predigen mit den Siegern von Waterloo, . . .

Мы не случайно даем часть предложения. Дело в том, что в предлагаемом для анализа начале предложения уже содержится необходимая и достаточная информация о типе отрезка, отсутствие конца предложения заставляет воспользоваться формальными признаками, так как затрудняет понимание по смыслу. Наша задача показать, что формальный анализ является ключом понимания предложения. Владеющий формальным анализом принимает сигналы, заключенные в тексте, и на их основании легко и уверенно приходит к пониманию предложения.

Невладение формальным анализом ведет к тому, что читающий блуждает по предложению в поисках смысла.

Приведенный отрезок был предложен для анализа перевода 13 школьникам**; 100 студентам I курса математико-механического факультета ЛГУ на первом занятии***; 50 слушателям КВИРТУ; 50 аспирантам ЛГУ; 20 студентам-германистам III, IV, V курсов ЛГУ; 100 преподавателям немецкого языка, занимавшимся в Институте усовершенствования учителей (в 1963—1964 гг.); 50 преподавателям немецкого языка, слушателям Высших педагогических курсов при ЛГУ (в 1963—1965 гг.); 20 преподавателям кафедр немецкого языка нескольких вузов Ленинграда и Киева.

При этом указывалось, что в предложении после запятой имеется еще один отрезок.

Интересно, что студенты I курса — вчерашние школьники — начинали с попытки установить, где подлежащее и сказуемое, не стараясь определить тип отрезка. При этом большинство учащихся считало *Allianz* — подлежащим, *predigen* — сказуемым. Преподаватели после нашей просьбы установить тип отрезка задавали вопросы, какой анализ требуется произвести — синтаксический или морфологический. Ответ звучал так: «Такой, какой необходим для установления типа отрезка, т. е. того, что представляет собой данная фраза; главное пред-

* Главное предложение, придаточное или любой оборот (инфинитивный, participiальный, аъективный и т. д.).

** См. текст доклада А. Р. Белоносовой и Л. Лашта на I съезде психологов М., 1958.

*** Проверены лишь умения, приобретенные в школе.

ложение, придаточное предложение и т. д. Примените весь аппарат анализа, каким вы владеете, а затем на основании своего разбора переведите». Ответы в громадном большинстве следующие: это главное предложение, так как сказуемое на втором месте. Или: сказуемое *predigen* стоит на втором месте, значит предложение главное. Иногда появлялись недоуменные вопросы: «почему здесь *den Franzosen*?» или пожелания — «хотелось бы *der Franzosen*!» Но даже при этом решение относительно типа отрезка оказывалось неправильным.

Необративших внимание на артикль *den* при *Franzosen* и среди преподавателей оказалось большинство. Изредка встречались замечания: «почему-то подлежащее не согласуется со сказуемым!» Но ни в одной из работ не ставился вопрос, стоит ли *predigen* на втором месте, или точнее, стоит ли на втором месте глагол (в *Präs./Imp.*)

Избранный нами отрезок интересен и удобен тем, что здесь с самого начала выясняются ложные ходы, приводящие к серьезным ошибкам. Решение сразу окажется правильным, если будет применен предложенный нами алгоритм анализа отрезков. Прежде всего отметим, что существует только три типа отрезков: придаточное, главное, оборот. Таким образом, при выборе имеются потенциально три возможности. Анализ этого отрезка, как и любого другого, ведется по следующему алгоритму:

Allianz den Franzosen von 1815 predigen mit den Siegern von Waterloo, ...

Первая операция: не придаточное ли?

С этой целью производится проверка первого слова:

а) глагол в *Präs./Imp.*? — нет;

б) союз, начинающий придаточное предложение? — нет.

Следовательно, данный отрезок не придаточное.

Вторая операция: не главное ли?

Проверка: стоит ли на втором месте глагол. После *Allianz* стоит существительное *Franzosen*, которое имеет артикль *den*, значит с него начинается «новое место»*. Итак, первое слово *Allianz* занимает первое место, *den Franzosen* — второе место. Следовательно, на втором месте не глагол и этот отрезок — не главное предложение. Отсюда вывод: поскольку анализируемый отрезок не придаточное и не главное предложение, значит он представляет собой оборот. Остается определить, какой это оборот. Так как *predigen* может, несмотря на отсутствие частицы *zu*, быть только инфинитивом, то перед нами инфинитивный

* Основанное на формальном анализе правило, которым следует руководствоваться в этом случае, гласит: если имеется ряд существительных *S S S, ...*, то существительное с артиклем *den, dem, die, das, der (m)* и без артикля — это «новое место».

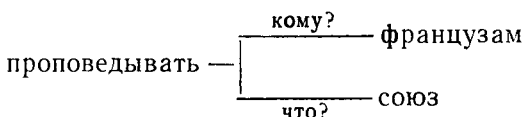
оборот. Тем самым снимается омонимия падежей, существовавшая до выяснения типа отрезка:

Allianz den Franzosen

Nom/Akk? Akk/Dat?

В обороте подлежащего быть не может, поэтому Allianz — Akk. Отсюда den Franzosen открывается как Dat., поскольку двух Akk. в отрезке быть не может.

После анализа перевод не представляет трудностей. Перевод инфинитивного оборота начинается с инфинитива:

После установления этих связей совершенно естественно понимается и связь «союз — с кем», хотя в немецком тексте mit den Siegern оторвано от своего «хозяина» (управляющего слова):

Проповедывать французам в 1815 году (1815-го года) союз с победителями при Ватерлоо . . .

Предложенный анализ принципиально отличается от наблюдаемого нами подхода к предложению в работах обучаемых и обучающихся. Он основан прежде всего на умении установить граничу места.

Дадим систему признаков синтаксического места. Разобьем все слова на два класса: детерминативы и не детерминативы. К первым относятся артикли и заменяющие их слова: местоимения (кроме субстантивных), предлог + артикль, предлог, сбившийся с артиклем, предлог без артикля, прилагательные и причастия (без артикля), которые по закону монофлексии также играют роль детерминатива.

Не детерминативы — все остальные слова. Слово не детерминатив занимает одно место*. Рассмотрим несколько случаев, когда первым словом в предложении является не детерминатив.

1. Допустим, требуется разбить на места главное предложение, состоящее из трех слов, из которых первое местоимение ег.

* Не занимают места: а) сочинительные союзы und, aber, allein, sondern, oder, denn, nämlich (колеблются: doch, jedoch, also, entweder, auch); б) наречия-ограничители (nur, bloß, erst, lediglich, ausschließlich и т. д.); уточнители (ganz, gerade, völlig, etwa и т. д.); усилители (sehr, weit (гораздо), höchst, besonders); в) управляющие наречия — unweit (von), unabhängig (von), fern (von), zugleich (mit), zusammen (mit), например: Aber völlig unabhängig von dieser Idee entwickelte sich . . .; г) als + суще-

одно место

ствительное/местоимение, стоящее после сравнительной степени, например: Noch stabiler als der Grundwortschatz der Sprache ist ihr grammatischer Bau (Schmidt, 28).

Слова, не занимающие места, можно назвать нулевыми.

Этой информации достаточно для следующих выводов:

ег не детерминатив, следовательно занимает место;

слово после него обязательно глагол; глагол занимает второе место;

слово после глагола занимает третье место (условно будем считать, что и приставка займет место). На этом этапе анализа принадлежность третьего слова к части речи определять не будем. Обозначим его через х.

I	II	III
ег	Г	х
(глагол)		

2. Условия те же, но первое слово — союз, например aber. О союзе aber мы знаем, что он не занимает места.

Разбивка:

I	II
Aber + второе слово	Г

Возьмем более сложный случай. Допустим, что вторым словом окажется die омоним — артикль/указательное местоимение. В предложении три слова.

Глагол в предложении должен быть. Aber места не занимает

Aber + die	Г
I	II

Если возникает сомнение, не назывное ли это предложение, надо проверить следующее за die слово на признак большой буквы. Если буква маленькая, разбиение сделано верно. Если буква большая, то разбиение следующее:

Aber	die	C.
I		

Предложение назывное.

Рассмотрим случай, когда первое слово детерминатив. Соотносим его с ближайшим существительным. Здесь могут представиться несколько случаев:

а) после детерминатива стоит существительное, например das Buch; проверяем следующее за ним слово * — не союз ли оно (очень редко это может быть модальное слово); если нет, то здесь граница первого места. Ставим знак раздела |, следующее слово — глагол

I	II	III
Das Buch	Г	...

* Случай, когда после существительного стоит детерминатив, рассматривается далее в разделе «цепочка существительных».

б) детерминатив и существительное разделены. Пусть между ними — одно слово. Это слово либо имеет окончание е или е+согласная, тогда это прилагательное/причастие (Die neuen Bücher. Der erfüllte Plan), либо не имеет этих окончаний, тогда это числительное (Seine vier Wände).

Детерминатив+существительное+промежуточные слова представляют одну конфигурацию, занимающую одно место.*

I	II	III
Die neuen Bücher		
Der erfüllte Plan	Г	x
Seine vier Wände		

в) между артиклем и ближайшим существительным несколько слов.

Проверяем окончание слова влево от существительного (допустим, -е, значит это прилагательное или причастие); проверяем слово влево от данного слова на идентичность окончаний: если да, то тоже П**, если нет, то наречие. Разбиваем на места:

I	II	III
Das neue interessante Buch		
Das neu erschienene Buch	Г	x

г) после детерминатива стоит другой детерминатив, это признак распространенного определения.

Первый детерминатив+то существительное, к которому он относится, представляют одно целое (включая П и распространяющие слова) и занимают одно место.

I	II	III
Der	ПС. } Г	x

распространяющие слова

Остановимся на более сложном случае — цепочке существительных.

Если после первого существительного стоит детерминатив, например Das Buch des . . . , то налицо цепочка существительных. Она может состоять из нескольких звеньев. Изобразим цепочку так: С ДС ДС ДС ДС ДС***

Как разбить предложение на места при наличии цепочки? Рассмотрим несколько вариантов.

* Наречия, прилагательные, причастия в качестве промежуточных слов места, естественно, не занимают. Прилагательные/причастия, вне конфигурации, в краткой форме занимают место: Schön ist das Leben, Vergiftet sind meine Lieder (Heine).

** Обозначим прилагательное или причастие символом П (буква русского алфавита).

*** С — существительное, Д — детерминатив.

Первое существительное в цепочке безусловно связано с глаголом. Оно является либо подлежащим, либо зависимым от глагола словом. Чтобы провести границу мест, подвергаем формальному анализу все существительные, начиная со второго.

Если цепочка существительных стоит с самого начала и тип данного отрезка не определен*, то прежде всего следует установить границу первого места (см. анализ отрезка на стр. 15).

Формальными признаками синтаксического места являются:

1. Наличие перед существительным артикля *dem, den, die, das, der (m)* или других детерминативов в тех же падежах.

Схема: C | dem C
 | den
 | die
 | das
 | der (m)

der (f) форма-омоним Gen./Dat. Gen. в подавляющем числе случаев признак определения, т. е. не начинает нового места. Dat. — признак нового места. Выяснение того, является ли *der (f)* дативом или генитивом, происходит в зависимости от условий контекста:

а) если в предложении есть другое слово в Dat., то определяемая форма (*der (f)*) — Gen. и не занимает места;

б) если другого слова в Dat. нет и глагол вообще не имеет никакого другого «кандидата» на управляемое слово, то определяемая форма управляется глаголом и занимает новое место;

в) если в предложении есть Akk. и определяемая форма стоит до него, то это вероятнее всего Dat. Такая форма занимает новое место.

Примеры

- a) Er (Balsac) schildert, wie die letzten Überreste dieser Gesellschaft dem | Ansturm des vulgären Emporkömmlings unterlagen. (K. Marx, F. Engels);
- b) Allerdings bedarf der Lehrer | der Anleitung und Hilfe. (Schmidt);
- c) ... die überzeugenden Beispiele der Sowjetunion und der Volksrepubliken fördern in allen Ländern die Erkenntnis,

* Часто возможно определить тип отрезка до его анализа. Допустим, перед нами предложение, в котором имеется одна запятая, разделяющая его на два отрезка: один из них начинается с союза *daß, weil, wenn* и т. д. Этого условия достаточно, чтобы считать второй отрезок главным предложением.

daß nur der Marxismus-Leninismus | der Menschheit den
Ausweg aus Krise und Krieg weisen kann». (*Klein*).

2. Отсутствие артикля *.

Схема: С | — С

При наличии предлога сложнее установить формальным путем, относится ли данная группа к предшествующему существительному, занимая с ним одно место, или начинает новое место, т. е. к существительному не относится.

Для правильного отнесения предложной группы к предшествующему существительному или к глаголу необходимо установить, какое из этих слов управляет предложной группой. К сожалению, словари далеко не всегда указывают управление глагола и еще реже — управление существительного.

Так, в словаре Руданца ** после глагола *verbinden* есть помета *vt* и нет второго управления *mit dat.* В статье *anknüpfen* снова есть только указание *vt*, в примерах есть *mit j-m* и нет *an akk.* При глаголе *unterscheiden* нет пометы *von dat.* — отличать что-нибудь от чего-то.

Никаких помет нет при существительных *Anknüpfung*, *Entfernung*, *Ausweg* и т. д.

Студента в таком случае надо учить самостоятельно задавать по-русски вопрос к существительному с предлогом и от предшествующего существительного и от глагола. Таким образом он сможет решить, куда относится предложная группа и тем самым определить, где проходит граница места. Как видно, такого рода «двойная прикидка» отнюдь не легкая задача.

Какие формальные признаки можно установить в этом случае?

1. Если в предложении имеется приставочное образование — существительное/глагол и предложная группа, предлог которой тождествен приставке или как-то соотносится с ней, то управляющим словом является приставочное образование (факт, что для приставочного образования характерно предложное управление, общеизвестен, однако он не используется в качестве формального признака для установления синтаксической связи предложной группы).

* Кроме случаев: а) когда предшествующее существительное обозначает меру, например: *ein Liter Milch*, *ein Kilo Brot*, *eine Gruppe Menschen*, *eine Menge Bücher* (сюда же: *eine Art Wörter*); б) когда существительное без артикля — географическое название, стоящее после слов *die Stadt*, *die Insel*, *der Fluß* и т. д., например: *die schöne Stadt Leningrad*, *die Insel Elba*; в) когда существительное — имя, стоящее после слов, обозначающих профессию или родственные отношения: *der berühmte Dichter Heinrich Heine*; *der berühmte Komponist Mozart*; *Bruder Peter*; *Schwester Maria*; г) и когда существительное означает название месяца после слова *Monat*: *Im wunderschönen Monat Mai...* (*Heine*).

** В. В. Руданц. Немецко-русский словарь (50 000 слов). М., 1942.

Таблица тождественных и соотносимых приставок и предлогов

Приставка	Предлог
ein	in
aus	aus
an	an
nach	nach
zu	zu
über	über
ab	von
aus	von
zusammen	mit
zurück	auf
ver	in

Примеры

So geht die philosophische Grundthese des Verfassers an den entscheidenden Stellen | in seine mathematischen Beweisführungen ein (*Heyting*).

Приставка ein при глаголе указывает на то, что in+С управляется им и занимает новое место.

Так философский принцип автора включается в решающих случаях в его математические доказательства.

Der Arbeitslohn ist nicht ein Anteil des Arbeiters an der von ihm produzierten Ware (*K. Marx*).

Здесь an+С управляется существительным с приставкой an: Anteil ... an — участие в, поэтому отдельного места предложная группа не занимает.

Зарботная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре.

Wenn das produktive Kapital wächst, wächst die Nachfrage nach Arbeit. (*K. Marx*).

Отнесение nach Arbeit к существительному die Nachfrage подскажет и перевод — спрос на (а не nach — после).

Когда возрастает производительный капитал, растет спрос на труд.

2. Если в предложении имеется глагол-связка sein или werden и при этом Nom+Nom или Nom+adj., то предложная группа относится к предшествующему существительному (подлежащему или предикативу) и занимает с ним одно место.

Примеры

Die Natur ist die Probe auf die Dialektik ... (*F. Engels*).

Auf die Dialektik относится к предшествующему существительному и занимает с ним одно место.

Природа есть пробный камень диалектики.

Wichtig ist seine Bemerkung über die Relativität der Abzählbarkeit (*Heyting*).

Предложная группа относится к существительному (при конструкции связка + adj + Nom).

Существенное значение имеет его указание на относительность понятий счетности.

3. Если предложная группа стоит между двумя однородными членами, выраженными существительными, то она является определением к предыдущему существительному, например:

An diese philosophischen Erörterungen schließen sich umfangreiche mathematische Untersuchungen über den Aufbau der Mathematik aus den philosophisch gegebenen Voraussetzungen und über die Struktur der mathematischen Beweisführungen (*Heyting*).

Здесь однородные члены über den Aufbau ... und über die Struktur. Предложная группа aus den philosophisch gegebenen Voraussetzungen относится к первому из них и занимает с ним одно место.

К этим философским изысканиям примыкают обширные математические исследования проблемы построения математики из заданных философских предпосылок, а также исследования структуры математических способов доказательства.

4. Очень часто предложная группа относится к предшествующему существительному, если оно имеет признак отглагольного образования — суффикс ung или приставку. При этом существительное может управлять Gen. и предложной группой. Такое двойное управление существительного легко понять из трансформации глагольной группы в группу существительного.*

Пример:

verbinden соединять	— [akk. (кого, что) mit dat. (с кем, чем)	Verbindung соединение	— [gen. (кого, чего) mit dat. (с кем, чем)
aufbauen строить	— [akk. (что) aus dat. (из чего)	Aufbau построение	— [gen. (чего) aus dat. (из чего)
befreien освобождают	— [akk. (кого, что) von dat. (от кого, чего)	Befreiung освобождение	— [gen. (кого, чего) von dat. (от кого, чего)

* Прямое дополнение при глаголе переходит в Gen. при существительном. Akk. → Gen.; предложная группа при трансформации остается без изменения.

5. Особо следует остановиться на предложной группе с предлогом von. В подавляющем числе случаев сочетания с von — параллельная форма родительного падежа, однако не исключены случаи управления глаголом.

1. В пассивных конструкциях von — признак деятеля — зависит от глагола:

Eine genaue Umschreibung dessen, was aus der klassischen Mathematik | von der empiristischen Kritik zerstört wird, ist niemals versucht worden (*Heyting*).

Никто не попытался точно отыскать то, что было разрушено в области классической математики критикой эмпириков.

2. При наличии в предложении второй предложной группы, сочетающейся с предложной группой с von, обе группы зависят от глагола

von — auf
von — bis (zu)
von — nach
von — in
von — zu

Wir werden im weiteren sehen, wie diese Klasse in Deutschland abwechselnd | von einem Stadium | zum andern übergeht (*K. Marx*).

В ходе нашего изложения мы увидим, как в Германии этот класс попеременно переходит от одного из этих состояний к другому.

3. Следует запомнить несколько наиболее частотных глаголов, управляющих von: befreien, entfernen, trennen, scheiden, unterscheiden, fordern, erwarten. Все они управляют двумя падежами:

Verb —

		Akk — кого, что
		von — от кого, чего

Основанные на формальных признаках, правила разбивки предложения на места при наличии предложных групп в цепочке существительных отнюдь не претендуют на абсолютную непогрешимость. Однако проведенное нами статистическое исследование материала подтвердило возможность их применения с целью максимальной рационализации процесса анализа, т. е. осмысления предложения.

Работа по выявлению подобных признаков не может считаться законченной; скорее намечен ряд гипотез, которые должны быть проверены и уточнены на обширном материале.

И все же, говоря словами Р. Якобсона*, «закон, требующий уточнения, полезнее, чем отсутствие всякого закона».

Таким образом, мы показали, что, руководствуясь формальными признаками, можно рационально построить алгоритм анализа предложения. При обучении этот алгоритм следует «спроецировать» в мозг обучаемого. Так как алгоритм состоит из отдельных операций, находящихся в определенной логической последовательности, то и процесс обучения можно строить пооперационно. Таким же образом может производиться контроль усвоения хода анализа. Возможности применения алгоритмов широки: ими может пользоваться преподаватель на обычном занятии, значительно повышая его эффективность; на основе алгоритма можно составить программированные пособия (учебники, программы для малых обучающих машин и т. д.), цель которых — обеспечить индивидуализацию в процессе обучения.

Самым эффективным (но пока недостижимым в условиях ньютоновского обучения) является создание большого количества учебных точек, управляемых одной электронной вычислительной машиной, которая сможет давать такие же объяснения, рекомендации, исправления ошибок, как квалифицированный преподаватель, владеющий алгоритмом.** Однако и до воплощения в жизнь этих новейших методов обучения алгоритм в руках преподавателя безусловно сыграет роль средства эффективности процесса обучения.

* Р. Якобсон. Доклад на VIII съезде лингвистов. Осло, август, 1957.

** Возможность построения обучающей программы на основе алгоритма показана в нашей статье «Опыт применения обучающих алгоритмов». Вестник нашей школы. № 6, 1963.

ШЕЛИНГЕР Н. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОГРАММИРОВАНИЯ В ТРЕНИРОВОЧНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ И ПИСЬМЕННЫХ КОНСУЛЬТАЦИЯХ ПО ГРАММАТИКЕ

Многими кафедрами иностранных языков, в том числе и в Ленинграде, ведутся поиски наиболее рациональных приемов программированного обучения, создаются пособия, построенные на этом принципе. В наиболее общем виде сущность этого метода состоит в следующем:

1. Учебный материал разбивается на возможно более мелкие, понятные и доступные для усвоения порции; при этом необходимо строго выдерживать логическую последовательность подачи информации.

2. Логический вывод, сделанный учащимся на основе полученной информации, должен быть немедленно закреплен на упражнениях, причем необходимо предусмотреть систему подтверждения правильного решения, обеспечив действенный и непосредственный самоконтроль.

Приступая к разработке возможных методов использования программированного учебного материала, группа преподавателей кафедры иностранных языков СЗПИ вначале поставила перед собой довольно узкую задачу — создать различные тренировочные и контрольные упражнения для имеющихся в институте машин «Наука 1» и «Экзаменатор 2», которые основаны на принципе выбора ответа из нескольких предложенных.

В машину закладываются любые вопросы и до пяти ответов на каждый, из которых только один является правильным. Задача учащегося — поставить переключатель машины в соответствующее положение (или нажать соответствующую кнопку) и тем самым выбрать один ответ. Машина путем сигнала (например, красный или зеленый свет) подтверждает правильность или ложность этого выбора (рис. 1).

Принцип таких машинных устройств дает возможность использовать их как при тренировочных упражнениях по грамматическим темам, так и для закрепления лексических структур, используемых в разговорной практике.

Обратившись в первую очередь к созданию упражнений для контроля знаний учащихся по грамматическому строю изучаемого языка, мы установили, что далеко не все грамматические темы могут быть закреплены на упражнениях данного типа. Так, например, методом выбора из нескольких ответов весьма затруднительно построить упражнения на порядок слов, на перевод распространенного определения в немецком языке и т. д. На основе отбора из всех грамматических тем, изучаемых на I курсе, для тренировки на данных машинах были выбраны следующие: Präsens, Imperfekt, Futurum, Perfekt, Plusquamperfekt, Partizip I, Partizip II, местоимения «man» и «es», степени сравнения прилагательных и наречий, склонение существительных, притяжательные и личные местоимения. Этот выбор показывает, что для подобных упражнений можно использовать различные разделы изучения морфологии; гораздо сложнее создать упражнения на закрепление синтаксических тем.

Аналогичные темы были выбраны и для студентов, изучающих английский язык: оборот «there is, there are», степени сравнения прилагательных, времена «Indefinite», причастия настоящего и прошедшего времени, модальные глаголы и их заместители, страдательный залог.

Сразу следует указать, что учащиеся, приступающие к работе над этими упражнениями, сталкиваются с данными грамматическими категориями и конструкциями не впервые. На аудиторных занятиях или при самостоятельной работе они уже получили необходимую информацию и приблизительно разбираются в соответствующих моделях. Цель данных упражнений — не первоначальная информация, а закрепление приобретенных знаний, контроль и, что наиболее важно в работе с заочниками, — самоконтроль.

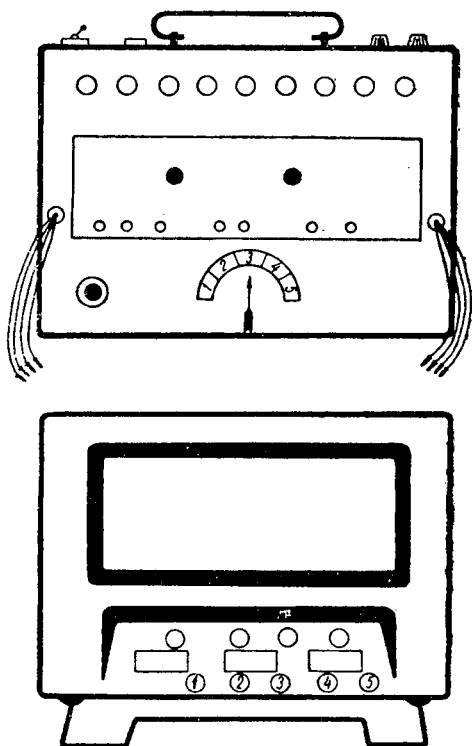

Рис. 1

В соответствии с этим и строится график работы наших опытных групп, которые проходят сначала обычное аудиторное практическое занятие, а затем групповую консультацию с использованием тренировочных устройств.

Для подобных занятий и были созданы тренировочные упражнения для закрепления и контроля.

В первой группе упражнений учащемуся предлагается определить грамматическую форму слова. Например, в машину «Наука 1» вкладывается перфокарта, на которой написано предложение, составленное на материале знакомой студенту лексики, и предлагается определить время сказуемого.

Определите время сказуемого в предложении: *Kein Mensch darf einen anderen ausbeuten.*

1. Präsens.
2. Imperfekt.
3. Perfekt.
4. Plusquamperfekt.
5. Futurum.

С точки зрения контекста, а в данном случае это одно предложение, любой ответ может быть правилен и только временная форма глагола является показателем. Важно подчеркнуть, что следует использовать знакомую лексику, ибо студент должен встречать в подобных упражнениях только одну трудность, в данном случае грамматическую.

Если студент ставит переключатель в положение 1 (Präsens), загорается зеленый сигнал, подтверждающий правильность ответа; если выбор сделан неверно (положения 2, 3, 4, 5), загорается красный сигнал.

Неправильные ответы отмечает либо сам студент (при самостоятельной работе), либо преподаватель (при работе в группе). Машина «Экзаменатор 2» позволяет фиксировать ответы автоматически, при помощи счетчика, имеющегося в машине.

Однако отметка, выставляемая данной машиной по пятибалльной системе, не может служить объективной оценкой знаний учащихся, ибо практически невозможно составить абсолютно идентичные программы и подобрать точный критерий суммирования ответов, тем более, что многие важнейшие грамматические темы не могут быть оформлены в виде соответствующих упражнений и заложены в машину. Поэтому само название данной машины — «Экзаменатор» — применительно к изучению языков представляется неудачным. По существу это репетитор-тренажер.

В эти устройства можно заложить и упражнения на определение частей речи, например: определите, какой частью речи является слово с суффиксом «ing».

The student translating the article does not use a dictionary.

1. Герундий.
2. Отглагольное существительное.
3. Причастие I.

Вопрос в упражнениях такого типа может быть поставлен и иначе. Студенту надлежит выбрать правильный перевод из четырех:

Man muß dem Lektor aufmerksam zuhören.

1. Хотят.
2. Разрешается.
3. Нужно.
4. Можно.

Все эти ответы подобны, они выражают различные модальные значения, но правилен только один из них — третий — и понимание этого должен продемонстрировать студент. Он знает значение глагола müssen и ему известно, что употребление этого глагола в сочетании с местоимением man переводится безличным выражением «нужно».

В таких упражнениях все ответы должны быть объединены либо грамматической, либо семантической общностью. Не следует давать абсолютно абсурдных ответов. Упражнение достигает цели тогда, когда ответы подобны и внешне правдоподобны. Проблема подбора ответов, их общности, отвлекающего характера весьма важна и заслуживает самостоятельного изучения.

Аналогичны и упражнения на материале английского языка, например: выберите правильный перевод слова с суффиксом «ing».

While translating the text you made some mistakes.

1. Переведя.
2. Переводящий.
3. После перевода.
4. Переводя.

На этом принципе построены упражнения на закрепление тем немецкой грамматики, позволяющие определить функции причастия или прилагательного в предложении, функцию местоимения es, степень сравнения и т. д. Иногда в ответе студенту предлагается выбрать правильный перевод целого предложения, например Dieser Fluss ist tiefer.

1. Эта река глубокая.
2. Эта река глубже.
3. Эта река самая глубокая.

В этом примере еще яснее виден элемент подобия: это одна и та же модель, а оттенки только в различных степенях сравнения.

Не следует опасаться давать подобные, но неправильные ответы. Студент наблюдает карточку очень краткое время и у него не успевают образоваться устойчивые связи.

Еще более действенными оказываются различные подстановочные упражнения: вставьте необходимый предлог, вставьте вместо точек правильную форму глагола, поставьте правильный артикль, поставьте существительное в соответствующем падеже и т. д. Например: выберите правильную форму глагола в Imperfekt.

Die Professoren die Vorlesungen.

1. Hielt.
2. Hieltest.
3. Hielten.
4. Hielten.

Или заполните пропуск соответствующим вспомогательным глаголом.

He . . . not meet his friend at the station yesterday.

1. Does.
2. Will.
3. Did.

Все перечисленные типы упражнений не новы; они давно и широко используются в учебниках. Какие же преимущества дают подобные упражнения, заложенные в машину?

1. Машина требует от студента быстрой реакции, что чрезвычайно важно для выработки автоматических навыков и единственно правильного ответа.

2. Машина дает подтверждение правильности или неправильности решения и, как это имеет место в машине «Экзаменатор 2», даже суммирует правильные и неправильные ответы. Это чрезвычайно важно для самостоятельной работы.

3. Машина более объективно оценивает знание и незнание — ей не свойственно проявление либерализма!

Однако ни одна из двух машин не совершенна. «Экзаменатор 2» дорог и мало надежен; «Наука» заставляет студентов тратить много времени на подготовку к ответу: надо заложить перфокарту, вставить десяток штеккеров и только тогда приступать к решению. Работая в группах, можно весьма эффективно использовать те же упражнения и без машин (что мы также делаем).

Можно использовать различного рода шаблоны или, при работе в группе, студенты могут просто поднимать карточку с соответствующим номером, а преподаватель отмечать правильные ответы. Для многих грамматических и лексических тем были бы весьма полезны устройства, устанавливающие определенный порядок операций, типа машины «Пионер», однако СЗПИ такими машинами не располагал, поэтому нам пришлось ограничиться только типами упражнений, приведенными выше.

Упражнения, о которых мы говорили, хороши для тренировки и контроля, но при работе с заочниками этого недостаточно. Надо создать пособия, по которым студент может само-

стойтельно разобраться в своей ошибке, получить соответствующую консультацию.

В методических разработках (письменных консультациях) мы также старались использовать методы программирования материала. Если студент не справится с той или иной темой и неправильно ответит на вопросы, машина должна не только констатировать неправильный ответ, но и отослать студента к соответствующей письменной консультации, которую он должен самостоятельно проработать. Для этого на карточках делается отметка: «смотри письменную консультацию под соответствующим номером». В письменной консультации материал разбит на мелкие последовательно расположенные порции или ступени.

В качестве примера можно привести программированную разработку по теме Imperfekt, построенную по принципу линейного программирования и разбитую на 10 ступеней. Только изучив каждую ступень, ответив на контрольные вопросы и выполнив упражнения, студент может переходить к последующей ступени.

В первой ступени студенту сообщается, что Imperfekt — это простая глагольная форма прошедшего времени, что глаголы по способу образования Imperfekt делятся на сильные и слабые. Затем следуют контрольные вопросы:

1. Что такое Imperfekt?
2. Где употребляется Imperfekt?
3. Как делятся немецкие глаголы по способу образования Imperfekt?

Вторая ступень раскрывает способ образования слабых глаголов, третья посвящена спряжению слабых глаголов в единственном числе, четвертая — спряжению глагола во множественном числе и т. д.

После каждой ступени, начиная с третьей, кроме контрольных вопросов имеются легкие упражнения на закрепление темы. После десятой ступени дается обобщающее упражнение по теме Imperfekt, предлагающее перевести с русского на немецкий язык 10 предложений. Затем следуют ключи — отдельно к каждой ступени и к каждому упражнению. Ключи содержат полные ответы на все контрольные вопросы и перевод всех упражнений. Таким образом, любой студент может совершенно самостоятельно проработать эту тему.

Студенту указывается, что после выполнения заданий по каждой теме он должен проконтролировать себя по ключу и только тогда переходить к следующей ступени.

Кафедрой создан ряд подобных разработок по темам: степени сравнения, притяжательные местоимения, предлоги, Partizipien и т. д. В дальнейшем мы намерены обобщить этот материал в своего рода грамматическое пособие, построенное на принципе программирования материала.

Секция английского языка в основу разработок положила речевые модели и соответствующие тренировочные упражнения к ним. Учащийся постепенно переходит от более простых моделей к более сложным.

Так, например, письменная консультация на обороты «there is, there are» построена на четырех моделях. Отработав модель «There is a cinema in our street» и ее модификации в зависимости от времени (there was, there will be) на различных упражнениях, студент переходит к вопросительной модели (Is there a window in this room?), а затем к отрицательному предложению (две модели: There is no bed in this room. There are not any windows in this room).

В итоговых контрольных упражнениях предлагается выполнить перевод с русского языка на английский.

Другая разработка — на модальные глаголы английского языка — дает студенту 18 моделей, построенных в зависимости от характера глагола и времени.

Проработав соответствующие письменные консультации такого типа, студент может вновь проверить себя по контрольным карточкам на машинах. Подобное закрепление и контроль на упражнениях с элементами программирования можно проводить как на практических занятиях в группах, так и при индивидуальной работе студентов.

Приступая к эксперименту, мы поручили нескольким преподавателям работать параллельно в двух группах равного состава и приблизительно одинакового уровня знаний. В одной из этих групп используются элементы программированного обучения и соответствующие упражнения, в другой нет. Сравнение результатов работы этих параллельных групп покажет эффективность использования новых методов обучения. Еще рано делать окончательные выводы, поскольку эксперимент поставлен лишь в узком аспекте изучения и усвоения отдельных грамматических тем и еще далеко не завершен, но уже сейчас можно считать вполне определенным, что:

1) использование методов программированного обучения с применением машин и без них несомненно повышает интерес к предмету и, следовательно, повышает интенсивность усвоения, дает возможность эффективного самоконтроля;

2) упражнения, построенные по строгой системе, развивают логическое мышление учащихся.

Работу по созданию тренировочных и контрольных упражнений кафедра иностранных языков СЗПИ рассматривает лишь как подготовительный, опытный этап программирования. На очереди создание программированных учебных пособий и учебников, которые могут оказать значительную помощь самостоятельно изучающим иностранные языки.

ТРУЕВЦЕВА Т. И., КАЦ Р. Е.

ПРИМЕНЕНИЕ ДИАФИЛЬМОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Развитие навыков разговорной речи в неязыковом вузе требует новых форм, методов и средств ведения учебного процесса. При ограниченном числе часов аудиторных занятий эти методы и средства должны помочь интенсифицировать учебный процесс и увеличить время активной языковой практики каждого студента.

Одной из основных задач следует считать выработку у студента автоматизма в воспроизведении определенных языковых грамматических форм с различным лексическим наполнением. Такого автоматизма можно добиться лишь в результате многократного повторения определенных, заранее отобранных форм.

При традиционных методах ведения занятия трудно обеспечить многократное повторение тренируемой языковой модели. Трудность построения занятия заключается в ограниченности приемов, стимулирующих построение только определенного типа предложений, которые в данный момент подлежат тренировке; в отсутствии ограничителей, не позволяющих учащемуся выйти за пределы известных ему лексических и грамматических моделей; в ограниченности времени для устной тренировки одного студента (4—5 минут на занятие).

Как правило, все студенты усваивают построение вопросов к определенному предложению, могут пересказать содержание текста в рамках изученных грамматических форм. Значительно меньшее количество учащихся может поставить вопросы к тексту, так как, во-первых, они не знают, что спросить, а во-вторых, отойдя от заданного предложения и перейдя к тексту, неверно строят вопросительное предложение. В результате получается избыточная ошибками речь. Чтобы избежать этого и вести тренировку по определенному руслу, преподаватель должен располагать средствами, направляющими учащихся в необходимое русло для тренировки нужной модели до полной автоматизации.

Обычно преподаватель пользуется вопросно-ответной системой тренировки и переводом с русского языка на иностранный.

При этом речевой тренировке уделяется только половина времени, вторую половину занимает речь преподавателя, даже если он не сам задает вопрос, а лишь стимулирует его постановку студентом. В речи преподавателя звучит и вся грамматическая конструкция, что снимает элемент творчества при построении студентом предложения.

Перевод с русского языка на иностранный может обеспечить большую повторяемость нужных лексических и грамматических форм, но и он отнимает половину времени, отведенного на речевую тренировку студентов.

Наиболее удачным методом, приводящим к развитию автоматизма в воспроизведении языковых моделей, является работа с диафильмами.

Основное требование, предъявляемое к диафильму, заключается в том, чтобы он отражал лексический и грамматический материал, который вводится и закрепляется на занятии. Только при этом условии диафильм становится дополнением к прорабатываемому текстовому и грамматическому материалу, является его графическим сопровождением, стимулирующим речь студента в заданных рамках. Такой диафильм является средством введения и закрепления нового материала и становится органической частью занятия; его применение на занятии экономит время, обеспечивая при этом многократную и творческую тренировку, делая учебный процесс значительно интенсивнее.

Задачей диафильма является создание соответствующей ситуации, которая может получить различное языковое оформление в зависимости от цели, которую ставит перед собой преподаватель. Так, например, на одном и том же диафильме, кадры которого изображают различные действия, можно тренировать до полного автоматизма группы времен Indefinite, Continuous и Perfect в утвердительной, вопросительной и отрицательной форме. Иначе говоря, при помощи диафильма можно тренировать построение утвердительных и отрицательных предложений, а также постановку вопросов с различными вопросительными словами.

На этом же диафильме можно тренировать сопоставление применения различных времен, пользуясь обстоятельствами времени как ключевыми словами, наталкивающими студента на употребление глагола во времени, требуемом данным обстоятельством.

Преподаватель может препарировать диафильм так, как ему это нужно на данном этапе, как бы повертывая его к студентам то одной, то другой стороной.

Практически с помощью диафильмов можно тренировать почти все языковые модели.

Применение диафильмов на занятиях требует специально разработанного метода. Необходимой предпосылкой является точная направленность речевой реакции студента. Для этого

студентам указывается грамматическая модель, по которой ведется тренировка, и для каждого кадра преподаватель дает одно или несколько ключевых слов. Сочетание показанного кадра, грамматической модели и ключевых слов должно обеспечить единственно возможный правильный вариант построения предложения. Таким образом, правильная речевая реакция неизбежно должна быть одинаковой у всех студентов.

При этом условии тренировка может и должна проводиться хорошо. Ошибки отдельных студентов легко улавливает преподаватель и слышат сами студенты. Хорошая тренировка имеет

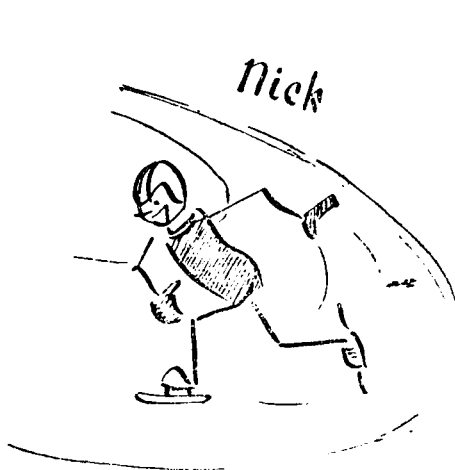

Рис. 1

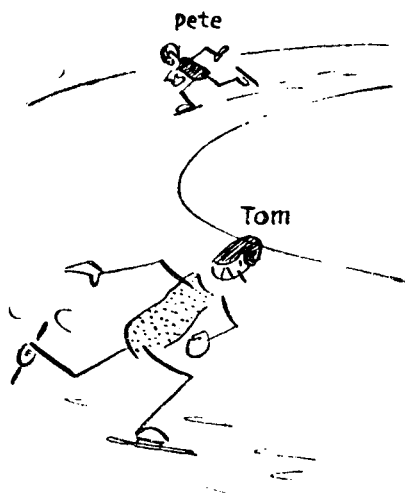

Рис. 2

огромные преимущества. Во-первых, все студенты втянуты в активную и очень интенсивную работу; во-вторых, время активной речевой практики каждого студента возрастает во столько раз, сколько в группе студентов, т. е. в среднем в 10—12 раз.

Постоянная смена кадров позволяет повторить одну модель 25—35 раз, что должно привести к автоматизации ее воспроизведения без заучивания наизусть, так как каждый раз она имеет другой лексический облик. Такая тренировка развивает у учащегося определенную гибкость в использовании той или иной модели, т. е. умение быстро применить грамматическую структуру в варианте единственного числа, множественного числа, того или иного времени и т. п.

Модель перестает быть чем-то застывшим, обведенным рамкой, она становится живой, функционирующей.

Ниже приведен образец работы в аудитории с диафильмом. Даны восемь кадров из диафильма, иллюстрирующего различ-

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

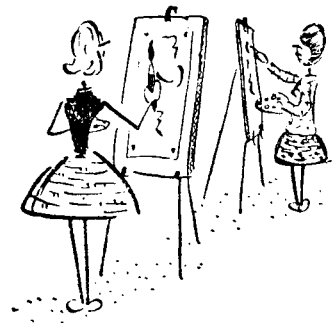

Рис. 6

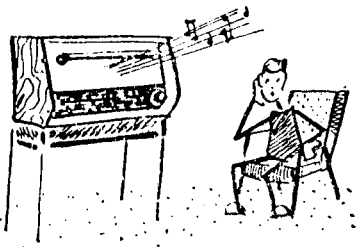

Рис. 7

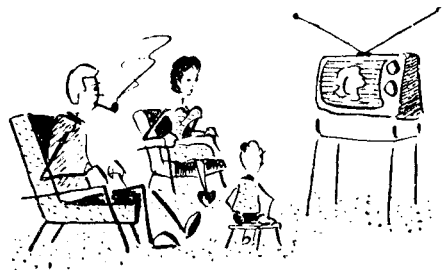

Рис. 8

Виды тренировки	Преподаватель указывает модель и формулирует задание	1 человек на коньках
Тренировка форм одного времени	<p align="center">Первый этап</p> <p>Произнесите утвердительное предложение, пользуясь ключевым словом.</p>	<p>Преподаватель: — every Sunday</p> <p>Студенты: — He skates every Sunday</p>
	<p align="center">Второй этап</p> <p>Опровергните неверные утверждения.</p>	<p>— He plays chess every Sunday</p> <p>— No, he doesn't play chess. He skates every Sunday</p>
	<p align="center">Третий этап</p> <p>Задайте вопросы, которые начались бы с указанных вопросительных слов</p>	<p>— how often</p> <p>— How often does he skate?</p>
	<p align="center">Четвертый этап</p> <p>Поставьте вопросы, ответом на которые явились бы указанные слова</p>	<p>— in the country</p> <p>— Where does he skate?</p>
Тренировка сопоставления времен	Опишите картинку по нужной модели в зависимости от указанного обстоятельства времени	<p>— every evening</p> <p>— He skates every evening</p>
		<p>— now</p> <p>— He is skating now</p>

1 человек бежит	Несколько человек бегут	1 человек чертит	2
Преподаватель: — every morning Студенты: — He runs every morning	Преподаватель: — very fast Студенты: — They run very fast	Преподаватель: — on Mondays Студенты: — He draws on Mondays	Преподаватель: — at h Студенты: — They
— He plays football every morning — No, he doesn't play football. He runs every morning	— They swim very fast — No, they don't swim, they run very fast	— He plays chess on Monday — No, he doesn't play chess. He draws on Mondays	— They home — No, watch draw
— where — Where does he run?	— how — How do they run?	— when — When does he draw?	— when — Where draw
— very fast — How does he run?	— on Sundays — When do they run? How often do they run?	— in the morning — Where does he draw?	— at h — Where draw
at 5 o'clock yesterday He was running at 5 o'clock yesterday	— next Sunday — They will run next Sunday	for two hours tomorrow He will be drawing for two hours tomorrow	— now — They now
yesterday He ran yesterday	— at 3 o'clock tomorrow They will be running at 3 o'clock tomorrow	last Sunday He drew last Sunday	— for 1 day — They for 2 day

ные действия. На таком диафильме легко тренируется вся группа времен активного залога. Следует учесть, что на занятии тренировка проводится не по восьми кадрам, а по 36, что обеспечивает достаточную повторяемость тренируемого явления.

Естественно, что при таком методе работы не предполагается предварительное озвучивание диафильма. «Озвучивают» диафильм сами студенты на занятии, и «озвучивание» это зависит от цели и задачи, которые ставит преподаватель на данном занятии. Такое применение диафильмов дает студентам возможность творческой тренировки спонтанной речи.

Применение диафильмов значительно разнообразит приемы работы и дает возможность преподавателю при тренировке разговорной речи выйти за пределы традиционной вопросно-ответной системы и пересказа.

Для того чтобы сделать диафильм органической частью учебного процесса, нужна серия диафильмов по различным лексическим и грамматическим темам. Например: квартира (тренировка оборота *there is, there are*), времена года (тренировка безличных предложений), действия (тренировка всех времен), предлоги направления, предлоги с глаголами, требующими двух дополнений, отдельные глаголы, требующие различных предлогов (*wait for, listen to* и др.), сопоставление времен *Present Continuous, Present Perfect* и оборота *is going to* и др.

При продуманной системе таких диафильмов и правильной методике их применения они явятся весьма эффективным средством активизации учебного процесса и привития навыков устной речи.

ИВАНОВА З. П.

СОЗДАНИЕ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ В ДИАФИЛЬМЕ

Речевая деятельность человека непосредственно объединяется с его мыслительной деятельностью. Обучение устной речи на иностранном языке должно являться процессом усвоения речевых структур, которые в силу своего конкретного содержания вызывают в представлении учащегося определенные образы окружающей действительности. Заучивание логически несвязанных слов и выражений, например существительного в именительном падеже, глагола в неопределенной форме, прилагательного в краткой форме и т. д., исключает из учебного процесса мышление, лишая данные слова и выражения их основных психологических качеств речи, что ведет к несостоятельности такого способа изучения иностранного языка.

Чтобы отобранная в учебных целях структура или модель обладала своим основным коммуникативным качеством — быть средством общения, она должна быть употреблена по мнению современных лингвистов Ч. Фриза, Р. Ладо, А. Хорнби в типичной для нее ситуации, что ставит учащегося в условия, близкие к жизненным. Нахождение естественной и типичной ситуации для отобранной речевой структуры не менее важно, чем выбор модели. Ситуация или обстоятельства, при которых применяется та или иная модель, необходимы для формирования в коре головного мозга путем первичных ощущений (первая сигнальная система) соответственных понятий — «элементов мысли», без образования которых невозможен процесс мышления.

Первичные ощущения, получаемые от окружающего мира, различны при образовании одних и тех же понятий даже в одном языке, не говоря уже о различных языках. Интересен пример с пересечением линий в треугольнике, приводимый немецким логиком и математиком Фреге. Он говорит: «Пусть прямые a , b , c соединяют углы какого-нибудь треугольника с серединами противоположных сторон. В первом случае мы называем точку пересечения линий ab , во втором случае называем ее bc , т. е. одну и ту же точку мы можем характеризовать по-разному». Таким образом, одно и то же понятие в одном языке

образуется посредством разных первичных ощущений, что находит свое выражение в различии звуковых сигналов (ab, bc). Итак, лексическая единица или их сочетание — речевая модель отражает лишь устойчивую совокупность первичных ощущений и представляет собой не что иное, как звуковой сигнал внешнего мира. Очевидным становится несовпадение выражения одних и тех же понятий в разных языках: Er ist 20 Jahre alt — ему 20 лет; das Erdgeschoß — первый этаж, первичные ощущения, заложенные в звуковом оформлении лексических единиц, различны в силу исторического хода развития языка.

Таким образом, для образования понятий в сознании учащегося необходимо восприятие первичных ощущений в той совокупности, в какой они отразились в лексических единицах иностранного языка. Сопоставление лексических единиц разных языков методом перевода не дает возможности воспринимать первичные ощущения окружающего мира в том комплексе, в каком они отражены лексическими единицами иностранного языка, и тем самым не создает предпосылок для мышления на иностранном языке.

Какие же возможности имеются для создания коммуникативной ситуации? Как показал анализ учебников и учебных пособий, издаваемых за рубежом, основой создания ситуаций служат различного рода иллюстрации, рисунки и диафильмы. Таким образом, иллюстрация или кадр диафильма несет столь ответственную функцию, как создание определенной совокупности первичных ощущений, без наличия которых учащийся не в состоянии овладеть речевой структурой иностранного языка. Следовательно, очень многое зависит от эффективности изобразительных средств и характера рисунка. В учебниках и учебных пособиях зарубежных авторов рисунку или иллюстрации к тексту, как правило, выполнены штрихами. Такой характер выполнения рисунка, как нам представляется, оправдан, так как он создает лаконичность и четкость изображения. Целью рисунка является создание настроения, переживания; главное действующее лицо может быть повернуто к читателю спиной, но его чувства — удивление, испуг, радость, недовольство — переданы четко.

Полезно ознакомление с ситуациями, данными в учебной серии Ч. Фриза *. Не выходящие за рамки классных ситуаций, речевые конструкции в Present. Cont. Tense представлены в тексте с иллюстрациями под заголовком «Talking over the telephone». Сюжет рисунка к тексту состоит в следующем: телефонный звонок прерывает уборку квартиры и на вопрос «What are you doing?» и на встречный вопрос «And what are you doing?» следует перечисление действий в Present Cont. Tense участников разговора. Ситуация для that и those обычно у нас

* Fries. Ch. American English series. (Book one), Boston, 1952—1958.

сводится к обозначению предметов, расположенных далее тех, для которых употребляется обозначение *this* и *these*. У Фриза мы находим следующую ситуацию: изумление на лице девочки при виде несколько необычно нарисованных на классной доске цветов: «Are those flowers?» (спрашивает она), «Yes, they are» (звучит ответ). Интересна также ситуация в учебной серии Хорнби * для *should*. На рисунке изображен ребенок, разрезающий на куски платье. «You shouldn't have given the baby scissors to play with (Why did you?)» (гласит надпись под рисунком).

Аудио-визуальный метод обучения, обязанный своим появлением достижениям современной лингвистики, психологии и техники, дал возможность представить ситуацию в виде связанных между собой кадров диафильма, проектируемых на экран и сопровождаемых речью с ленты магнитофона, что ставит учащегося в условия, близкие к действительности.

Одно из достоинств диафильма заключается в обеспечении целостного восприятия, что обуславливает интенсивное внимание со стороны учащихся, столь необходимое для усвоения материала. Масштабы использования диафильма при обучении иностранному языку велики, так как характер диафильмов может меняться в зависимости от вида учебного процесса. Диафильмы для изучения иностранных языков могут быть различны по содержанию: диафильмы, повествующие о стране изучаемого языка; сюжетные, наглядно представляющие связанные между собой типичные коммуникативные ситуации; диафильмы, являющиеся частью «электронной книги», запрограммированный материал которой воспроизводится на экране.

Рассматривая учебники, которыми мы пользуемся, преподавая иностранный язык, мы должны, к сожалению, признать, что иллюстративный материал их заставляет желать лучшего, а звуковых диафильмов и вовсе нет. Поэтому группа преподавателей ЛЭТИ уже третий год работает над созданием средств наглядности. Эта работа подчинена предварительному отбору речевых структур, которые нельзя усвоить лишь на материале текста и упражнений. К ним относятся структуры, характеризующие: 1) различное выражение одних и тех же понятий в разных языках; 2) время, часы; 3) значение союзов, предлогов; 4) временные формы и т. д. Наш выбор речевых структур осуществляется, например, для немецкого языка на базе учебника Васильевой М. М.***, так как коммуникативная ситуация, являясь необходимым залогом овладения речевой структурой, требует для закрепления дополнительных упражнений. Таким упражне-

* A. Hornby. Oxford Progressive English for Adult Learners (Book Two), 1958, p. 50.

** М. М. Васильева, И. Л. Бун, Л. Н. Гевелинг. Учебник немецкого языка для неязыковых вузов. М., «Высшая школа», 1964.

нием является материал самого учебника. Первое наглядное пособие такого рода — звуковой диафильм «Когда часы идут неправильно», текст которого записан на магнитофонную ленту, содержит структуры упомянутого учебника. Этот диафильм — аудио-визуальное пособие, знакомящее учащихся с речевыми структурами на материале учебника в типичных для немецкого языка коммуникативных ситуациях:

Текст учебника

1. Ich weiß nicht, wie es kam...
2. Nach dieser Reparatur ging meine Uhr kaum...
3. ... zog meine Uhr auf.
4. ..., wie spät es ist.
5. Ich kam immer überall zu spät.
6. ..., wie gleich darauf.
7. ..., daß sie bis heute immer sehr richtig und genau gegangen war.

Текст диафильма

1. Wie kam es, daß ...
2. «der eben aus der Reparatur gebrachte Wecker geht falsch ... — denkt Vater
3. ... er zieht seinen Wecker auf.
4. «wie spät ist es?»
5. Dieser Student kommt aber zu spät heute.
6. «Gleich kommt der Sohn!»-- sagt der Vater.
7. Seine Eltern waren zu Besuch gegangen.

При создании ситуации с успехом может быть использована диалогическая речь, так как она более ситуативна, чем речь монологическая. Однако построение диафильма только на базе диалогической речи оказалось для нас технически непосильной задачей, как и создание рисованного диафильма. Наш диафильм «Когда часы идут неправильно», как и другие, сделанные нами, является серией фотоснимков, заснятых на диапозитивную пленку. Содержание каждого фотоснимка или кадра долго и тщательно продумывалось и обсуждалось. Все, что могло усложнить или запутать ситуацию, убиралось из кадра, все, что оставалось в кадре, должно было служить созданию ситуации. Диалогическая речь представлена в следующих ситуациях:

кадр № 20: Da der Sohn nicht aufgestanden ist, weckt ihn sein Vater.

«Steh auf! Es ist schon Zeit. Oder hast du keine Vorlesungen?»

кадр № 21: «Doch!» — antwortet der Sohn, indem er sich anzieht.

Следующим основным положением составления диафильма является повторяемость лексических единиц и структур в разнообразных ситуациях. На 2000 печатных знаков текста корень spät повторяется 4 раза, столько же раз корень eil. В целях создания четкости даны разные структуры с одинаковым клю-

ченным словом: um diese Zeit, um 12, um 8 Uhr, um ... zu. Даны ситуации для различного выражения времени: es ist Punkt 8, die kleine Uhr zeigt halb eins, ein Viertel nach 12, ein Viertel vor 7, um 12 Uhr.

Отделяемые приставки противопоставлены предлогам. Глаголы с отделяемыми приставками употреблены в различных временных формах как в самостоятельных предложениях, так и небольших по размеру придаточных для того, чтобы дать учащимся возможность практически овладеть сложным правилом употребления отделяемых приставок в немецком языке. В разных ситуациях даны глаголы одинакового корня, но с разными приставками stellen, vorstellen, nachstellen, zudrehen, aufdrehen, aufmachen, zumachen, а также глаголы, противоположные по значению: ablegen — anziehen.

Кроме диафильма «Когда часы идут неправильно», на нашей кафедре создан еще ряд сюжетных звуковых диафильмов, из которых особый интерес может вызвать диафильм, составленный по рисункам Х. Бидструпа на тему: «Посещение театра». Данный диафильм, получивший у нас название «Были ли вы на премьере», обеспечивает учащимся самостоятельное повторение проработанной в средней школе разговорной темы «Театр».

Студенты, просмотрев диафильм и прослушав текст, имеют возможность еще раз просмотреть кадры диафильма уже с ключевыми словами, необходимыми для составления пересказа. Диафильм «Были ли вы на премьере» построен на тех же методических принципах, как и «Когда часы идут неправильно», т. е. речевая структура дается по возможности в типичной ситуации; выбор структур подчинен учебнику (что согласуется с разговорными темами программы для вузов); отбор структур произведен на базе сравнения с русским языком: использованы максимальная повторяемость и контрастное сопоставление речевых структур.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что нахождение соответствующей коммуникативной ситуации столь же необходимо, как выбор типичной структуры. Оба фактора — ситуация и речевая структура — это средства, формирующие знания иностранного языка. Ограничение преподавания иностранного языка отбором речевых структур без привлечения коммуникативных ситуаций, как и традиционное разделение обучения иностранного языка на обучение грамматике и лексике, не способствует развитию мышления на иностранном языке и, следовательно, не ведет к настоящему овладению иностранным языком.

АНДРИАНОВА Л. Н., ШЕЛИНГЕР Н. А.

МЕТОДИКА РАБОТЫ С ЗАОЧНИКАМИ В ЗВУКОТЕХНИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

При обучении языкам в учебный процесс повсеместно стали внедрять звукотехнические средства. Записанная на пленку речь диктора или самого студента стала объектом наблюдения. Таким образом, для получения информации используется не только зрительный, но и слуховой канал. Применение звукотехнических средств, требующих постоянного внимания и быстрой речевой реакции учащегося, приводит к интенсификации процесса обучения, повышает интерес к предмету.

Особую роль технические средства могут играть в условиях заочного обучения, когда студент почти лишен языкового общения с преподавателем и со студентами. Домашняя работа с грампластинкой или магнитофонной лентой, а в особенности работа в звукотехнической лаборатории (в период сессии для иногородних студентов и в течение всего года для местных заочников) может оказать им неоценимую помощь.

К сожалению, ни один из существующих учебников для заочников не снабжен удовлетворительным комплектом пластинок. Поэтому пока можно серьезно говорить только об использовании магнитофона. Эффективность этого средства подтверждается почти четырехлетним опытом работы звукотехнической лаборатории СЗПИ, в которой проводится обучение студентов чтению и элементарным навыкам устной речи по пособиям, изданным кафедрой.

Практика кафедры иностранных языков СЗПИ свидетельствует о целесообразности обучения правилам чтения и произношения непосредственно в звукотехническом кабинете. На это не расходуются драгоценные часы аудиторных занятий.

Все студенты I курса СЗПИ, приступающие к изучению английского языка, подвергаются опросу, на основании которого преподаватель устанавливает, нуждается ли данный студент в лабораторной работе на усвоение правил чтения. В индивидуальной карточке студента делается соответствующая отметка и он направляется в лабораторию, где ему предлагают прослушать ряд упражнений. Усвоение правил чтения контролирует находящийся в лаборатории консультант.

Работа завершается контрольным упражнением, в котором студент получает задание прочесть вслух слово, затем прослушать контрольное чтение диктора и снова повторить то же слово за диктором: stairs, steer, war, hour, shear, pearl, sour, calm, stall, quarter, France, grass, draft, chalk, earth, quake, fair, walk, past, craft, dear, answer, ball, cheer, appear, search, career, hair, branch, always, chalk, wash, quality, master, after.

Если магнитофон оборудован устройством для одновременного прослушивания и записи (двухдорожечная запись), то студент может записываться одновременно с прослушиванием и тут же сравнить свою фонограмму с записью диктора.

После того как студент прослушает первую часть правил чтения и произношения, консультант дает ему упражнения на все правила чтения по этой части и затем либо разрешает начать работу над второй частью, либо предлагает частичное или полное повторение первой части.

После сдачи всех трех частей правил чтения студент получает незнакомый ему английский текст, который он должен прочесть, применяя правила чтения. При удовлетворительном чтении консультант делает отметку в студенческой карточке о том, что правила чтения и произношения прослушаны и сданы. Только после этого студент имеет право сдавать тексты.

Опыт СЗПИ подтверждает необходимость такого вводного курса для большинства студентов, изучающих английский язык. В меньшем объеме он полезен изучающим немецкий и французский языки.

Для некоторых учащихся достаточно повторительного курса, но для большинства заочников необходимо организовать учебные чтения текстов. Наговариваются фонограммы двух типов:

1. Весь текст читает диктор в нормальном темпе для наглядного показа слитного чтения и правильного интонирования. Прослушивая фонограмму с этой записью, студент следит по книге за печатным текстом.

2. Текст разбивается на синтагмы и читается диктором в замедленном темпе. Для лучшего восприятия целесообразно делить текст на максимально короткие отрезки и давать интервалы в 2,5—3 раза более длительные, чем время звучания синтагмы, прочитанной диктором. Наиболее трудные слова произносятся диктором медленно, отчетливо, по несколько раз.

Приступая к работе, студент получает фонограмму, печатный текст и инструкцию, которая предлагает ему прослушать текст и повторять его за диктором во время пауз. В печатном тексте, разбитом на синтагмы, должно быть отмечено начало каждой паузы. Эти отметки показывают студенту, когда он должен начинать повторение за диктором.

Примеры

Weather Forecasts.* Scientific weather observations/are of great importance/to our industry and agriculture./They are also important/for aviation and navigation./There are many weather observation stations/in the USSR./

Der Alte Dorfbibliothekar.** Über die Straße eines Dorfes mit vierhundert Einwohnern/geht mit schwerem Schritt/ein Mann./Unter dem Arm/trägt er/eine Tasche mit Büchern./Das ist der alte Dorfbibliothekar./In seinem langen arbeitsreichen Leben/reihen sich Erlebnis an Erlebnis./

Этот вид упражнений следует повторять до тех пор, пока студент не научится правильно читать. Консультант, проверяя чтение студента, указывает ему на ошибки и рекомендует дополнительные упражнения, либо признает материал усвоенным и делает соответствующую отметку в студенческой карточке, что дает студенту право сдавать данный текст.

Обучение чтению проводится в СЗПИ в течение нескольких лет. В виде опыта мы начали составление упражнений на закрепление лексики и обучение элементарным навыкам устной речи с использованием звукотехнических средств.

Формы и виды работ по обучению устной речи в заочном вузе мало отличаются от упражнений, проводимых в очном вузе. Однако учитывая, что устная речь есть двусторонний процесс, сочетающий, с одной стороны, слушание и понимание, а с другой — говорение, следует иметь в виду, что в условиях работы с заочниками главное внимание должно уделяться именно пониманию речи со слуха.

Работу по развитию навыков устной речи рассмотрим на примере темы «Биография студента».

Предварительно студент знакомится с текстом учебного пособия кафедры.*** Начиная работу в лаборатории, он может прослушать текст, следя по книге за чтением диктора. Затем ему предлагается прослушать тот же текст, воспринимая его на слух и записывая перевод. Диктор читает 2—3 предложения и делает паузу для записи. После окончания перевода этого текста ему предлагается другой, новый текст, построенный на знакомой лексике (например, биография ученого, космонавта и т. п.).

* Заимствовано из учебника английского языка для вузов В. Р. Гундризера, А. С. Ланда. М., 1961.

** Заимствовано из учебника немецкого языка для вузов заочного обучения О. М. Белостоцкой, Е. Ю. Мазурской. М., 1958.

*** Е. А. Клазер, Н. М. Соболева, В. Г. Тарасенкова. Английский язык. Пособие по развитию навыков устной речи. СЗПИ, 1964. И. А. Шелингер, И. К. Шелкова, Т. М. Егорова, Н. Л. Левинсон. Немецкий язык. Пособие по развитию навыков устной речи. СЗПИ, 1964.

Обучение элементам устной речи следует начинать с простой реакции студента на вопрос преподавателя. В этом плане наилучшие результаты дают упражнения в конструировании кратких ответов на общие вопросы диктора «да» или «нет». Основным принципом такого вида работы является многократное повторение однотипных вопросов и ответов на них по данной речевой модели.

Студенту дается учебное пособие с речевыми моделями и упражнениями. Ему предлагается посмотреть на модель 1 и внимательно послушать вопрос и ответ.

Model 1

Have you a sister? Yes, I have. No, I haven't.

Затем, пользуясь этой моделью, ответить на вопросы диктора. Сами вопросы не даны в пособии. Это только дикторский текст.

Have you —

—	a father?
—	a mother?
—	a brother?
—	a sister?
—	a wife?
—	a son?
—	a daughter?

Модель 2 построена на той же лексике, но в грамматическом отношении она сложнее.

Model 2

Has your friend a mother? Yes, he (she) has. No, he (she) hasn't.

Has your friend —

—	a mother?
—	a father?
—	a sister?
—	a brother?
—	a wife?
—	a son?
—	a daughter?

Модель 3 сочетает грамматические и лексические особенности моделей 1, 2.

Model 3

Have you any brothers?
Yes, I have some.
No, I haven't any.
Has your friend any sisters?
Yes, he (she) has some.
No, he (she) hasn't any.

Have you any children? Has your friend any children? Have you any sisters? Has your friend any sisters? Have you any cousins? Has your wife any cousins? etc.

Затем дается специальный вопрос, содержащий новую лексику и знакомые грамматические формы.

Model 4

How many sisters have you?
I have two sisters.
How many sisters has your wife?
She has only one sister.

How many children has your friend? How many friends have you? How many brothers has your husband (wife)? etc.

Если вводятся дополнительные слова по теме, их пишут под соответствующей моделью, давая перевод и транскрипцию. Затем следует сводное упражнение. Студенту предлагается внимательно слушать вопрос диктора, обращая внимание на форму вопроса и на форму глагола (have, has): Have you a sister? Have you any brothers? How many brothers have you? Has your wife (husband) a mother? Has your wife (husband) any sisters? How many sisters has she (he)? etc.

Ответы на вопросы сводного упражнения студент может записать на пленку и проверить их, обращаясь к речевым моделям.

Таким образом, звукотехнические средства можно эффективно использовать и в заочном вузе.

В заключение несколько слов о вопросах организационного порядка. Там, где имеется широкая сеть филиалов и УКП, целесообразно создавать звуколаборатории и на местах. (Это делается в филиалах СЗПИ.) Однако методическую работу и подготовку программ целесообразно проводить на кафедре и снабжать филиалы централизованно.

В самой лаборатории должна быть предусмотрена возможность одновременной трансляции многих программ и соответствующей коммутации, ибо в лаборатории одновременно работают студенты разных курсов, факультетов и групп. Чтобы снабжать фонограммами периферийные УКП и студентов-одиночек, необходима аппаратура для снятия копий.

Кафедры могут организовать также обслуживание отдельных студентов, имеющих магнитофоны. В методических указаниях, рассылаемых студентам, указано, какими фонограммами кафедра располагает и какую помощь может оказать. В соответствии с индивидуальным планом своей работы студент присылает на кафедру чистую магнитофонную ленту и заказ-бланк, в котором он указывает, какую фонограмму ему необходимо получить и какова скорость воспроизведения его магнитофона. Лаборатория кафедры записывает на его ленту необходимый материал и высылает студенту. Проработав данный раздел, студент может использовать ленту вторично, возвратив ее на кафедру для перезаписи.

Кафедра имеет возможность организовать контроль работы студентов, имеющих магнитофоны. Студенту предлагается закончив работу с фонограммой диктора, записать тот же материал самому и собственную фонограмму прислать на кафедру для проверки. Получив ленту, преподаватель-рецензент прослушивает ее и высылает рецензию, которая может быть как письменной, так и устной («говорящей»). Такое обслуживание может оказать серьезную помощь студентам-заочникам, занимающимся индивидуально.

СИНЯВЕР Е. С.

МЕТОДИКА РАБОТЫ НАД МНОГОЗНАЧНЫМИ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ

Многозначность свойственна словам любой морфологической структуры и особенно корневым словам. Она свойственна также заимствованным и исконным, знаменательным и служебным словам. Ниже объяснение многозначных лексических единиц дано на корневых словах.

С самого начала обучения, при первой встрече с одним из многозначных слов, преподаватель объясняет учащимся, что слова английского, как и русского языка, многозначны, т. е. обладают двумя и более значениями, что слово может иметь разные значения в зависимости от контекста.

Показ многозначности слов полезно начать с русских слов. Приведем цифры, данные в толковом словаре А. Н. Ушакова. Глагол «идти» имеет 40 значений; вот наиболее интересные и характерные из них:

Он идет в институт.

Чай идет из Китая.

Дубовый лес идет на постройку кораблей.

Окунь идет на червяка.

Платье идет.

Он поступает в институт.

Чай вывозят из Китая.

Дубовый лес используется для постройки кораблей.

Окунь ловится на червяка.

Платье к лицу.

Другим примером многозначности может быть слово «работа» в 10 разных значениях, слово «разбить», имеющее 17 значений, слово «принять» — 17 значений, слово «тяжелый» — 16 значений и т. д.

Затем преподаватель переходит к объяснению многозначности слов английского языка. Слово может сохранить свое первоначальное значение или значения и в то же самое время приобретать одно или несколько новых значений, — пишет один из виднейших семасиологов С. Ульман.* Американский ученый

* S. Ullman. The Principles of Semantics. Oxford, 1957, p. 117.

и лингвист Фриз* подчеркивает, что фактическое число отдельных значений наиболее употребительных английских слов огромно. Он отмечает, что Оксфордский словарь приводит 69 значений глагола *come*, 94 — глагола *go*, 97 — глагола *take*, 126 — глагола *set* в дополнение к 47 значениям существительного *set*.

Вполне возможно, что некоторые детали деления значения слов можно рассматривать как оттенок значения, поэтому все приведенные цифры не абсолютны, но достаточно показательны.

Можно найти прямое отношение между числом различных значений слова и частотностью его употребления. Исследования в этой области показывают, что 15 наиболее употребительных слов составляют в речи 25,22%; 66 наиболее употребительных слов составляют 50,06%; 320 наиболее употребительных слов составляют 72,25%**.

Объясняя многозначность слов, преподаватель показывает роль контекста при установлении значения слова; слова, вступающая в сочетания друг с другом, могут приобретать различные значения. Преподаватель приводит примеры, где одно и то же слово выступает в различных значениях; примером может служить хорошо знакомое учащимся многозначное слово *heavy*. Предложения со словом *heavy*, построенные на знакомой учащимся лексике, преподаватель пишет заранее на листах бумаги и на занятии раздает эти листы учащимся. Преподаватель привлекает учащихся к переводу написанных предложений, корректирует, а если нужно, разъясняет перевод. Для закрепления этого языкового явления полезно, чтобы учащиеся записали примеры и их перевод в тетради, причем многозначное слово и его русский эквивалент должны быть подчеркнуты.

Можно предложить следующие примеры:

The new engine is not very heavy — Новый двигатель очень тяжелый.

The failure in the engine is heavy — В двигателе серьезное повреждение.

The cost of the repair is heavy — Стоимость ремонта высокая.

The engine has to undergo heavy repairs — Двигатель должен пойти в капитальный ремонт.

The sea was heavy that night — Море было бурным в ту ночь.

The fog being heavy, the plane did not take off — Самолет не вылетел из-за густого тумана.

* Ch. Fries. Teaching and Learning English as a Foreign Language, New York, 1947, pp. 40—41.

** P. Guiraud. Les Caractères Statistiques du Vocabulaire. Paris, 1954, p. 9.

Short-wave gamma rays are the most serious and these can be shielded only by heavy layers of lead at present — Коротковолновые гамма-лучи являются наиболее опасными; защититься от них можно в настоящее время только толстыми слоями свинца.

People wear heavy clothing in cold weather — Люди носят теплую одежду в холодную погоду.

После устного перевода этих примеров преподаватель суммирует все значения слова heavy — тяжелый, серьезный, высокий, капитальный, бурный, густой, толстый, теплый, подчеркивая, что все эти значения внутренне связаны с основным значением — тяжелый.

Но нужно ли объяснять учащимся каждое многозначное слово, с которым им приходится встречаться в тексте? По нашему мнению, — нет.

Вопрос о том, давать ли все значения многозначных слов изучаемого текста, и когда их давать, был поднят в ряде статей. Авторы этих статей считают, что нельзя нагромождать большое количество значений одного и того же слова, особенно при объяснении данного слова изолированно от контекста, и приводят психологические обоснования.

Следует ли сказать учащимся сразу все значения слова, начиная создавать связи, или сказать только одно значение, что иногда ведет к трудностям в дальнейшем? Это сложный вопрос.

Как показывает практика, подход к разъяснению многозначных слов в научно-технических текстах должен быть дифференцированным. Если учащийся впервые встречает в тексте новое многозначное слово в его основном значении, то не следует давать сразу все его другие значения (см. примеры на прилагательное heavy), так как они помешают учащимся усвоить основное исходное значение слова, знание которого необходимо для правильного перевода многозначного слова в различных сочетаниях. Если многозначное слово впервые встречается в переносном значении, то надо дать его прямое значение.

Однако из сказанного не следует делать вывод, что всякое слово нужно возводить к его первоначальному этимологическому значению. Часто встречаются слова, которые в первоначальном значении употребляются очень редко, или ввиду их относительно малой частотности встречаются гораздо позднее, на последующих этапах изучения языка. Указание первоначального значения таких слов излишне, так как это загружало бы учащихся ненужными им сведениями. Эти слова целесообразнее объяснять лишь в том значении, в котором они встретились.

Каждый преподаватель может привести целый ряд примеров из собственной практики, когда учащийся переводит знакомое ему слово только тем русским эквивалентом, который он

знает, а знает он, как правило, только основное значение слова. Логическое мышление и знание специального предмета подсказывают учащемуся другой эквивалент, но он боится отойти от известного ему значения слова, например:

Within her hull there is a plant of no less than 50.000 horse power — В его корпусе находится установка мощностью не менее 50.000 лошадиных сил.

Учащиеся знают из учебника значение слова plant и в этом предложении переводят его словом «завод», что здесь ведет к бессмыслице. В приведенном примере слово plant должно быть переведено словом «установка».

Чтобы предупредить подобные явления, преподавателю надо провести специальную работу, например, на известном слове heavy показать несовпадение объема значений английского heavy и русского «тяжелый».

heavy engine	тяжелый двигатель
heavy layer	толстый слой
heavy calibre	крупный калибр
heavy current	сильное течение
heavy draught	большая осадка
heavy repair	капитальный ремонт
heavy sea	бурное море
heavy fog	густой туман

С другой стороны, слову «тяжелый» могут соответствовать такие английские слова:

тяжелый двигатель	heavy engine
тяжелый воздух	close air
тяжелая болезнь	serious illness
тяжелая задача	difficult task
тяжелые времена	hard times

Показав на примерах несовпадение объема значений русских и английских слов, преподаватель отмечает, что есть и случаи совпадения объема значений русских и английских слов. Это явление чаще всего встречается у терминов, например: amplifier — усилитель, anode — анод, inch — дюйм.

Приведенные примеры подтверждают решающую роль контекста при установлении значения слов. На это обстоятельство необходимо постоянно обращать внимание учащихся.

После объяснения различных значений многозначного слова целесообразно использовать следующие приемы:

1. В связный текст, построенный на знакомой лексике, включить многозначное слово, подлежащее переводу. Преподаватель раздает учащимся листы с предложениями на английском языке или пишет предложения на доске, или же учащиеся

под диктовку преподавателя записывают предложения на доске. Перевод предложений записывают в тетради. Первым пишется предложение, где дается основное значение многозначного слова, а затем предложения с другими его значениями.

Примеры

We study a foreign language — Мы изучаем иностранный язык.

Many delegations from foreign countries come to the Soviet Union every year — Много делегаций из зарубежных стран приезжают в Советский Союз каждый год.

People's Democracies develop their foreign trade — Страны Народной Демократии развивают свою внешнюю торговлю.

The Americans establish their military bases on foreign territories — Американцы создают свои военные базы на чужих территориях.

Some types of our planes are used on the lines of foreign traffic — Некоторые типы наших самолетов используются для международных сообщений.

К переводу предложений на русский язык следует привлекать учащихся, концентрируя их внимание на слове foreign.

2. В группах со слабой языковой подготовкой многозначные слова лучше помещать в русский контекст, который облегчает понимание значения нового слова. Примерами должны быть простые предложения, с совпадающим в обоих языках порядком слов.

Предложения пишутся заранее на листах или на доске преподавателем или учащимися. Учащиеся записывают предложения и их перевод в тетради.

Примеры

Эти engines (машины) посланы на Дальний Восток.
На теплоходе установлен мощный engine (двигатель).
У этого самолета четыре engines (мотора).

Создание у учащихся навыка определять значение слова по контексту является одной из главных задач при обучении чтению и пониманию научно-технической и общественно-политической литературы на иностранном языке. Преподавателю следует помнить об этом и не подсказывать учащимся значения слов, а также не отсылать их к словарю в тех случаях, когда они могут установить значение слова по контексту.

В зарубежной методической литературе* отмечается, что

* P. Gurrey. Teaching English as a Foreign Language. London, 1956, p. 109.

вместо того чтобы поставить наводящий вопрос, который помог бы определить значение нового или забытого учащимся слова на основании значения окружающих его слов, преподаватель подсказывает значение незнакомого слова или отсылает учащегося к словарю.

Чтобы научить учащихся пользоваться контекстом, преподаватель должен бороться с их стремлением все переводить дословно или слово за словом. Полезен совет преподавателя прочесть все предложение до конца или, в крайнем случае, до занятой, и только после этого перевести незнакомое слово.

Углубленный анализ употребления слова в родном и иностранном языках вырабатывает у учащихся умение литературно переводить технические тексты. Сравнительный анализ объема значений русского и английского слов помогает правильно понять значение объясняемого английского слова и его употребление в речи. В связи с этим возникает необходимость дополнять перевод однозначных и многозначных слов, имеющих синонимы, разъяснением их значений. Так, например, встретив в тексте слово *angle*, преподаватель переводит его русским эквивалентом «угол», сразу уточняя: «угол» как часть плоскости между двумя прямыми линиями, исходящими из одной точки, математический, технический термин. Слово *corner* также переводится на русский язык словом «угол», но это — место, где сходятся, пересекаются два предмета или две стороны какого-либо предмета.

После перевода, сопровождающегося толкованием и разъяснением, преподаватель дает упражнение на условный перевод с родного языка, при котором учащиеся должны только решить, как следовало бы перевести на английский язык подчеркнутые в русском тексте слова. Например, после перевода — толкования слов *angle* и *corner* — преподаватель предлагает перевести слово «угол» в следующих предложениях:

Мы встретили его на углу. Угол падения равен углу отражения. Видели, как они повернули за угол. Угол рассеяния света будет небольшим. Стол стоит в углу комнаты. Он указал нам на вершину угла.

Практика показывает, что при переводе синонимичных слов без соответствующих пояснений учащиеся не уясняют разницы между ними, что довольно часто приводит к неправильному употреблению слов в речи.

Разъясняя многозначность слов, целесообразно постоянно проводить параллель с русским языком. Объяснение многозначности слов развивает у учащихся навыки определения значения многозначных слов по контексту, без помощи словаря. Такие навыки приобретают еще большее значение в связи с тем, что новейшая литература содержит ряд слов, еще не попавших в словари.

ДЕМЕНТЬЕВА М. Б.

О ПРИВИТИИ НАВЫКОВ РЕФЕРИРОВАНИЯ ИНОСТРАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Обучение разговорной речи и привитие навыков пользования научной иностранной литературой могут быть взаимосвязаны лишь в весьма ограниченном смысле, поэтому наиболее целесообразным представляется построение двух параллельных и дополняющих друг друга курсов с самого начала обучения языку.

Работа над иностранным научным текстом является неотъемлемой частью деятельности каждого специалиста. Эта работа может носить весьма разнообразный характер — от подробного перевода иностранных материалов до составления аннотации.

В высшей школе обычно обучают переводу научного текста с иностранного языка на русский. Эта цель вполне оправдана, так как иностранную научную литературу чаще переводят не переводчики, а сами специалисты в той или иной области науки.

Однако в последнее время все большее значение приобретает другой вид воспроизведения прочитанного иностранного текста — составление на русском языке краткого реферата * книги или статьи. За последние годы резко возрос обмен научной и технической информацией с зарубежными странами, и специалисту приходится иметь дело с огромным количеством иностранной литературы в своей области и в смежных областях. Для того чтобы отобрать нужный ему материал, специалист должен владеть навыками реферирования. Реферативные сборники иностранной литературы издают очень многие учреждения и институты. Пересказ основного содержания одного или нескольких литературных источников, — реферат становится для специалиста более нужной формой, чем литературный перевод.

Для приближения вузовского курса иностранного языка к требованиям практики мы и ставим задачу обучения студентов обем указанным формам работы с иностранным текстом по специальности. Это позволяет нам найти и формы работы по иностранному языку на старших курсах (реферативные

* Лат. *refere* — рассказываю.

буоро, кружки СНО, использование иностранной литературы при выполнении курсовых и дипломных работ), так как в соответствии с новыми учебными планами изучение иностранного языка заканчивается на четвертом семестре, когда студенты еще не начали изучение специальных курсов.

Наблюдения проводились над экспериментальными группами студентов и для проверки результатов — над группами аспирантов 1-го и 2-го года обучения, изучавших немецкий язык. Анализ большого числа переводов, выполненных лицами с различной степенью подготовки, а также официальных переводов специальной литературы и переводов для внутреннего пользования дал нам возможность сделать вывод о целесообразности разделения курса обучения навыкам пользования иностранной научной литературой на два этапа: обучение литературному переводу и обучение реферированию. Первый этап предшествует второму. Мы настаиваем на такой последовательности даже для лиц, которым более легким представляется путь от общего к частному, — от понимания общей идеи повествования к детальному переводу, ибо литературный перевод приучает глубоко проникать в ход мыслей иностранного автора, четко формулировать их на родном языке, воспитывает внимательное отношение к смысловой стороне оригинала.

Под литературным переводом мы понимаем ясное и точное изложение содержания оригинала, соответствующее нормам русского языка. Подобное изложение доступно любому и не требует особых литературных данных. Поэтому переводчиком научной литературы может стать любой специалист, хорошо владеющий иностранным языком.

Начальной и конечной целью чтения любого текста на иностранном языке является понимание содержания. Однако перед лицами, недостаточно владеющими иностранным языком, встает множество трудностей грамматического и лексического характера, затрудняющих понимание оригинала. Поэтому прежде чем приступить к практической работе над специальным текстом на иностранном языке, а также в первый период этой работы мы проводим краткий повторительный теоретический курс с очень строгим отбором материала, безусловно необходимого для указанных целей. Задачей этого курса является выработка навыков сознательного сопоставления изучаемого иностранного языка с родным. При объяснении грамматического материала полезно помнить указание Л. В. Щербы о важности изучения не просто правил немецкого, английского, французского языков, а русско-немецких, русско-английских, русско-французских правил.*

* Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1947, стр. 43.

Кроме того, целесообразно проведение одной-двух кратких бесед о значении, психологической основе и главных приемах литературного перевода.

Вслед за этим начинается непосредственная практика по литературному переводу на аудиторных занятиях. Обучение на этом этапе проводится на текстах общественно-политического и общенаучного характера. Тексты невелики по объему (не более страницы), не содержат особых трудностей, доступны пониманию студентов. Подбирать их следует таким образом, чтобы в них встречались отступления, требующие литературной обработки (замены, пропуски, добавления, расширения или сужения). Обычно через 5—6 аудиторных занятий студенты оказываются в состоянии выделить в тексте подобные места. Словарь на аудиторных занятиях не используется — работа с ним отнимает на этом этапе много времени и отвлекает студентов от основной задачи.

В качестве одного из учебных методов мы пользуемся дословным переводом, ибо он помогает учащемуся понять различия в способах выражения одного и того же явления в разных языках.

Подводя итоги, можно предложить такую схему работы над иностранным текстом в процессе обучения:

1) чтение текста в целях ознакомления; краткий пересказ на русском языке понятных мест. Работа проводится без словаря, пересказ устный;

2) анализ трудных мест, которые остались непонятными при первом прочтении; их дословный и литературный перевод, запись наиболее громоздких периодов;

3) заключительное чтение и литературный перевод текста в целом или пересказ на русском языке его основного содержания.

Говоря о переводе, Б. В. Беляев утверждает, что поскольку мышление у различных народов происходит различно, то в переводе может сохраниться только объективное содержание мысли автора — связи и отношения между предметами мысли, а субъективное содержание, т. е. понятия и суждения, сохраниться не может, так как понятия и суждения различны в различных языках.*

Творческий характер процесса перевода проявляется там, где переводчик считает необходимым отступить от общепринятого эквивалента данному слову и выражению в родном языке и употребить другое слово или выражение. Эти отступления создают в сущности элементы пересказа отдельных частей оригинала своими словами, поэтому литературный перевод — шаг

* Б. В. Беляев. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1959, стр. 40.

к реферированию. На этом этапе учащийся делает психологический скачок от того этапа, когда конструктивные трудности, лишняя сторона отвлекают его от содержания к этапу, когда выявляется главное содержание читаемого текста.

В начале второго этапа задания должны быть легкими, небольшими по размеру и конкретными (ответы на поставленные заранее вопросы, составление плана текста). Учащимся предлагается, например, по описанию магазина самообслуживания набросать схему размещения оборудования или по нескольким кратким описаниям определить различные формы торговли (Selbstbedienung, Vorauswahl, Direktbezug).

Приучает концентрировать внимание на выявлении основного содержания и такой вид работы, как выбор одного из вариантов основной идеи, предлагаемых преподавателем перед прочтением текста. Например, учащимся предлагается определить, какой из трех видов магазинов — самообслуживания, по образцам или «Шейте сами» — описан в отрывке:

Wir betreten den Verkaufsraum und stehen unmittelbar vor einem langen Regale, das in viele schmale Gefäße unterteilt ist. In jedem dieser Fächer liegt ein Stück Stoff, ein Coupon, der ein Kleid, einen Rock, eine Bluse oder einen Mantel ergibt. Wir sehen uns eine Reihe der verschiedensten Stoffe an, an den einzelnen Fächern sind weder ein Meterpreis, eine genaue Qualitätsbezeichnung noch Angaben über die Breite des Stoffes zu sehen.

Такие задания должны переключить учащихся с привычного для них сплошного перевода к выделению основного содержания либо всего текста в целом, либо заданного материала.

Итак, студент уже обладает навыками литературного перевода и в какой-то степени умеет передать своими словами заданную идею.

Навыки реферирования закрепляются на тщательном сознательном сопоставлении литературного перевода и пересказа основного содержания текста. Учащийся приучается к наилучшему выделению основной мысли повествования, опуская второстепенные детали, т. е. приучается осуществлять «стяжение» по терминологии А. А. Смирнова.* В ходе этого процесса несколько мыслей как бы «стягиваются» в одну, качественно иную и более важную для читателя. Например, учащимся предлагается для анализа два вида воспроизведения следующего текста:

Es wurden nicht wenige Versuche gemacht, Schuhe in den Spezialverkaufsstellen vollständig in Selbstbedienung zu verkaufen. Das mislang und konnte aus der Art der Ware nur bis zu einem gewissen Grade funktionieren, sagen wir, weil niemand sich zu einem Paar passende Füße kauft, sondern für seine Füße ein passende Schuhe braucht.

* А. А. Смирнов. Психология запоминания. М., 1948, стр. 39.

Nur eine Fachkraft mit langjährigen Erfahrungen kann ermessen, was hier an Beratung, an Hinweisen, an orthopädischen Gesichtspunkten berücksichtigt werden muss. Die Quittung für absolute Selbstbedienung kam sehr bald. Was bei allen Bemühungen übriggeblieben ist, das waren verschiedene Methoden der Vorauswahl.

1. Делалось немало попыток торговать обувью в специализированных магазинах с полным самообслуживанием (далее следует полный перевод текста).

2. В специализированных магазинах по продаже обуви самообслуживание оказалось непригодным. Наиболее подходящей здесь является продажа по образцам.

Второй вариант передает интересующую читателя мысль и ликвидирует необходимость подробного перевода. Можно было бы предположить, что для достижения этих навыков нет необходимости в длительном процессе обучения переводу. Однако опыт убеждает в неверности подобного предположения. Не воспитав навыков тщательного литературного перевода, мы дадим дорогу верхоглядству, и наши ученики вместо реферата будут предлагать неполный и неполноценный перевод.

Изложение содержания прочитанного произведения на иностранном языке допустимо лишь на следующем этапе работы над языком. Привитие навыков реферирования мы проводим на русском языке, ибо именно этого требует поставленная нами практическая задача.

Реферирование на языке оригинала практикуется главным образом в аспирантских группах.

АНДРИАНОВА Л. Н., БАГРОВА Н. Ю., ЕРШОВА Э. В.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К УЧЕБНИКУ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЗАОЧНИКОВ

В настоящее время нет учебника английского языка для заочников, который отвечал бы требованиям существующей программы, был небольшим по объему и обеспечивал систематическое повторение старого материала и усвоение нового. Рост числа студентов, занимающихся по заочной системе, требует от преподавателей вузов пересмотра имеющихся учебников с учетом реальных знаний поступающих в заочные технические вузы и на заочные факультеты. В данной статье предлагаются основные принципы построения такого учебника.

Содержание и методическое построение учебника определяется требованиями программы. Учебник должен охватывать весь грамматический и лексический материал, подлежащий усвоению.

На наш взгляд, учебник должен состоять из краткого повторительного фонетико-орфографического курса, текстов, диалогов и упражнений. Краткий грамматический справочник, ключи к упражнениям, словарь и тексты для дополнительного чтения должны быть приложены к учебнику.

Включать полный фонетико-орфографический курс целесообразно только в учебник для начинающих изучать английский язык. Для продолжающих изучать язык (а в заочном вузе студенты продолжают заниматься языком, который они изучали раньше) фонетико-орфографический курс должен быть дан кратко в виде справочника. Обязательно должны быть помещены в учебник основные правила чтения.

Различные цели обучения — с одной стороны, обучение технике чтения и перевода, а с другой — выработка навыков устной речи — должны осуществляться в рамках одного учебника, хотя и на разных текстах. Поэтому целесообразно, чтобы учебник содержал тексты двух типов — для обучения технике перевода и для развития навыков речи.

Несмотря на то, что целью обучения иностранному языку студентов заочных вузов и факультетов является обучение чтению и переводу технической литературы, нам представляется более правильным, чтобы первые тексты были построены на

бытовой лексике и включали основы грамматики. Постепенно тексты должны усложняться и насыщаться общетехнической лексикой.

Тексты, служащие для обучения технике перевода, должны сообщать студентам сведения общетехнического характера, быть интересными по содержанию и небольшими по размеру (примерно 2000 знаков; текст такой величины студент может подготовить за один раз и целостность восприятия не нарушится).

Другой вид текстов — это тексты, служащие для развития навыков речи. Они должны основываться на разговорных темах, указанных в программе, как-то: биография и семья, рабочий день и отдых, институт, город и т. д. Эти тексты строятся на бытовой лексике и непременно на речевых моделях, подлежащих тренировке и запоминанию. Весьма желательно, чтобы они сопровождались диалогами.

Обычно авторы стремятся поместить в учебник разнообразные по тематике тексты; в этом они видят залог интереса. Например, в «Учебник английского языка для высших учебных заведений заочного обучения» (авторы А. В. Петрова и С. В. Понтович) студенту в первой части предлагаются следующие тексты:

Урок 17 — «At a Shop», «Sophia Kondakowa Sets World Record».

Урок 18 — «At the Library», «Soviet Stevedore Tells of his Life and Work».

Урок 19 — «More Sugar Beets».

Урок 20 — «At the Clinic».

Урок 21 — «A Mother Fights for her Children».

Урок 22 — «Education by Correspondence».

На наш взгляд, залогом интереса является не разнообразие тематики, а содержание текста. Даже перечисленные заглавия уроков показывают, что подобное разнообразие текстов связано с большим количеством новой лексики, а это значит, что в каждом последующем уроке не закрепляется лексика предыдущего, а вводятся все новые и новые слова.

Нам представляется более правильным строить два или даже три урока на одной теме. Но это, конечно, не значит, что 2-й или 3-й урок будет дублировать первый. Нет, он должен либо расширить данную тему, либо осветить ее с какой-то другой стороны, но основная лексика будет в нем повторяться и закрепляться. Так, например, лексика темы «Рабочий день студента-заочника» может быть повторена в текстах, посвященных вопросам труда и образования за рубежом. Или лексику темы «Квартира» можно закрепить и повторить в текстах, рассказывающих о жилищном строительстве в СССР и за рубежом, и т. д. По этому принципу можно построить и тексты на общетехнической лексике.

Желательно, чтобы переход от одного урока к другому по возможности не был резким. Думается, что этому требованию отвечает примерно такое расположение тем. От темы «Биография и семья» перейти к распорядку дня (работе и учебе), а затем к условиям жизни семьи. Тему «Времена года» легко связать с темами «Выходной день» и «Спорт» и т. д. Весьма желательно введение в урок второго (дополнительного) текста, по тематике тесно связанного с основным. Он поможет закрепить новую грамматику и новые слова основного текста и сообщить студентам какие-то новые сведения. Таким вторым текстом может быть описательный текст или диалог. Так, например, к теме «Образование в СССР» хорошо дать в дополнительном тексте сведения об образовании в стране, язык которой изучается.

Авторы должны стремиться к тому, чтобы тексты не были банальны по содержанию и имели элементы юмора.

При обучении устной речи надо научить студента наполнять речевые модели различным содержанием. Но чтобы научить делать это, следует использовать различные виды работ, в том числе и заучивание наизусть небольших диалогов. По содержанию такие диалоги должны быть полезны студенту в сходной ситуации. Кроме того, они должны соответствовать уровню знаний студента и содержать речевые модели, которые надо запомнить.

С текстами непосредственно связан вопрос о лексике. Идеальным представляется построение текстов на лексике, отобранной на научной основе и сведенной в словарь-минимум. В настоящее время нет такого словаря (для первого этапа обучения), на который могли бы опереться авторы учебников. Отбор лексики в значительной степени диктуется разговорными темами, предусмотренными программой и текстами учебника.

Отбор лексического минимума — это один из наиболее сложных вопросов для составителей учебников, так как здесь во многом приходится руководствоваться чисто практическим опытом. Совершенно необходимо к каждому уроку давать минимум слов и выражений, которыми студент должен владеть активно.

Некоторые авторы совершенно неверно поняли роль грамматики в связи с новыми требованиями и полностью исключили ее. Это можно проиллюстрировать на примере учебника «English for Technical Institutes» для II курса вечерних и заочных отделений технических вузов,* в котором автор вынужден сам давать перевод целых фраз, содержащих весьма несложную грамматику (например, общие случаи употребления страдательного залога и др.).

* В. Р. Малкин. Красноярск, 1963.

Опыт преподавания иностранного языка в заочном вузе убедил нас в невозможности обучать языку без грамматики. Некоторые методисты, однако, полагают, что грамматические пояснения не следует включать в учебник. Думается, что это неверно. Учебник для заочников должен содержать все необходимое для овладения данным курсом, без ссылок на другие учебники грамматики, пособия и т. д., хотя бы по той простой причине, что студент, особенно периферийный, далеко не всегда может их найти.

С нашей точки зрения, не может быть двух мнений о том — изучать или не изучать грамматику. Вопрос в том, как ее изучать.

Некоторые методисты полагают, что в основу каждого текста должна быть положена определенная тематика и определенные речевые модели, а не грамматика. На наш взгляд, это не совсем верно. Текст должен строиться не только на определенной теме и соответствующих речевых моделях, но и на определенном грамматическом материале.

Игнорирование принципа последовательности распределения грамматического материала ведет либо к перегрузке одного урока несколькими грамматическими темами, либо к распыленности одной грамматической темы. Так, например, в «Учебнике английского языка для высших технических заведений» (авторы Т. М. Новицкая, Е. А. Глюске, Н. Д. Кучин) в уроке 3 студенту даются следующие грамматические темы: Имя существительное в функции определения. Имя числительное (количественное, порядковое, дробное). Чтение хронологических дат. Вопросительные и относительные местоимения. Глагол. Личные и неличные формы глагола. Вспомогательные глаголы. Модальные глаголы и их эквиваленты. Предлоги места и движения. Простое распространенное предложение и члены предложения. Построение повествовательного предложения.оборот «there + to be». Сложное предложение. Виды придаточных предложений.

Данный урок, к сожалению, не является исключением (см. уроки 4, 5, 6, 7).

Встречаются и совершенно противоположные явления, когда грамматический материал разбросан и одна грамматическая тема дается в нескольких уроках. Так, например, в «Учебнике английского языка» для заочников (авторы А. В. Петрова и С. В. Понтович) тема «модальные глаголы и их эквиваленты» объясняется в следующих уроках:

модальные глаголы <i>must</i> и <i>can</i>	— 2-й урок
модальный глагол <i>may</i>	— 8-й урок
прошедшее время модальных глаголов	— 10-й урок
эквиваленты модальных глаголов	— 22-й урок

По нашему мнению, текст должен строиться на определенной лексической теме и на определенном грамматическом материале. Причем не следует один урок насыщать большим и разнообразным грамматическим материалом, но не следует и слишком мельчить грамматические темы. Нужно, чтобы каждый урок представлял собой логически единое целое.

Изложение грамматического материала должно быть доступным и предельно сжатым; там, где возможно, надо иллюстрировать изложение грамматики таблицами.

Где расположить грамматический материал (перед каждым текстом, в конце учебника поурочно или в виде грамматического справочника), должны решать сами авторы, но чрезвычайно важно, чтобы у студентов такой материал был под рукой.

Обучение грамматике по структурам находит все большее число сторонников за границей и у нас. Известно, однако, что обучение по моделям требует огромного количества повторений каждой структуры; некоторые методисты считают, что структуру нужно повторять до пятисот раз, после чего она будет употребляться уже автоматически. Думается, что в обсуждаемом типе учебника обучение по структурам в таком виде невозможно, но это не значит, что в том или ином виде структуры не следует вводить в учебник. Это совершенно новый подход к обучению заочников, и здесь важно определить правильное место структур в общей системе обучения грамматике и лексике.

Не следует думать, что структуралисты, говоря о необходимости доводить степень владения моделями до автоматизма, отрицают сознательность в обучении, сравнение с родным языком и пр. Наоборот, Хорнби, например, говорит о необходимости там, где это возможно, сравнивать изучаемый язык с родным, объяснять грамматические явления, а не просто имитировать.

Важное место в процессе обучения иностранному языку занимают упражнения. По поводу количества упражнений для заочников нет общего мнения. Так, например, если в учебнике английского языка А. В. Петровой и С. В. Понтович * их сравнительно немного, то в учебнике английского языка Т. М. Новицкой, Е. А. Глюске, Н. Д. Кучина дается до 8—10 страниц упражнений к одному тексту. И это в учебнике, где совершенно нет упражнений для выработки устных навыков.

Практика показывает, что упражнения должно быть много, и студент обязан их выполнять. Могут быть возражения, что для выполнения упражнений требуется много времени, которым не располагает студент-заочник. На первый взгляд это возражение может показаться верным, по существу же оно далеко

* Учебник английского языка для высших учебных заведений заочного образования. М., 1962.

от истины. На самом деле, давая на первом этапе обучения много упражнений, мы значительно экономим студенту время, когда он переходит к чтению общеполитической литературы и литературы по специальности. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в словарь, с которым приходит к преподавателю студент III или IV курса. В этом словаре до 80% слов — общеупотребительная лексика (в том числе и служебные слова, вплоть до простейших предлогов и союзов), а не технические термины. Это значит, что на первом этапе обучения студент не сумел запомнить даже наиболее употребительных слов, так как упражнений он, как правило, не делал, а разнообразие текстов (а значит, и лексики) было настолько большим, что он не успевал что-либо запомнить. В результате, приступая к чтению технического текста, студент выписывает до 60—80 слов на страницу и с трудом переводит текст.

Трудно переоценить значение упражнений для усвоения грамматики и лексики языка. Какие же упражнения должны быть помещены в учебнике?

Нам кажется, что на протяжении всего или почти всего первого этапа обучения должны повторяться упражнения на основные правила чтения. Здесь, ничуть не в меньшей степени, чем при введении грамматического материала, должна соблюдаться строгая система: упражнения на повторение правил чтения лучше давать в начале урока, перед текстом.

Определенную систему следует соблюдать и при объяснении и повторении основных правил словообразования.

Новую грамматику целесообразно вводить в упражнениях на знакомой лексике и помещать эти упражнения перед текстом (здесь, однако, могут быть разные варианты). Эти упражнения должны быть сравнительно однотипными. Как правило, это упражнения с заданиями: образуйте, сравните, переведите (если возможно) и т. д.

После текста хорошо давать лексико-грамматические упражнения типа тренировочных. И здесь, думается, надо максимально использовать грамматические и лексические модели. Виды упражнений могут быть разнообразны, но они должны представлять собой единую систему. Ключи ко многим упражнениям следует помещать в конце учебника.

Студент-заочник должен представлять себе объем материала, который ему надо изучить на каждом курсе и в каждом семестре. Для этого в учебнике должны быть точные указания по курсам и семестрам. Кроме этого, совершенно необходимо каждому уроку предпослать методические указания о том, как работать над данным уроком, на какие трудности обратить особое внимание, сколько времени отводится на изучение данной темы и т. д.

После каждого урока должно быть указано, что студент обязан знать и уметь, закончив работу над данным уроком.

Для завершения работы над материалом, подлежащим изучению на данном семестре, рекомендуется поместить контрольные вопросы по пройденному материалу и сводные контрольные упражнения для проверки усвоения пройденного.

Все сказанное относится к основному курсу. В приложении к учебнику надо поместить тексты для дополнительного чтения, грамматический справочник, ключи к упражнениям и, если возможно, словарь.

Несколько слов о текстах для дополнительного чтения. Основная их цель — вызвать у студентов интерес к чтению на иностранном языке. Эти тексты должны также способствовать закреплению пройденной грамматики и лексики и расширению запаса слов. Успех дополнительных текстов целиком зависит от того, вызовут ли они интерес у студентов или оставят их равнодушными. В приложении не должно быть штампов, стандартов и прочего набора «усыпляющих» средств.

Нам представляется, что учебник рассмотренного типа должен включать в себя элементы программированного обучения, а именно: строгое распределение материала по дозам, четкое определение задач при прохождении каждого урока и подведение итогов с целью выяснения степени усвоения пройденного материала.

Заключение

1. Учебник для студентов-заочников не должен быть большим по объему (20—22 печ. листа). Желательно, чтобы в нем был изложен весь грамматический материал.

2. Учебник должен состоять из следующих разделов:

а) краткий фонетико-орфографический курс и повторение правил чтения;

б) тексты и упражнения;

в) дополнительные тексты для чтения;

г) краткий грамматический справочник;

д) ключи к упражнениям;

е) словарь (желательно).

3. В содержании учебника и в его методическом оформлении необходима строгая система. Должен строго соблюдаться принцип последовательности расположения языкового материала. Методические приемы, используемые в учебнике, должны составлять систему и способствовать лучшему закреплению материала.

4. Тексты, диалоги и часть упражнений должны быть озвучены.

5. В учебнике обязательно должно найтись место для юмора и шуток. Мы за то, чтобы каждый учебник был своеобразным,

резко отличным от других, с иллюстрациями, с выдумкой, красиво оформлен.

Ниже приведена примерная схема построения урока:

1. Методическое указание («Как работать над уроком»).
 2. Перечисление материала, изучаемого в данном уроке, с указанием параграфов.
 3. Упражнения (от одного до трех) на повторение правил чтения.
 4. Таблицы, иллюстрирующие грамматический материал.
 5. Упражнения для первичного закрепления грамматического материала (от двух до шести).
 6. Текст А: речевые образцы в виде вопросов и ответов; текст; пояснения к тексту; слова для запоминания.
 7. Лексико-грамматические упражнения (от семи до пятнадцати).
 8. Текст В (для закрепления лексики и грамматики текста А).
 9. Заключительная часть, в которой указывается, что студент должен знать и уметь, проработав данный урок.
-

ФИЛОЛОГИЯ

ФАДЕЕВА И. Д.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ВНУТРЕННИХ ОТНОШЕНИЯХ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ МЕЖДУ ЕГО КОМПОНЕНТАМИ

Некоторые зарубежные исследователи *, занимающиеся изучением синтаксиса английского языка на основе принципов структуральной лингвистики, ведут анализ предложения или, как они его называют, высказывания на основании непосредственно составляющих. Они выделяют эти непосредственно составляющие путем последовательного (в определенной очередности) расчленения структуры высказывания и выделения двух последовательных единиц без учета их коммуникативного значения.

Таким образом, в основу членения предложения они кладут только принцип структуры, полностью отрицая элемент значения как предложения в целом, так и отдельных слов, входящих в его состав. Однако отрицание элемента значения при членении предложения лишает их возможности убедительно обосновать выбор приема членения высказывания. Кроме того, фактический материал живого языка заставляет этих исследователей обращаться за помощью к семантике, так как выведение «структурального» значения только из структуры сочетания, без учета грамматических и лексических значений входящих в него слов невозможно. Вследствие этого у структуралистов практический подход к анализу языковых явлений приходит в противоречие с их теоретическими взглядами.

В синтаксисе структуральный анализ должен основываться на анализе сочетаний, не только характеризующихся определенными дистрибутивными признаками, но и выражающими определенное грамматическое значение. Такими единицами будут прежде всего свободные грамматические словосочетания, например «определение + определяемое».

* Ch. C. Fries. *The Structure of English*. New York, 1952; P. Roberts. *Patterns of English*. Harcourt, 1956; W. N. Francis. *The structure of American English*. New York, 1952; L. Tesnier. *Elements de Syntaxe Structurale*. Paris, 1959.

В свете изложенного интересно проследить взаимосвязи между структурой такого словосочетания и его внутренними отношениями.

Попробуем осветить этот вопрос на материале атрибутивного словосочетания с инфинитивом в современном английском языке. Структурная модель такого словосочетания: N to V, где N — определяемое слово, to V — инфинитивное определение.

Пример. It was a face to thrill an imagination even less ardent and beauty worshipping than mine (*Ch. Bronte. Jane Eyre*).

a face to thrill = N to V.

Атрибутивному словосочетанию с инфинитивом свойственны очень сложные внутренние взаимоотношения, так как между определением и определяемым наряду с атрибутивными складываются внутренние предикативные отношения.

Прежде чем приступить к анализу атрибутивных словосочетаний, рассмотрим, что мы понимаем под предикативными отношениями. В лингвистической литературе существуют две точки зрения по этому вопросу.

1. Предикативность — это то, что делает предложение предложением, это основной признак предложения. Этой точки зрения придерживаются А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, В. Г. Адмони, В. В. Виноградов.*

2. Предикативность — это то, «что в логике называется отношением между субъектом и предикатом суждения».** Этой точки зрения придерживается большинство грамматистов: М. И. Стеблин-Каменский, Г. Н. Воронцова, авторы теоретического курса грамматики английского языка В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик, Р. А. Яковлева и др.

Первую точку зрения убедительно опроверг М. И. Стеблин-Каменский в статье «О предикативности», исходя из того факта, что предикативность может быть свойственна не только предложению, но и словосочетанию и поэтому не может рассматриваться как отличительный признак предложения. Например, в английском языке между компонентами сложного дополнения складываются отношения субъект—предикат: I heard him sing, что отнюдь не делает это сложное дополнение предложением.

* А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955; В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. «Вопросы языкознания» № 1, 1954.

** М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности, Вестник ЛГУ № 20, 1956, стр. 136.

Вторая точка зрения также вызывает возражения. По существу, в ней грамматический анализ предложения подменен логическим, так как предикативными отношениями, т. е. отношениями, свойственными сказуемому, считаются только логические отношения субъект—предикат. Такое одностороннее понимание предикативности приводит к тому, что при анализе предложений типа *This book was translated into English* получается, что данному предложению, в котором есть и подлежащее и сказуемое, не свойственны предикативные отношения, так как «субъект суждения не будет совпадать с подлежащим».*

Это положение противоречит утверждению М. И. Стеблина-Каменского, что «синтаксическая функция сказуемого — выразитель предикативности».** Собственно, предикативность и определяется М. И. Стеблиным-Каменским как «сказуемое отношение»***. А в данном примере мы имеем сказуемое, но не имеем «сказуемого отношения», что явно противоречит действительному положению.

Из этого можно сделать вывод, что грамматическая предикативность — это не что иное, как логическая предикативность, основанная на соотношении субъект—предикат.

Предложение отличается от суждения тем, что кроме субъекта и предиката оно имеет и другие члены, поэтому сказуемое вступает в грамматические отношения не только с подлежащим, но и с другими членами предложения, что выражается соответствующими грамматическими формами.

Поэтому грамматические предикативные отношения следует рассматривать как сказуемые отношения в широком смысле, т. е. отношения, в которые может вступать сказуемое как выразитель действия. Предикативные отношения не ограничиваются отношениями с производителем действия; они распространяются на отношения сказуемого с его объектом или признаком.

Таким образом, под предикативностью мы понимаем сказуемые отношения в смысле отношений, свойственных сказуемому. Мы признаем не только субъектно-предикатные, но и объектно-предикатные и обстоятельственно-предикатные отношения.

Следует подчеркнуть, что предикативные отношения шире сказуемых, так как они могут быть свойственны не только предложению, но и словосочетанию.

Ярким примером вторичных предикативных отношений (которые складываются в словосочетании) является атрибутивное

* М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. Вестник ЛГУ № 20, 1956, стр. 137.

** М. И. Стеблин-Каменский. Там же, стр. 136.

*** М. И. Стеблин-Каменский. Там же, стр. 133.

словосочетание с инфинитивом. В таком словосочетании могут складываться следующие внутренние связи:

- 1) субъектно-предикатные;
- 2) объектно-предикатные;
- 3) обстоятельственно-предикатные.*

1. I shall not be the person to discourage him (*Jane Austen. Pride and Prejudice*).

2. Forty acres — a nice swag of the country to write home about (*K. S. Prichard. The Roaring Nineties*).

3. Since my illness, she had drawn a more marked line of separation than ever between me and her own children appointing me a small closet to sleep in (*Ch. Bronte. Jane Eyre*).

Внутренние предикативные отношения в атрибутивном словосочетании с инфинитивом являются грамматическими отношениями, так как имеют самостоятельные формы выражения, но в предложении они являются отношениями второго плана, так как не выходят за рамки словосочетания и выражаются в форме атрибутивной связи.

Рассмотрим формы и структурные модели атрибутивных словосочетаний, в которых складываются предикативные отношения.

Если в атрибутивном словосочетании складываются субъектные отношения, т. е. если определяемое инфинитива называет лицо или предмет, который является субъектом действия инфинитива, определение всегда выражается инфинитивом действительного залога и словосочетание имеет структурную модель N to V_A, где to V_A — инфинитив действительного залога.

Примеры

Their table was a board to tempt even ghosts.

To pass the Styx for more substantial feasts (*Byron. Don Juan*).

She had a woman to take care of her (*Ch. Bronte. Jane Eyre*).

Если в атрибутивном словосочетании складываются объектные отношения, т. е. если определяемое инфинитивом существительное называет предмет, который одновременно является объектом действия инфинитива, определение выражается: 1) инфинитивом страдательного залога или 2) инфинитивом действительного залога с предлогом (а) или без предлога (б).

* В данной статье анализируются только первые и вторые словосочетания, типичные для атрибутивного словосочетания; именно они определяют четкие различия в структурной модели словосочетания.

Примеры

Now we all agree! began Philip, but Naomi took him aside to discuss a street-meeting to be held next Thursday (*Jack Lind-
my. Betrayed Spring*).

The washing ... apparatus consists of ... a keg of water and a ladle to serve it out with (*Ch. Dickens. American Notes*).

Mary's letter was not as exciting as Laura's. She had no very good news to report (*K. S. Prichard. The Roaring Nineties*).

Атрибутивные словосочетания, в которых складываются внутренние объектно-предикатные отношения, имеют следующие структурные модели:

1) N to V_P, где to V_P — инфинитив страдательного залога;
2) N to V+Prep., где to V может быть инфинитивом действительного и страдательного залога;

3) N to V_A, где to V_A — инфинитив действительного залога.

Из сравнения структурных моделей этих двух видов атрибутивных словосочетаний видно их четкое различие. Вместе с тем в атрибутивном словосочетании с моделью N to V_A могут складываться двойного рода связи — субъектные и объектные. В данном случае наблюдаются паронимические конструкции с одинаковой моделью, но с различным содержанием.

Различия этих словосочетаний прежде всего проявляются в различии соответствующих им грамматических инвариантных отношений.

Трансформировав эти словосочетания, мы увидим, что атрибутивному словосочетанию, в котором складываются субъектно-предикатные отношения, соответствует инвариантное предложение, а атрибутивному словосочетанию с объектно-предикатными отношениями соответствует инвариантное словосочетание:

a person to discourage him → a person will discourage him;
news to report → report the news.

Анализ компонентов такого словосочетания показал, что инфинитив действительного залога вступает со своим определяемым в объектные отношения только в том случае, если это инфинитив прямопереходного глагола. Но когда инфинитив прямопереходного глагола вступает со своим определяемым в субъектные отношения, то при нем обязательно имеется собственное прямое дополнение.

Таким образом, при переходных глаголах модели будут выглядеть так:

N to V_A — объектные отношения;

N to V_A+N₁ — субъектные отношения, где N₁ — прямое дополнение при инфинитиве.

Примеры

Easy seen you haven't got a wife and kids to feed (*K. S. Pritchard. The Roaring Nineties*).

And there might as well be the Atlantic to part us instead of those four miles (*Em. Bronte. Withering Heights*).

Для доказательства сказанного проделаем следующее преобразование.

Если во втором предложении убрать дополнение, инфинитив сразу вступит со своим определяемым в объектные отношения, что четко подтверждается соответствующим ему инвариантным сочетанием:

the Atlantic to part → to part the Atlantic.

И, наоборот, если добавить прямое дополнение к инфинитиву *to feed* в первом предложении, отношения между инфинитивом и его определяемым также изменятся и станут субъективными, что подтверждается инвариантным предложением:

kids to feed you → kids feed you.

В данном случае различия в структурных моделях словосочетаний опираются не только на различия внутренних отношений, складывающихся в словосочетании, но и на лексико-грамматическое значение компонентов, входящих в его состав.

Структура инфинитивной группы в данных словосочетаниях обусловлена значением глагола (его переходностью), инфинитив которого является определением.

Однако внутренние предикативные отношения свойственны не всем атрибутивным словосочетаниям; они не наблюдаются в словосочетаниях, где определяемое инфинитива выражено отвлеченным именем существительным:

She followed him thither; and her curiosity to know what he had to tell her was heightened by the supposition of its being in some manner connected with the letter he held (*Jane Austen. Pride and Prejudice*).

Атрибутивным словосочетаниям такого типа свойственна структурная модель: $N_{\text{Abstr.}}$ to V_A .

Вместе с тем необходимо отметить, что в словосочетаниях с отвлеченными существительными также могут складываться предикативные отношения. Это явление связано с тем, что значение отвлеченного существительного может быть конкретизировано в определенном контексте, т. е. одно и то же существительное может иметь и чисто отвлеченное и конкретизованное значение.

В словосочетаниях, где отвлеченные существительные имеют конкретизованное значение, складываются внутренние предикативные отношения.

Примеры

Would she ever find a happiness to compensate for the loss of her desire for self-expression (*K. S. Prichard. The Roaring Nineties*).

..it made him feel, that life was not an idle dream to be gaped and yawned through (*Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat*).

Такие словосочетания имеют структурные модели:

$N_{\text{Abstr.}}$ to V_A — при субъектно-предикатных отношениях;

$N_{\text{Abstr.}}$ to $V_P \pm \text{Преп.}$ — при объектно-предикатных отношениях.

$N_{\text{Abstr.}}$ to $V_A + \text{Преп.}$

Из сопоставления структурных моделей атрибутивных словосочетаний при отвлеченных существительных видно, что если в таком словосочетании складываются субъектные отношения, его модель совпадает с моделью словосочетания, в котором не складываются внутренние предикативные отношения. Различия между этими словосочетаниями четко проявляются при сравнении соответствующих им инвариантных отношений.

Так, словосочетанию, в котором складываются субъектно-предикатные отношения, соответствует инвариантное предложение, а словосочетания, в которых не складываются предикативные отношения, соответствующего инварианта не имеют:

a happiness to compensate for the loss ... → a happiness which compensates for the loss. . .

curiosity to know → curiosity which knows.

Эти различия структурных моделей словосочетаний при отвлеченных существительных, а также различия соответствующих им инвариантных отношений четко разграничивают словосочетания, в которых существительные имеют отвлеченное или конкретизованное значение. В данном случае структуральный анализ помогает решить чисто семантический вопрос при помощи объективного метода сопоставления структурных моделей словосочетаний и соответствующих им инвариантных отношений.

Таким образом, сопоставление моделей атрибутивных словосочетаний с инфинитивом показало, что структурная модель словосочетания зависит от внутренних отношений, в которые вступают его компоненты, а также от лексико-грамматического значения этих компонентов, так как различным по типу внутренних отношений словосочетаниям свойственны различные структурные модели.

Из этого можно сделать и более общий вывод, что принцип единства формы и содержания четко проявляется и при структуральном анализе в синтаксисе.

КОЗЛОВА С. Н.

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЯЮЩИХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В течение последнего десятилетия в ряде пособий и специальных работ по синтаксису русского языка выделен особый, уточняющий член предложения, который, поясняя, конкретизируя значение какого-либо из членов предложения (главного или второстепенного) принимает на себя его синтаксическую функцию.

Гроза началась вечером, часу в десятом.*

Постановка вопроса об уточняющих членах предложения является заслугой русских грамматистов. Однако среди лингвистов нет единого мнения о том, какие уточняющие члены предложения следует выделять, каковы их структурные типы и следует ли выделять их вообще.**

Вопрос об уточняющих членах предложения в английском языке относится к числу малоработанных. У некоторых авторов специальных работ есть лишь упоминание о «так называемых» уточняющих членах предложения, главным образом в связи с проблемой их обособления.*** Единственной работой, где уточняющие члены предложения в современном английском языке рассматриваются как особая категория, является статья Н. А. Кобриной,**** в которой автор выделяет некоторые структурные типы различных уточняющих членов предложения.

* Современный русский язык. Под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. Изд. МГУ, 1957, стр. 270—272. См. также М. Г. Шатух. Уточняющие члены предложения в современном русском языке. «Вопросы русского языкознания». Львов, 1956, № 2, стр. 19—32.

** См., например, Ф. Н. Бондаренко. О некоторых вопросах синтаксиса. «Русский язык в школе», 1952, № 2, стр. 18—25. К. П. Орлов. Грамматическая сущность приложения в современном русском литературном языке. НДВШ, «Филологические науки», 1960, № 4, стр. 29—37.

*** К. Я. Петровская. «Обособленные второстепенные члены предложения в современном английском языке». Автореферат канд. дис. Л., 1953, стр. 12.

**** Н. А. Кобрина. «О присоединительно-уточнительных конструкциях в современном английском языке». Ученые записки Горьковского пед. института иностранных языков, вып. 25. Горький, 1963, стр. 21—36.

До выделения уточняющих членов предложения в отдельную категорию их относили к различным категориям, чаще всего к приложению, к однородным членам предложения и вставкам. В частности, сторонники приложения в широком смысле включают в определение приложения его способность уточнять и пояснять господствующее слово. Таким образом, анализируются лишь случаи употребления существительных в различных смысловых функциях, а уточнение, выраженное другими частями речи, выпадает из сферы анализа. Такое положение наблюдается, например, в Академической грамматике русского языка.*

Дальше других в расширении категории приложения идет А. Г. Руднев,** который относит к приложению уточнение и пояснение, выраженное не только существительным, но и другими частями речи: прилагательным, наречием, личной формой глагола, инфинитивом, числительным. Однако при таком понимании категория приложения не только теряет единство морфологического выражения, но и становится удобной базой для отнесения к ней всех спорных случаев, не подходящих под понимание приложения в общепринятом смысле.

Некоторые авторы считают целесообразным выделять уточняющие слова при различного рода обстоятельствах, выраженных наречием, и нецелесообразным — отграничивать обособленное приложение от уточняющего члена одинакового морфологического состава. Так, например, Т. А. Свиблова*** пытается доказать, что между обособленным приложением и уточняющим членом предложения того же морфологического состава нет ни функциональных, ни формальных различий. Автор считает, что в этом случае имеет место частичное совпадение различных синтаксических явлений. Спорной представляется уже сама постановка вопроса, ибо если категории различны, то совпадать они не должны. Должны существовать какие-то объективные формальные критерии для их разграничения, в противном случае нельзя ставить вопрос о различии данных категорий.

Следует признать, что выделение уточняющих членов предложения при обстоятельствах, выраженных наречиями, действительно осуществляется довольно просто и не составляет труда для исследователя:

He died abroad; in Paris, in fact (*Oscar Wilde. Plays*).

* Грамматика русского языка АН СССР. М., 1960, т. II, ч. I, стр. 551—558, 646.

** А. Г. Руднев. Синтаксис современного русского языка. М., 1963, стр. 147—158.

*** Т. А. Свиблова. К вопросу об отграничении обособленного определения от исходных грамматических конструкций. НДВШ, «Филологические науки» № 1, 1962, стр. 186.

Однако, как показывает анализ достаточно большого материала (10 тысяч страниц текста произведений 32 современных английских, американских, канадских и австралийских писателей), необходимость отграничения уточняющих членов предложения от приложений в современном английском языке возникает и в случае одинакового морфологического выражения этих категорий, и прежде всего в пределах категории обстоятельства.

Само существование столь различных точек зрения говорит о том, что решение вопроса о целесообразности выделения уточняющих членов предложения как особой синтаксической категории на морфологическом уровне анализа не представляется возможным. Однако современная лингвистика считает, что установление тождества единиц на низшем уровне анализа не является достаточным основанием для признания его релевантным в данном языке, ибо оно не предполагает обязательного тождества на высшем уровне.*

Данная работа представляет собой попытку применить некоторые элементы структурного анализа, в частности дистрибутивный и трансформационный методы, для установления дифференцирующих признаков приложения и уточняющих членов предложения, а также однородных членов при обобщающем слове, что даст возможность поставить вопрос об уточняющих членах предложения как об особой синтаксической категории.

Уточнение и приложение **

В современной англистике принято считать, что приложение — это особый вид определения, морфологически ограниченный сферой имени существительного (в широком смысле слова). Следовательно, проблема отграничения приложения от уточнения возникает именно тогда, когда оба они являются субстантивными элементами. Предметом исследования является синтагма в современном ее понимании. Для целей данного анализа удобным оказалось использовать определение синтагмы как единицы функционального анализа, данное А. М. Мухиным в его книге «Функциональный анализ синтаксических элементов», где синтагма понимается как вычленяемое из состава предложения сочетание двух синтаксических элементов, связанных между собой посредством предикативной или субординативной связи. Один из этих элементов является объектом исследования, другой выступает в качестве опорного компонента.

* См. Ю. Д. Апресян. О понятиях и методах структурной лексикологии. Проблемы структурной лингвистики. М., 1962, стр. 149.

** Предметом исследования служит постпозиционное обособленное приложение, которое для краткости в дальнейшем будет именоваться приложением.

Объектом исследования в нашем случае является приложение и уточнение. Обозначим объект исследования через «х»; («х₁»; «х₂»; «х₃» ... «х_n» — в случае многочленного компонента). Опорный компонент (определяемое или уточняемое) обозначим через «у» — такое обозначение не противоречит общепринятой методике, поскольку заранее оговаривается, что «х» и «у» — субстантивные элементы. Глагол обозначим через «v».*

Попытаемся выяснить возможность разграничения приложения и уточнения с помощью дистрибутивного анализа, т. е. рассмотрим общие и различные свойства элементов «х» и «у» при распределении их относительно друг друга в потоке речи. Возьмем две однотипные фразы:

...my mother and I were trucked with a convoy to Auschwitz, the biggest of the extermination camps the SS mass-murder Eichmann had planned, in Poland (*D. Cusack*. Heatwave in Berlin).

For that you need ... ten years as the senior dispenser of justice in a concentration camp — Buchenwald, to wit (ibid. 124).

В обоих случаях объект исследования является присубстантивным элементом и занимает в предложении развернутую факультативную позицию. Дистрибутивные формулы элементов совпадают:

we v to ux;
you v in ux.

Факультативность позиции означает, что отсутствие элемента «х» не влияет на отмеченность данной фразы. Действительно, фразы типа ...my mother and I were trucked with a convoy to Auschwitz и For that you need ten years as the senior dispenser of justice in a concentration camp. ... вполне допустимы для современного английского языка (являются отмеченными, согласно терминологии структурной лингвистики). Однако для обеих рассматриваемых категорий критерий двусоставности, т. е. наличия синтагмы «ux», является дифференцирующим, так как свертывание синтагмы до одного элемента устраняет саму категорию, превращая синтагму в обычный, простой, неосложненный член предложения, как видно из приведенного примера.

Как показали данные исследования, «х» может занимать как контактное, так и дистантное положение по отношению к «у», т. е. и в случае приложения, и в случае уточнения возможно:

┌───┐
| |
| |
└───┘

«у» «х» (непосредственное следование элемента «х» за элементом «у»):

* В статье используется метод анализа, разработанный Ю. Д. Апресяном для исследования структурной лексикологии. См. «К вопросу о структурной лексикологии». Вопросы языкознания № 3, 1962, стр. 38—46.

2. Пояснительная трансформация — введение в элемент «х» поясняющих слов *namely, that is, to wit* и др. (на возможность употребления таких «поясняющих эквивалентов» при аппозитивных группах указывал Х. Поутсма, считая, однако, такие группы приложениями *).

3. Предложная трансформация — введение в элемент «х» предлога.

В соответствии с общепринятыми положениями структурной лингвистики будем считать, что фразы, допускающие определенную трансформацию, образуют единый трансформационный комплекс, иначе говоря, обладают одинаковым трансформационным потенциалом. Фразы, не допускающие той же самой трансформации, обладают иным трансформационным потенциалом и не входят в данный трансформационный комплекс. Установление различия трансформационных потенциалов дает право говорить о различии категорий. Критерием допустимости применения трансформации того или иного вида будем считать отмеченность и неотмеченность данной фразы в современном английском языке.

Попытаемся установить характер связи приложения с его опорным компонентом. Логично предположить наличие атрибутивной связи и возможность для приложения трансформироваться в придаточное определительное предложение. Применив трансформацию первого вида к первому из приведенных выше примеров, получаем:

we v to ux → *we v to y + which + to be + x* (фраза типа ... — *my mother and I were trucked with a convoy to Auschwitz, which was the biggest of the extermination camps...* является отмеченной для современного английского языка).

Однако следующий пример данной трансформации не допускает.

Фраза типа ... *you need ten years ... in a concentration camp — which is Buchenwald, to wit* для современного английского языка является неотмеченной. Следовательно, в данном случае исследуемый элемент «х» связан со своим antecedentом не атрибутивной, а какой-то другой связью. Данная фраза допускает трансформацию второго вида:

you v ten years in ux → *you v ten years in y + namely + x* (т. е. фраза типа ... *you need ... ten years as the senior dispenser of justice in a concentration camp, namely (for instance) Buchenwald* является отмеченной).

Связь в данном случае целесообразно назвать связью пояснительной, заимствуя этот термин из русского языкознания, где он уже получил право гражданства как тип связи, соеди-

* H. Poutsma. A Grammar of Late Modern English, part I, pp. 269—270.

няющей уточняющий член предложения с его опорным компонентом.

Нетрудно убедиться, что все первые из приведенных выше пар примеров допускают трансформацию первого вида и не допускают трансформации второго вида. Для большей убедительности приведем еще две группы примеров, которые дали бы возможность сделать вывод о различных трансформационных комплексах:

...they went across town to Micky's, a little place near the University. . . (*Dyson Carter. Tomorrow is with Us*).

yx → y + which + to be + x

...she saw Herb by chance in the muddy lane by the Bat and Ball, a small gloomy pub where much betting went on (*J. Lindsay. Betrayed Spring*).

yx → y + which + to be + x.

Совершенно очевидно, что ни одна из приведенных фраз не допускает трансформации второго вида (например, фраза типа ...she saw Herb... by the Bat and Ball, namely a small gloomy pub является неотмеченной). Однако ее допускают фразы другого комплекса:

Once a month, on Sunday, . . . , she walked in the forest (*H. E. Bates. The Enchantress and Other Stories*).

yx → y + namely + x.

Фразы данного комплекса отчетливо не допускают трансформации первого вида (фраза типа Once a month, which was on Sunday, she walked in the forest является неотмеченной).

Таким образом мы установили, что две группы формально совпадающих языковых единиц допускают различного вида трансформации, ибо связь элемента «x» со своим опорным компонентом различна: в первом случае это атрибутивная связь, во втором — пояснительная.

Установление различия трансформационных потенциалов дает нам право говорить о различии синтаксических единиц. В дальнейшем элементы «x», допускающие трансформацию первого вида, будут именоваться приложением; элементы «x», допускающие трансформацию второго вида, будут именоваться уточняющими членами предложения.

Попутно следует выяснить вопрос о том, влияет ли наличие предлога на характер связи исследуемого элемента «x» с его опорным компонентом, т. е. возможно ли употребление предлога при приложении и при уточняющих членах предложения. Мнения исследователей по этому вопросу различны. Так, Х. Поутсма* указывает, что аппозитив не может быть связан со своим опорным словом (head-word) с помощью предлога.

* H. Poutsma. A Grammar of Late Modern English, part I, 1, p. 268.

И. Г. Сапрыкина* считает, что предложная конструкция может являться группой приложения в том случае, если конструкции аппозитива и определяемого параллельны по своей структуре, т. е. если определяемому предшествует тот же самый предлог. То есть по теории И. Г. Сапрыкиной примеры типа: ...all the company's refineries ... would at once be moved to Canada, to Deep Rock (*Dyson Carter. Fatherless Sons*) следует относить к приложениям, а примеры типа: I shall be in the conservatory, under the second palm tree on the left (*Oscar Wilde. Plays*) относить к приложениям нельзя.

Попытаемся решить этот вопрос на основе приведенных выше критериев. Нетрудно убедиться, что оба приведенных выше примера допускают трансформацию второго вида

$$yx \rightarrow y + \text{namely} + x$$

и не допускают трансформации первого вида (фраза типа ...all the company's refineries ... would at once be moved to Canada, which is to Deep Rock является неотмеченной). Следовательно, элементы «х» в данном случае связаны со своим опорным компонентом «у» не атрибутивной, а пояснительной связью и их следует относить не к приложениям, а к уточняющим членам предложения. Обратимся к трансформации третьего вида — предложной, чтобы выяснить, влияет ли введение предлога на характер связи исследуемого элемента «х» с его опорным компонентом:

And then yesterday he 'ad to go down to a place in Oastshire — Varmsley Vale — to give evidence on an inquest (*Agatha Christie. Taken at the Flood*).

$$\text{to } yx \rightarrow \text{to } y + \text{to} + x;$$

$$\text{to } yx \rightarrow \text{to } y + \text{namely} + \text{to} + x.$$

Данная фраза допускает трансформацию не только третьего, но и второго вида, т. е. введение предлога не нарушает характера связи уточняющего члена предложения с его опорным компонентом. Данные исследования подтверждают, что употребление предлога при уточняющих членах предложения — явление достаточно частое и что совпадение и несовпадение предлогов в элементах «у» и «х» не оказывает никакого влияния на характер связи этих элементов, — в любом случае связь остается пояснительной.

Рассмотрим возможность употребления предлога при приложении:

...she had been talking after lunch to a Mrs Archibald, a Vermonter (*H. E. Bates. The Enchantress and Other Stories*).

* И. Г. Сапрыкина. Типы аппозиционной связи в современном английском языке. Вопросы английской филологии. Уфа, 1961, стр. 57.

...their appeal was behind Kerr, a family man in his late forties (*Jerome Weidman. My Father Sits in the Dark*).

Единственная трансформация, которую допускают фразы данного комплекса, — это трансформация первого вида

$yx \rightarrow y + \text{who} + \text{to be} + x$.

Трансформация второго и третьего вида невозможна. Введение предлога приводит к неотмеченности фразы. (Сравните недопустимость фразы ...their appeal was behind Kerr, behind a family man in his late forties.)

Из сказанного следует вывод, что употребление предлога при приложении невозможно. Следовательно, наличие предлога следует считать дифференцирующим признаком для уточняющих членов предложения.

Таким образом устанавливаем, что приложения допускают только трансформацию первого вида, а уточняющие члены предложения допускают только трансформацию второго и третьего вида, т. е. приложения и уточнения образуют два непересекающихся трансформационных комплекса. Приложения и уточняющие члены предложения имеют различный трансформационный потенциал и различную связь со своим опорным компонентом, что позволяет считать их различными синтаксическими единицами.

Обратимся к синтаксико-семантической стороне и попытаемся установить смысловые различия данных синтаксических единиц. Рассмотрим один из видов значения, выделяемый в современном языкознании, — денотативное значение исследуемых единиц.

Этот термин был впервые введен Алонзо Черчем* и соответствует традиционному термину «объем понятия». Черч указывает, например, что имя «автор Веверлея» обозначает, или называет, шотландского автора, а сам он есть денотат как этого имени, так и имени «сэр Вальтер Скотт». Таким образом, в синтагме «Сэр Вальтер Скотт, автор Веверлея» оба синтаксических элемента «у» и «х» имеют один и тот же денотат и второй элемент ничего не добавляет к первому по объему значения — он полностью охватывает его. Следовательно, отношение между элементами «у» и «х» в случае приложения — это отношение тождества, т. е. $y = x$. Если обозначить денотативное значение всего комплекса через «А», получим следующую модель:

$$A = y \rightarrow x$$

(знак \rightarrow показывает, что данное тождество необратимо). Подтвердим данное положение примерами:

* Алонзо Черч. Введение в математическую логику. М., 1960, стр. 17.

...I wondered why the entertaining of Beatrice and Giles, his own sister and brother in law, should have tired him so (*Daphne du Maurier*. Rebecca).

$$A=y \supset x$$

...she put the box into her purse, a large white bag made of imitation leather (*Jerome Weidman*. My Father Sits in the Dark).

$$A=y \supset x.$$

В приведенных примерах оба элемента — «у» и «х» — имеют один и тот же денотат; второй элемент полностью охватывает первый по объему значения, и данную модель следует считать релевантной для категории приложения.

Рассмотрим денотативное значение комплекса с уточняющим членом предложения:

He comes from America — from Chicago ... (*Agatha Christie*. Taken at the Flood).

...to see them at their best you must walk in the woods in the morning, about twelve o'clock... (*Daphne du Maurier*. Rebecca).

В данном случае денотаты обоих синтаксических элементов различны, причем первый элемент всегда шире по объему и включает в себя второй. Здесь налицо не отношение тождества, а отношение включения, которое, используя обозначение, принятое в символической логике,* можно записать как: $y \subset x$. Общее денотативное значение комплекса с уточнением «А» в данном случае будет состоять из суммы денотативных значений обоих элементов, и модель будет уже иной:

$$A=y+x$$

с вариантом

$$A=y+x_1+x_2+\dots+x_n$$

для многочленного компонента:

Name memorialized in many things in vicinity — lakes, roads, hills even (*Prize Stories*, 1957).

Из сказанного можно сделать вывод, что денотативное значение комплекса с приложением и комплекса с уточнением различно, что выражается в различии моделей:

$$A=y \supset x \text{ — для приложения;}$$

$$A=y+x \text{ — для уточнения.}$$

Установление различия моделей дает нам право говорить о смысловых различиях между приложением и уточняющими членами предложения.

* Альфред Тарский. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948, Введение.

Рассмотрим вопрос о сфере употребления приложения и уточняющих членов предложения. Так как приложение является присустановительным элементом, сфера его употребления ограничена именем. Уточнение же не является только присустановительным элементом и может употребляться:

1) при любом члене предложения;

2) при различных средствах выражения того или иного члена предложения (для краткости изложения приведем примеры лишь на случаи несубстантивного выражения членов предложения):

а) при подлежащем

...it struck her with a shock that here everything was possible, even spying (*Dymphna Cusack. Heatwave in Berlin*);

б) при сказуемом

The ride did Ma good. Rested her (*Dyson Carter. Tomorrow is with Us*);

в) в дополнении

My mother's aunt lost everything — children, house, all in Coventry (*Dymphna Cusack. Heatwave in Berlin*);

г) в определении

Nancy was holding a smaller box, about two inches square... (*Jerome Weidman. My Father sits in the Dark*);

д) в обстоятельствах (различных)

They couldn't tear a man away from his home like this, without warning (*Jerome Weidman. My Father Sits in the Dark*).

Отсюда следует, что сферы употребления приложения и уточнения различны.

Вопрос о средствах выражения того или иного уточняющего члена разбираться не будет, так как в задачу данной статьи не входит анализ различных уточняющих членов в парадигматическом плане. Цель данной работы — показать, что уточняющие члены предложения — это самостоятельная категория, имеющая свои структурно-семантические признаки. Следует подчеркнуть, что уточняющие члены предложения не представляют собой новую категорию в разряде членов предложения; их можно назвать вторичными (дублирующими) членами предложения, ибо они повторяют синтаксическую функцию своего опорного компонента.

Исходя из сказанного, уточняющим можно считать член предложения, связанный пояснительной связью со своим опорным компонентом, дублирующий его синтаксическую функцию и служащий для его уточнения и конкретизации.

Однородные члены при обобщающем слове

В современной лингвистике нет единого мнения по вопросу о том, к какой грамматической категории следует относить од-

породные члены при обобщающем слове. Одни исследователи, например, Т. А. Свиблова, Е. М. Гордон*, относят их к приложениям; другие — к уточняющим членам предложения.** Кроме того, некоторые исследователи считают, что и обобщающее слово и конкретизирующие его слова являются в предложении однородными. Такую трактовку находим, в частности, в Академической грамматике.

Рассмотрим этот вопрос на основе приведенных выше критериев.

I shut the door, hearing the laughter of everybody in the kitchen: my mother, my sisters, my brother, and this strange man ... (*William Saroyan. Here Comes, There Goes, You Know Who*).

$$yx \rightarrow y + \text{namely} + x_1 + x_2 + x_3 + x_4.$$

Over it all — over the babble of voices, the hissing and crackling roar of fire, the false and forced cheerfulness and nervous shouting — was the awful quiet of the night (*Peter Abrahams. The Path of Thunder*).

$$yx_1 + x_2 + \dots x_n \rightarrow y + \text{namely} + x_1 + x_2 + \dots x_n$$

Обе фразы допускают трансформацию второго вида и совершенно отчетливо не допускают трансформации первого вида. При предложном опорном компоненте фразы такого комплекса допускают трансформацию третьего вида без нарушения характера связи:

..in all the big cities I've hit — Baltimore, New York, New Orleans — I've never met a cheap, filthy, perverted pimp... (*Richard Glendinning. Terror in the Sun*).

$$\text{in } yx_1 + x_2 + \dots x_n \rightarrow \text{in } y + \text{namely} + \text{in } x_1 + \text{in } x_2 + \dots \text{in } x_n.$$

То обстоятельство, что однородные члены при обобщающем слове допускают трансформации только второго и третьего вида, говорит о том, что они связаны со своим опорным компонентом не атрибутивной, а пояснительной связью и являются в предложении не приложением, а уточняющими членами предложения. Подтверждением этому служит и тот факт, что сфера их употребления не ограничена субстантивными средствами выражения как самих однородных членов, так и опорного компонента, которым в данном случае является обобщающее слово.

* Т. А. Свиблова, указанное сочинение, стр. 186; Е. М. Гордон. Обособленные и необособленные приложения в современном английском языке. Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XV, 1957, стр. 137.

** Д. Э. Розенталь. Современный русский язык. Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1957, стр. 255.

Daddy put in several fruit trees — cherry, apple, plum and peach — on one of the barren slopes (*Marcelline Hemingways-Sanford. At the Hemingways*).

Комплекс «однородные члены при обобщающем слове» имеет ту же модель, что и уточняющие члены предложения:

$$A = y + x_1 + x_2 + \dots + x_n.$$

Все сказанное дает нам право считать модель комплекса «однородные члены при обобщающем слове» вариантом модели уточняющего члена предложения, а сами однородные члены — уточняющими по отношению к своему опорному компоненту, которым является обобщающее слово.

* *
*

Рассмотрев некоторые особенности приложений, уточняющих членов предложения и однородных членов при обобщающем слове, можно сделать следующие выводы:

1. Уточнение отличается от приложения:

— по типу связи со своим опорным компонентом. В отличие от приложения уточняющие члены предложения связаны со своим опорным компонентом пояснительной, а не атрибутивной связью;

— по функции в предложении. Приложение является определением к своему опорному компоненту. Уточнение, не являясь определением к своему опорному компоненту, выполняет ту же синтаксическую функцию, что и его опорный компонент;

— по сфере употребления. Приложение может употребляться только при члене предложения, выраженном именем существительным (в широком смысле). Уточнение может быть при любом члене предложения, выраженном различными частями речи;

— по объему значения. Приложение может заменять опорный компонент по объему значения, ибо он охватывает его полностью. Уточняющий член предложения не может заменить опорный компонент по объему значения, ибо он уже последнего по значению и служит для его уточнения и конкретизации.

2. Наличие предлога в уточняющем компоненте следует считать дополнительным дифференцирующим признаком уточняющих членов предложения.

3. Однородные члены предложения при обобщающем слове следует относить к уточняющим членам предложения, так как они обладают всеми характеристиками последних.

ЛИБЕРМАН А. С.

КОНСТРУКЦИЯ TO BE+ПРИЧАСТИЕ II В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

Цель настоящей статьи — подвергнуть анализу конструкцию to be+причастие II в современном английском языке. Все известные нам работы по данному вопросу содержат утверждение, что указанное сочетание может рассматриваться то как форма страдательного залога, то как составное сказуемое, и что поэтому необходимо найти какие-то внешние признаки, которые позволят в каждом предложении легко отграничить страдательный залог от составного сказуемого. Некоторые итоги были подведены авторами университетского курса современного английского языка,* которые писали, что из критериев отграничения страдательного залога от составного сказуемого наиболее убедительными представляются следующие: 1) значение причастия II; 2) форма глагола be; 3) средства контекста.

Совершенно ясно, что это не классификация критериев, а перечисление, и можно с уверенностью предсказать, что когда-нибудь встретится предложение, где противоположные критерии столкнутся, или что рано или поздно будет найден еще один критерий, может быть вполне убедительный, но не последний. Поскольку дело обстоит именно так, то неудивительно, что сами исследователи не очень доверяют собственным системам. В частности, авторы упомянутого университетского курса современного английского языка пишут далее, что они принимают за основу перечисленные критерии, дополняя и уточняя их в отдельных случаях, и считают целесообразным сначала выделить те примеры, в которых возможно только одно толкование конструкции to be+причастие II, а затем рассмотреть случаи, допускающие двоякую интерпретацию. Почти то же самое можно прочесть в любой работе по данному вопросу.

* В. И. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 132.

Посмотрим же, по какому пути шло изучение проблемы и нельзя ли подойти к ее анализу с какой-нибудь другой стороны. Отмечалось, что в среднеанглийском языке по различиям, не совсем, однако, ясным причинам вышел из употребления глагол *wurthen*. Никакой другой синоним не взял на себя функций исчезнувшего глагола, и они перешли к глаголу *beon*, от чего сочетание *beon*+причастие II окончательно стало двусмысленным: уже в поздних древнеанглийских текстах смысловое различие между *wesan*, *beon*+причастие II и *weorþan*+причастие II фактически стерлось, а с выпадением из системы глагольных форм вспомогательного глагола *wurþan* конструкция *beon*+причастие II в зависимости от разных причин стала обозначать то действие, произведенное над субъектом, то приобретение им признака.* Оба эти значения, по мнению большинства англистов, сосуществуют в данной конструкции и на современном этапе развития языка, и дело исследователя научиться их разграничивать.

Обращает на себя внимание метод изучения конструкции *to be*+причастие II. Исследователь отбирает нужные ему примеры и в каждом отдельном случае определяет, простое перед ним сказуемое или составное. При этом решающим фактором является интуиция (что выражено в предложении: действие или состояние?). Затем выясняется, что в той тысяче примеров, где встретилось некое дополнение, конструкция, по мнению исследователя, трактуется как пассив. Отсюда делается вывод, что данное дополнение есть признак именно пассива, а не составного сказуемого, хотя ясно, что это является логическим *petitio principii*: сначала надо доказать, что наличие того или иного дополнения влияет на решение вопроса, а потом отбирать примеры, где это дополнение встречается с исследуемой формой. Любой другой подход к делу по сути своей априорен, и лингвист оказывается в парадоксальном положении: он пытается научно доказать то, что совершенно ясно без всяких научных выкладок. И. К. Лихачева, например, полагает, что дополнение с предлогом *by* является показателем страдательного залога только в двух случаях: 1) когда оно обозначает производителя действия, названного в сказуемом, 2) когда оно обозначает причину возникновения действия как его источник.** Но можно ли быть уверенным, что таких случаев только два?

* Об образовании страдательного залога подробно рассказано в книге В. Н. Ярцевой «Историческая морфология английского языка». АН СССР, 1960, стр. 153—163. О возможности двойко толковать сочетание *beon*+причастие II и о критериях отграничения формы залога от составного сказуемого кратко упоминает Б. А. Ильиш в книге «История английского языка», изд. 4-е. М., 1958, стр. 225.

** И. К. Лихачева. Проблема отграничения формы страдательного залога, выраженного сочетанием глагола *to be*+причастие II в современном английском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1956, стр. 12—14.

Л. В. Щерба отметил однажды,* что некоторые слова не потому существительные, что они склоняются, а склоняются потому, что они существительные. Точно так же нас должен беспокоить вопрос, понимается ли в каком-то предложении форма *to be*+причастие II как пассив оттого, что в этом предложении есть некоторые признаки пассива, или эти признаки только потому и возможны, что в предложении употреблен пассив. Ход известных нам исследований наводит на мысль, что их авторы, как правило, стоят на первой точке зрения. Вот, например, что пишет Г. М. Райхель: «В современном английском языке сочетание *to be*+причастие II имеет два омонимичных грамматических (синтаксических) значения [...] Так, сочетание *to be*+причастие II, например *is closed*, представляется грамматически неопределенным до тех пор, пока мы не рассмотрим его в контексте:

1. The library is usually closed at 10 o'clock p. m.

2. The library is closed.**

Невольно приходит на память Дейчбейн с его анализом примера *I always get it at the same shop*, в котором он усматривает итератив (многократный вид) лишь потому, что в предложении оказалось слово *always****

Распространение этого метода на исследование других глагольных категорий приводит к самым неожиданным выводам. Например, можно утверждать, что в предложении *I am leaving your house* мы имеем настоящее время, а в *I am leaving for London tomorrow* — будущее. Кстати говоря, подобный метод отнюдь не нов: как известно, большинство англистов анализируют форму глагола в *I had been here...* как *Past Perfect Indicative*, но мало кто решается делать это в *If I had been here...* Систематизированный контекст как-то незаметно начинают считать не спутником, а признаком, не следствием, а причиной той или иной грамматической категории.

В этой связи следует отметить еще одно обстоятельство. В поисках критериев, помогающих отграничить два значения сочетания *to be*+причастие II, молчаливо исходят из того, что в английском языке страдательный залог не настолько самостоятельная категория, чтобы он мог быть выражен в глаголе: ведь если достаточно убрать из предложения слово *usually*, чтобы *is closed* из формы страдательного залога стало составным сказуемым, то, конечно, ни о какой грамматической само-

* Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. В сборнике «Русская речь», 1928, вып. II, стр. 6 (примечание).

** Г. М. Райхель. К вопросу о грамматическом значении сочетания *to be*+причастие II в современном английском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. I-й МГПИИЯ, 1954, стр. 3.

*** См. критику этого положения в книге: Б. А. Ильиш. Современный английский язык, изд. 2-е. М., 1948, стр. 164.

стоятельности всерьез говорить не приходится. Такое понимание вопроса вполне соответствует трактовке категории залога как категории, находящей свое выражение не только в глаголе, но и в контексте.

Для того чтобы дать объективный анализ сочетания *to be* + причастие II, необходимо прежде всего установить, откуда известно, что под звуковой оболочкой данного сочетания кроется то аналитическая форма пассива, то составное именное сказуемое. Начнем выяснение этого вопроса с некоторых замечаний об аналитических конструкциях.

Теория аналитических форм в целом разработана довольно подробно. Доказано, например, что для них характерны идиоматичность и особая взаимосцепленность компонентов. К сожалению, в каждом конкретном случае трудно сказать, обладает ли неясное сочетание особой взаимосцепленностью компонентов. Например, совершенно непонятно, действительно ли в предложении *He was killed* слово *was* связано с формой *killed* теснее, чем то же слово с формой *reserved* в предложении *He was reserved*. Так же сложно установить «порог» идиоматичности. Обычно об идиоматичности сочетания говорят в том случае, когда его значение невыводимо из значения его частей. Идиоматичность сочетания *give up* или *cool one's heels* не вызывает сомнения. Но с этой точки зрения сочетание *was killed* отнюдь не идиоматично (в отличие, скажем, от *has come*), и мы вынуждены признать, что до тех пор, пока семантика не станет точной наукой, многие выводы о степени идиоматичности будут субъективными. Обратимся поэтому к более четким признакам аналитических форм. М. М. Гухман* отметила, что поскольку в составном сказуемом глагол-связка в значительной мере сохраняет свое лексическое значение, то при замене одного связочного глагола другим происходит только изменение значения сказуемого, в то время как в аналитической конструкции замена первого компонента ведет к уничтожению самой конструкции.

Сравним с этих позиций *was killed* и *was reserved*. В предложении *He was reserved* такая замена вполне возможна (*he looked, seemed, remained etc. reserved*), а к слову *was* в предложении *He was killed* нельзя подобрать никакой замены (кроме *got*, о котором речь впереди). Отсюда следует, что *was* является связкой лишь во втором примере и что *was killed* не составное сказуемое, а аналитическая форма. В тех случаях, когда в предложении глагол *to be* стоит в одном ряду с другими связками, он и сам является связкой; там же, где он структурно изолирован, перед нами аналитическая конструкция.

* М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках и становление системы форм страдательного залога. М., 1954, стр. 98 и сл.

Если довести эту мысль до конца, то можно получить любопытные результаты.

Возьмем предложение *This weather depressed him* и сделаем с ним известное школьное упражнение: переведем его из действительного залога в страдательный. Получаем предложение *He was depressed by this weather*. Очевидно, что *was depressed* — составное именное сказуемое (ср. *He seemed depressed by this weather*), откуда следует, что заданное предложение нельзя перевести в страдательный залог.

Итак, определить в каждом конкретном случае, имеем мы составное сказуемое или страдательный залог, совсем не так сложно, если известно, какому структурному ряду принадлежит анализируемое сочетание. Для этого надо исследовать сочетание на замену глагола *to be*. Если такая замена оказывается невозможной (как в *He was killed*), значит, перед нами страдательный залог; в остальных случаях — составное сказуемое. Только после такого анализа можно начать поиски морфологических спутников составного сказуемого и страдательного залога. Правда, результаты будут добыты чисто индуктивным путем, но теперь это уже не опасно, поскольку структурный анализ всегда поможет предупредить ошибку.

В заключение мы бы хотели отметить, что первым, кто вполне определенно указал на роль структурного фактора для отграничения страдательного залога от составного сказуемого, был А. И. Смирницкий.*

Обсуждая различные значения конструкции *to be*+причастие II, мы обнаружили у страдательного залога три очень важных свойства: во-первых, у страдательного залога оказался омоним, именное сказуемое, тоже состоящий из глагола *to be* и причастия II смыслового глагола; во-вторых, выяснилось, что какие-то глаголы вообще не употребляются в страдательном залоге (ср., например, *This weather depressed him*) и, в-третьих, обнаружилось, что в отличие от прочих аналитических форм страдательные конструкции неидиоматичны.

Любой беспристрастный исследователь должен поэтому признать, что в ряду аналитических форм страдательный залог занимает особое место. Именно к такому выводу пришла Л. А. Бармина, автор специальной работы об аналитических формах современного английского языка.** По ее мнению, компоненты аналитической формы не могут употребляться отдельно с тем же значением, как и в составе этой формы, хотя в аналитической форме пассивного залога второй компонент не потерял полностью грамматического значения. Здесь не место

* А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 82. См. также стр. 283.

** Л. А. Бармина. К вопросу об аналитических формах глагола в современном английском языке. Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XXV, М., 1961, стр. 67—68; 72.

обсуждать, насколько убедителен и правомерен подобный взгляд на проблему в целом. Важно, что с какой бы стороны ни подошел исследователь к аналитическим формам английского языка, страдательный залог оказывается стоящим особняком. Возникает вопрос, можно ли трактовать страдательный залог как аналитическую форму.

Высказанные ранее соображения доказывали лишь особое положение пассивных конструкций, но не давали достаточных оснований для отрицательного ответа на поставленный вопрос, тем более, что до сих пор нас интересовало либо причастие, либо сочетание, взятое в целом. Теперь необходимо посмотреть, как ведет себя в страдательном залоге вспомогательный глагол.

Довольно давно идет спор, как понимать конструкцию *get + причастие II*. Высказываются диаметрально противоположные мнения. Сравним такие высказывания: 1. «В зарубежной англистике распространено [...] одно неправильное толкование составного именного сказуемого, состоящего из глагола *get* и причастия II как особой формы «пассива действия», якобы более четкой, чем сочетание «*to be + причастие II*», выражающее и действие, и состояние. И в этом случае мы сталкиваемся со смешением морфологии и синтаксиса, встречающимся в зарубежной англистике. В предложении *The letter got written* мы находим обычное составное именное сказуемое со связкой, указывающей на становление состояния, синонимичной более грамматизированной связке становления *become*».* 2. «Формы активного залога [...] противопоставляются формам пассивного залога, где [...] форма второго причастия обязательна всюду, с другим обязательным компонентом залогового образования — вспомогательным *be* или *get* [...] Следует отметить, что еще не все исследователи признают [...] *get* как формообразующий элемент (глагол) пассивного залога. Даже в советской англистике к структурам с *get* подходят с чрезмерной осторожностью, не оправданной фактами языка».**

Где же истина? Очевидно одно: если вместо *He was shown the way* можно сказать *He got shown the way* и смысл от этого не изменится, то следует признать, что у вспомогательного глагола страдательного залога есть полноправный синоним. Вопрос этот совсем не прост. С одной стороны, глагол *get* настолько широк по значению, что его десемантизация вполне естественна. С другой стороны, никак нельзя утверждать, что глагол *to get* полностью равен по значению глаголу *to be*, хотя во многих конкретных примерах никакой разницы между ними не видно.

* В. Н. Жигadlo, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик, Цит. соч., стр. 137.

** Г. П. Воронцова. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960, стр. 225, 227—229.

Против признания *get*+причастие II аналитической конструкцией говорит главным образом ее слабая распространенность, но едва ли следует оспаривать наличие столь типичной для истории английского языка тенденции втягивания свободного сочетания в систему аналитических форм. Глагол *become* тоже как будто начинает соперничать с *be* в пассивных построениях. Таким образом, у вспомогательного глагола в страдательном залоге есть синонимы-заместители.

Вообще говоря, в аналитической конструкции могут участвовать несколько вспомогательных глаголов: например, одни немецкие глаголы образуют *Perfekt* с *haben*, а другие — с *sein*. Но структурно *haben* и *sein* не синонимы: просто они оба абсолютно десемантизировались и равны друг другу постольку, поскольку оба лексически равны нулю. При этом они очень определенно поделили сферы влияния. Нет оснований думать, что подобное разделение функций произойдет в случае *be* — *get* (*become*). Представить же себе аналитическую конструкцию, в образовании которой участвует несколько взаимозаменяемых глаголов, трудно, по крайней мере, исходя из того, что нам сейчас известно об аналитических конструкциях.

Итак, и с точки зрения вспомогательного глагола страдательный залог занимает особое место среди аналитических форм. Следовательно, цельность страдательного залога как грамматической категории разрушается с двух сторон: наличием омонимичного составного сказуемого и синонимов у вспомогательного глагола. Так что если *perfekt* и длительные формы находятся пока что в состоянии относительного покоя, то, говоря о страдательном залоге, можно предположить, что в недалеком будущем англичане начнут усматривать тенденцию к обратному его превращению в составное сказуемое. Однако рано решать, произойдет ли это превращение или язык на долгое время законсервирует именно сегодняшнюю неустойчивость.

МЕНЬКОВА В. В.

О СОЧЕТАНИЯХ ТИПА «COME RUNNING» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Глаголы *come* и *go* с причастием I от глаголов движения и некоторых других образуют в английском языке своеобразные сочетания. Первым элементом таких сочетаний могут быть только два глагола — *come* и *go*, объединяемые способностью обозначать движение в очень общем виде. Второй элемент сочетания ограничен и формой и значением: это причастие I от глагола движения или глагола, способного в определенных условиях обозначать движение.

Некоторые особенности таких сочетаний отмечены в работах по английской грамматике в связи с исследованием причастия I, обстоятельства, сказуемого. Обычно своеобразие такого сочетания усматривается в том, что оба элемента являются глаголами движения, причем первый обозначает движение в общем виде (движение как таковое), а второй — конкретное движение, указывая на характер действия и уточняя таким образом первый элемент. Отмечается также, что такое сочетание выражает действие, относящееся к прошлому, обычно законченное, завершённое.* Второй элемент сочетания рассматривается либо как часть сказуемого, простого или сложного,** либо как уточняющий член предложения.***

Перечисленные признаки этого сочетания могут быть уточнены и дополнены. Прежде всего необходимо отметить, что в работах по грамматике упоминается только сочетание с глаголом *come*, тогда как наблюдения показывают, что аналогичные сочетания образует и глагол *go*: ср. *Who asked you to come barging in? (Cary. The Horse's Mouth). He swerved aside, on what was obviously an impulse, and went barging in (Irish. Phantom Lady).*

* Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг. Грамматика английского языка. М., 1960, стр. 327; Л. П. Винокурова. Грамматика английского языка. Л., 1954, стр. 195.

** Л. П. Винокурова. Указанное сочинение, стр. 195. В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 255—256.

*** См. В. В. Бурлакова. К вопросу о грамматической омонимии. Сб. Исследования по английской филологии. ЛГУ, 1961, стр. 37—50.

Одним из существенных признаков сочетания является значение второго элемента, как бы повторяющего, но более конкретно, значение первого. Наряду с собственно глаголами движения (*run, rush, ride, stride* и др.) вторым элементом сочетания выступают глаголы, которые способны обозначать движение лишь в определенных условиях, а именно: при наличии в предложении обстоятельства со значением направления, обстоятельство цели, предельного дополнения, выражающего лицо, к которому направлено действие. Обычно это глаголы, выражающие звучание: ... *darkness swept the carriages as the long train roared into the tunnel (G. Greene. Stamboul Train). The taxi rattled down a steep cobbled street out into the cramped square by the general post office... (ibid.). The streets were empty, the Plaza utterly deserted as they clattered towards the market (Cronin. Grand Canary).*

Те же условия предложения благоприятствуют употреблению исследуемых сочетаний (хотя и не являются необходимыми). Этим, очевидно, объясняется возможность функционирования глаголов со значением звучания в качестве второго элемента сочетания: *And as she sank back, a black wind came roaring out of the darkness... (Priestley. Jenny Williers). A bus came rattling by and stopped near her (Shute. The Far Country). When they had gone clattering down the long gallery, Bertram, still immobile, maintained the baffled contemplation of the pictures (Cronin. Crusader's Tomb).*

Нетрудно заметить, что приведенные выше сочетания аналогичны сочетаниям, в которых второй элемент — собственно глагол движения; аналогичны как по значению и употреблению, так и в том, что они таким же образом могут быть сопоставлены со сказуемыми-глаголами конкретного движения: *Fifteen armed men rode slowly into the market-place (Voynich. The Gadfly). Lieutenant Berrendo, watching the trail, came riding up, his thin face serious and grave (Hemingway. For Whom the Bell Tolls).*

И те и другие сочетания обозначают одно действие, которое складывается из указания на общее и более конкретное обозначение действия. Однотипность сочетаний подтверждается и сходными условиями употребления в предложении. Следует, по-видимому, расширить понимание сочетания этого типа, определив его как сочетание, которое включает причастие I любого глагола, способного выражать движение, но не обязательно собственно глагола движения.

Употребление глаголов *come* и *go* не ограничено какой-либо одной временной формой. Основная масса сочетаний действительно обозначает действие, относящееся к прошлому, что, оче-

итно, связано со спецификой самих глаголов *come* и *go*, для которых, как показывают наблюдения, такое употребление преобладает: Robert came running out of the hall carrying a raincoat (*Du Maurier*. Rebecca). He was lost... and went plunging downwards, downwards through space and time (*Cronin*. Mr. Canary). Mr. Napier, who had come striding in at that moment, was obviously the juvenile lead... (*Priestley*. J. Villiers). There's something I don't understand, and I fear it, and I've come running (*G. Greene*. The Potting Shed).

Форма глаголов *come* и *go*, однако, отнюдь не ограничена прошедшим временем. Широко распространены сочетания, обозначающие действие в настоящем и будущем с глаголами *come* и *go* в соответствующей временной форме: Suddenly the house door opens and Francie comes running through the rain (*Cary*. Spring Song). And the first half go prowling round looking for something to stop their bellies, and the second half go creeping about on all fours... (*Cary*. The Horse's Mouth). You'd better telegraph Robert that I'm all right, or he'll come rushing down for the funeral (*Stone*. Love is Eternal). You'll go running to Mr. de Winter... (*Du Maurier*. Rebecca).

Глаголы *come* и *go* могут быть в повелительном наклонении: Bring me the sack of pans and my little maquina, he shouted, and come running (*Hemingway*. For Whom the Bell Tolls). Come on, Comrade Voyager. Come striding (*ibid.*).

Употребительны сочетания с неличной формой глаголов *come* и *go*: Already the sun had left the valley to go climbing up the slopes of the Gabilan mountains... (*Steinbeck*. Of Mice and Men). He watched them coming riding up the slopes (*Hemingway*. For Whom the Bell Tolls).

Таким образом, и в этом отношении границы сочетания расширяются: первым элементом может быть глагол в личной или неличной форме; действие, выраженное сочетанием, может находиться в любой временной плоскости: в настоящем, прошедшем и будущем.

Основная масса сочетаний, как справедливо отмечается в некоторых работах по грамматике, выражает завершённое действие. Возникает вопрос, чем обусловлено это значение завершенности. Глаголы *come* и *go* сами по себе, вне сочетания, ведут себя неодинаково в отношении видовой характеристики действия. Вряд ли поэтому можно согласиться с утверждением Л. С. Бархударова о том, что значение завершенности действия сообщается сочетанию именно глаголом *come*.^{*} Причастие I

^{*} Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг. Указанное сочинение, стр. 327.

также не имеет этого значения. Следовательно, значение завершенности действия возникает только при соединении этих элементов, что еще раз свидетельствует о целостности сочетания. Значение завершенности действия, передаваемое сочетанием, очень устойчиво; оно не уничтожается даже союзами *while* и *as*, которые обычно указывают на процесс, на действие в развитии: *He heard the water as it went splashing through the ford...* (*Shute. The Far Country*). *Even in her distress, as the words came tumbling out, she could not fail to note how little the dreadful news disturbed him* (*Cronin. Crusader's Tomb*).

Несколько усложняется характер завершенного действия: обычно это ряд отдельных завершенных действий, в целом необязательно законченный. Завершенное действие может быть многократным, как в приведенных выше примерах, или однократным: *A big white moth came sailing inwards like a ship* (*Cronin. Grand Canary*). Некоторые сочетания выражают начало действия: *The utility went sliding off with Joe in it again* (*Shute. The Far Country*).

Во всех сочетаниях этого типа обозначаемое действие всегда направлено: *I know how much the thunder upsets you, and when I heard it getting worse, I came running* (*Stone. Love ...*). Значение направленности действия подчеркивается обстоятельствами, отвечающими на вопросы: куда? откуда? в каком направлении? *And then the plane went soaring out across the sea* (*Cronin. Grand Canary*). *In a moment Lennie came crashing back through the bush* (*Steinbeck. Of Mice and Men*).

Обстоятельство цели и предложное дополнение со значением адресата также уточняют направленность действия: *And there would be no disturbing of their peace until Jasper came loping through the undergrowth to find me* (*Du Maurier. Rebecca*). *The old man came running toward him* (*Hemingway. For Whom the Bell Tolls*).

Своеобразие значения данного сочетания заключается, таким образом, в выражении завершенного направленного действия*. Это значение в какой-то мере может быть сопоставлено со значениями, передаваемыми русскими глаголами совершенного вида с приставками. Так, *I saw them running* соответствует русскому: Я видел, как они бегут (бегали, бежали). *I saw them come running* — Я видел, как они пробегают, прибегают, перебегают (пробежали, пробежали, и т. д.). Ср. также: *Gemma and the Gadfly walked silently along the Lung' Arno* (*Voynich. The Gadfly*). *They left the tent, and*

* См. замечание А. И. Смирницкого о способах выражения направления движения. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 195.

walked across the dark green to the river (ibid.). I drank a coffee and after a while Bill came over. I watched him come walking across the square (*Hemingway. Fiesta*).

Форма walked соответствует русскому «шли» и «пошли», тогда как у come walking первое значение отсутствует.

Своеобразно употребление данного сочетания в предложении, а именно: порядок следования его элементов или их взаимное расположение. Причастие I всегда следует непосредственно за глаголом come или go; между ними не может находиться никакой член предложения. Типичен порядок слов в следующем предложении: *Robert came running out of the hall carrying a raincoat (Du Maurier. Rebecca)*. Изменение порядка слов нарушило бы структуру сочетания: *Robert came out of the hall running ...* В следующих предложениях глаголы come и go не образуют сочетания с причастием I именно потому, что отсутствует необходимый порядок следования элементов: *Winging to him came the thought that he had never touched her (Cronin. Gr. Canary) ... the door opened, in came children rushing and tumbling; and went out again (W. Woolf. To the Lighthouse)*.

В приведенных примерах причастие I позиционно и, по-видимому, интонационно обособляется от инвертированного глагола-сказуемого, что ведет к усилению самостоятельности элементов и нарушению структуры сочетания. Каждый элемент начинает выполнять свою синтаксическую функцию в предложении (сказуемого и обстоятельства).

Наречие, обычно довольно подвижное, также не может вклиниться между элементами сочетания: *... three girls came rushing in from the side ... (Cary. Spring Song)*. *The beetles came popping in through the gaps in the mosquito wire (G. Greene. The Power)*.

При изменении положения наречия связь между элементами сочетания нарушается, и в предложении могут возникнуть новые связи: *The beetles came in popping through the gaps in the mosquito wire*. Наречие *in* оказалось бы связанным только с глаголом-сказуемым come, а дополнение — только с причастием I, а не с сочетанием came popping (in), как в исходном предложении. Сочетание распадается, как только его элементы вступают в самостоятельную связь с членами предложения: *... Peggy Dawson came along, walking quickly (Shute. The Rainbow and the Rose)*.

Обычно сочетание этого типа ассоциируется со сказуемым; ставится вопрос о том, являются ли сказуемым (и каким именно) оба элемента сочетания или только глаголы come и go; и далее: какова роль причастия I в предложении. Однако функция данного сочетания в предложении не ограничивается сказуемым. При употреблении come и go в неличной форме оно может входить в состав не только сказуемого, но и других чле-

пов предложения, главных и второстепенных. В следующем предложении это часть подлежащего после формального it: It was stupid of him to come blundering out like that (*Crockett. The Seven Wise Men*).

Сочетание с инфинитивом *come* и *go* может быть определением и обстоятельством: The family had no call to come creeping back when it's on holiday, even when it is only Miss Barbary (*R. Macauley. The World ...*). Abraham chose that moment to come striding into the room ... (*Stone. Love ...*).

Обычной является функция дополнения или части сложного дополнения: They saw Pablo come running around the corner of the bend in the road (*Hemingway. For Whom the Bell Tolls*). They looked up and seeing the fair-haired woman come flying out of the door, gazed in surprise (*Cary. Spring Song*).

При употреблении в функции подлежащего и второстепенных членов предложения сочетание сохраняет свои признаки — значение и взаимное расположение элементов, т. е. оно входит в состав данного члена предложения как некое единство. Отношение причастия I к глаголам *come* и *go* постоянно, независимо от функции сочетания в предложении: причастие I связано, таким образом, не с членом предложения — сказуемым, а с глаголом *come* или *go*, членом сочетания. Причастие I не уточняющий член предложения, так как оно не выполняет одинаковой с первым элементом синтаксической функции и не имеет одинакового с ним морфологического оформления*. Логично предположить, что и в составе сказуемого данное сочетание нечленимо. Не имея самостоятельной функции в предложении, причастие I входит в состав данного члена предложения только как элемент сочетания. При неличной форме глаголов *come* и *go* сочетание может быть частью составного сказуемого. Если глаголы *come* и *go* употребляются в личной форме, сказуемое следует определить как простое, рассматривая данное сочетание как один из способов лексико-грамматического выражения направленного действия: And now, Mrs. Conor, rather breathless, came darting into the kitchen from the scullery (*Cary. Spring Song*).

Интересно замечание К. Бруннера** об отсутствии ударения на первом глаголе, что, возможно, свидетельствует о его некоторой семантической несамостоятельности. С другой стороны, и причастие I обнаруживает известную зависимость от первого элемента, потому что только в данном сочетании способно выражать законченное действие.

* См. М. Г. Шатух. Уточняющие члены предложения в современном русском языке. Вопросы русского языкознания, кн. II. Львов, 1956, стр. 20—21.

** К. Бруннер. История английского языка, т. II, М., 1956, стр. 342.

Рассмотренные признаки позволяют определить сочетание типа *come tripping* как особого рода конструкцию для обозначения направленного завершённого действия (движения), относящегося к прошлому, настоящему или будущему. Сочетание *come tripping* либо образует один член предложения (простое сказуемое), либо является частью члена предложения, главного или второстепенного. Широкое употребление данного сочетания находится в соответствии со строем современного английского языка, привлекающего для выражения определенных значений различного рода конструкции ограниченного лексического состава, не членимые в составе предложения, но и не превращающиеся в аналитическую форму.

БОГОЛЮБОВ М. Д.

ПРОБЛЕМА РАМОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В современном немецком литературном языке заметна тенденция к некоторому разрыхлению рамочной организации предложения. Эту тенденцию в германистике рассматривают с разных позиций. Одни говорят об определенном сдвиге в структуре языка, ведущем в конце концов к отказу от рамки, так как рамочная конструкция предложения препятствует пониманию и сковывает дальнейшее развитие немецкого языка*. Другие считают, что и в литературном языке и в языке науки и техники намечаются определенные закономерности в нарушении строгих правил рамочной организации предложения, которые были характерны для «школьно-бюрократического синтаксиса»** первой половины XIX века.***

Вопрос об известном ослаблении действия правил рамочного строения предложения в современном немецком языке дискутировался еще в 20-х годах. В то время зарубежные германисты по старой традиции считали отступления от рамочного строения предложения признаком низкой языковой культуры автора. Вундерлих и Рейс допускали, однако, постановку отдельных членов предложения за глагольно-сказуемой рамкой в самостоятельном предложении, а в зависимом — после неизменяемой части сказуемого. Зюттерлин признает возможным вынесение за рамку так называемых «не необходимых членов предложения». И если первые авторы считали недопустимым нарушение рамки в школьных сочинениях, то Бехагель высказывается вообще против Nachtrag.

В 40—50-х годах советские германисты пытались объяснить вынесение за рамку отдельных членов предложения как стили-

* Э. Г. Ризель. Новое в синтаксисе немецкого языка. «Иностранные языки в школе», 1948, № 1; Е. А. Крушельницкая. Новое в немецкой грамматике, вып. 2. М., 1961, стр. 92 (библиография, стр. 82—92).

** Термин Ф. Энгельса. См. письмо к Ф. А. Зорге от 29.04.1886. К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XXVII, стр. 552—53.

*** В. Г. Адмони. Введение в синтаксис немецкого языка. М., 1958, стр. 384—85.

стический прием, указывающий на большую семантическую нагрузку вынесенного члена,* или как добавочное сообщение, следующее обычно за уже как бы закончившимся предложением.**

Попытки объяснить вынесение за рамку, с точки зрения семантики, вынесенного члена привели к созданию громоздкой, путанной, но отнюдь не универсальной классификации.

В. Г. Адмони, подробно исследовавший отступления от рамочной структуры предложения, указывает, что в современном немецком языке выделяется ряд элементов предложения, которые в более или менее закономерной последовательности выносятся за пределы рамки самостоятельного или зависимого предложения. Главнейшими из них он считает: а) подчиненные предложения, в том числе определительные; б) инфинитивные группы и обороты; в) сравнения с *wie* и *als*; г) предложные дополнения и обстоятельства (последние выносятся за рамку менее закономерно, но довольно часто; нередко за рамкой оказываются однородные члены, прежде всего члены с развернутой структурой; могут выноситься все однородные члены или некоторая их часть).

Следует подчеркнуть, что перечисленные В. Г. Адмони элементы предложения в своем большинстве имеют тяготение к собственной структурной организации по типу рамки. Необходимо отметить также, что предложные дополнения, обстоятельства и однородные члены наиболее часто выносятся за рамку в распространенных предложениях с большим количеством членов. Малораспространенные предложения, наоборот, стремятся сохранить свою рамочную структуру. Это обстоятельство свидетельствует о том, что рамка имеет определенный «предел слышимости» (*Hörweite*), в границах которого сохраняется способность замыкать все члены предложения (обычно кроме первого) между дистантно расположенными элементами двучастного сказуемого. Наличие в предложении членов, имеющих тяготение к собственной рамочной структуре, способствует нарушению общей глагольно-сказуемой рамки.

В современном немецком языке весьма сильна и другая тенденция. В разговорной речи и в диалектах за последние 4—5 веков заметно увеличение числа рамкообразующих элементов. В первую очередь следует отметить расширение употребления аналитических глагольных форм, начавшееся в верхне-немецких диалектах на рубеже XV—XVI вв., — вытеснение форм *Präteritum* формами *Perfekt*, замена *Präteritum Konjunktiv* формами *Konditionalis*, например: *Unse Friede würde das nie verwingen können*. (Наша Фрида не смогла бы этого перенести.

* И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 50 и сл.; Е. И. Шендельс. Порядок слов в главном предложении в немецком языке. «Иностранные языки в школе» № 6, 1948.

** К. Г. Крушельницкая. О порядке слов в немецком языке. «Иностранные языки в школе» № 1, 1957.

Wittenbergisch. R. Erfurth. Von jriinen Schtrand der Elve. Wittenberg, 1930, S. 89, 20); расширение употребления форм Passiv, возрождение угаснувших было сочетаний tun+Infinitiv (глагол tun потерял в этих сочетаниях, в отличие от ниже- и средне-франкских памятников XIII—XV вв., значение модальности и играет роль вспомогательного глагола, указывающего на определенную продолжительность действия), например: En Fritz tot der Dochter ewenig darb an Hals remkneeten, da den angsebang wurn is ... (Фрица доктор несколько крепко надавил у шеи, что тому стало страшно. Erzgebirgisch. O. Schwalbe. Lost eich derzehln. 1953, S. 34, 17).

Следует подчеркнуть также сокращение употребления полнозначных глаголов и тенденцию к их замене неполнозначными глаголами, требующими дополнительных глагольных определителей, конкретизирующих совершаемое действие. В качестве таких глагольных определителей наиболее часто выступают наречия (отделяемые приставки), прилагательные, неличные формы глагола и особенно — существительные с предлогом или без предлога. Неполнозначный глагол и его определитель обнаруживают весьма заметное стремление к дистантному расположению по типу глагольно-сказуемой рамки. Количество примеров типа Abschied nehmen, in Bewegung setzen и т. п. растет в современном разговорном языке и диалектах с катастрофической быстротой: Vun de Bewejunk kam de Letter ins Rutschen (От движения лестница соскользнула. R. Erfurth, *ibid.* S. 92, 18).

Кроме того, начиная примерно с XIV в. в северной части Германии, а затем и в других районах увеличивается число случаев рамки, образованной элементами современного местоименного наречия.* Наиболее широко этот тип рамки представлен в современных нижненемецких диалектах, например: Dor bün ick stolz too (К тому же я горд. Hamburgisch. P. Sorgenfrei. In englischer Gefangenschaft. Hamburg, 1919, S. 14, 3); ... da jense nur hen (пройдите же туда. R. Erfurth, *ibid.* S. 94, 19). Do läfft er grad an de Major на ... (Затем он подбегает прямо к майору ... Südfränkisch. J. Schaeffler. Mundartenbuch, 1926, S. 91, 5).

Наши наблюдения говорят о том, что ссылки на непродуктивность и архаичность рамочной конструкции для немецкого языка по меньшей мере не имеют под собой реальной почвы. Быстрый рост употребления новых рамкообразующих элементов в диалектах и переход большого числа их в литературный язык говорят как раз об обратном.

* Первые примеры встречаются в древнесаксонских и древнеанглийских памятниках, в верхненемецком языке — несколько позднее, в средневерхненемецкий период.

В чем же состоит так называемое разрыхление рамочной структуры предложения в современном немецком литературном языке?

Рамочная структура предложения издревле свойственна всем западногерманским языкам — древнеанглийскому, древнесаксонскому и древнемецкому. В английском языке в XII—XIII вв. возникли определенные условия, способствовавшие сужению возможности употребления глагольно-сказуемой рамки, и в современном языке от нее остались лишь отдельные нераспространенные формы. В немецком языке действовали другие законы исторического развития, создавшие предпосылки для упрочнения рамочной организации предложения. Однако вплоть до середины XVII века полнорамочная структура предложения сосуществовала с неполнорамочной на равных правах. В XVII—XVIII веках в складывающемся литературном варианте общенемецкого национального языка возникли строгие правила обязательного полнорамочного строения предложения. В то же время в памятниках, написанных на диалектах, а отсюда, весьма очевидно, и в разговорном языке, в отличие от официального письменного, сохранилась возможность употребления неполнорамочного строения предложения.*

Таким образом образовался разрыв между синтаксисом разговорного и письменного языка, преподаваемого в школе. В творчестве многих прогрессивных писателей (А. Зегерс, Л. Фейхтвангера, Т. Манна и др.) заметно стремление преодолеть этот разрыв. Анализ современных произведений, написанных на местных диалектах, обнаруживает еще более заметную тенденцию к сближению нормы порядка слов письменного и разговорного языка. В первую очередь эта тенденция проявляется в отказе от многостепенных периодов, в частой замене подчинения сочинением и т. п. В разговорном языке намечается структурное преобразование определительных (относительных), причинных и уступительных придаточных предложений. В современном немецком языке имеется также тенденция к замене равносубъектных придаточных предложений соответствующими инфинитивными и причастными оборотами.**

Разрыхление рамочной структуры предложения в современном литературном и научном языке знаменует собой, прежде всего, отказ от искусственно строгих правил организации предложения, сложившихся в XVII—XVIII вв. Но широкая возможность вынесения за рамку отдельных членов предложения и целых синтаксических групп вовсе не означает, что уже сейчас

* Нами было исследовано более 140 письменных памятников XIV—XVII вв., относящихся к различным диалектам немецкого языка, и почти везде, за исключением лишь немногих, имеются более или менее многочисленные случаи неполнорамочного строения предложения.

** И. М. Жилин. Некоторые явления синтаксической синонимии в группе глагола современного немецкого языка. Канд. дис. Л., 1962.

намечается полный отказ от рамочной организации предложения как основного типа немецкой языковой структуры. Речь может идти лишь о восстановлении искусственно упраздненной неполнорамочной модели организации предложения.

В связи с тем, что двучастные формы глагольного и именного сказуемого весьма продуктивны, в современном немецком языке создаются предпосылки дальнейшего расширения употребления глагольно-сказуемой рамки как основной формы структурной организации предложения.

Вместе с тем в немецком языке все сильнее и сильнее выделяется тенденция структурного разграничения отдельных синтаксических групп: зависимого предложения, распространенной инфинитивной группы, группы существительного с его определениями и т. п. Этим создаются весьма ощутимые условия для разрыва общей рамки предложения и размещения структурно сбособленного члена за рамкой.

Ритмика предложения, его эмоциональная окраска и, наконец, желание подчеркнуть значимость определенного члена, обусловленное стилистическими соображениями, увеличивают возможность разрыва общей рамки предложения.

Можно говорить о некотором сдвиге в сторону упрощения синтаксической структуры немецкого предложения, но не следует преувеличивать значение ослабления действия правил рамочной организации предложения и делать отсюда опрометчивый вывод о непродуктивности рамочной конструкции в немецком языке. Рамка была и остается одной из основных форм структурного оформления немецкого предложения и его отдельных элементов.

ПЕРЛИ В. П.

МОДАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН И ПРОБЛЕМА НАКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматическая форма, как правило, выражает определенную совокупность грамматических значений.

Речевая цепь многолинейна, и число грамматических категорий, выражаемых одной формой слова, может быть весьма значительным.* Постоянно сочетаясь в одних и тех же формах, грамматические категории многообразно взаимодействуют друг с другом. Примером взаимодействия важнейших глагольных категорий времени и наклонения могут служить случаи модального употребления глагольных времен.

Так, в современном английском языке формы предпрошедшего времени Past Perfect и Past Perfect Continuous могут быть использованы для выражения неосуществленного намерения, неоправданного предположения, несбывшейся мечты, напрасной надежды: 1. I had hoped that the memories of old scores would not be allowed to stand in the way of what is pleasure and a profit to me and my little granddaughter ... But old men learn to forgo their whims (*J. Galsworthy. The Man of Property. M., 1956, p. 423*). 2. I had thought I would be only one week away from Saigon (*G. Greene. The Quiet American, M., 1959, p. 74*). 3. «Well, what shall we discuss — plastic?» I hadn't meant to surprise him. — He said, «You know about that?» (*Ibid., p. 85*). 4. He felt the need of a definite decision. One had been drifting in the belief that this wouldn't go into court (*J. Galsworthy. The Silver Spoon, M., 1956, p. 197*). 5. And I had been hoping to see a real laboratory! (*M. Wilson. Live with Lightning, L., 1957, p. 55*).

Исследователи подходят к анализу такого рода примеров по-разному. Дж. Керм называет форму had hoped в предложе-

* Это положение общего языкознания четко сформулировано и обосновано в работе проф. В. Г. Адмони «Основы теории грамматики» (М., 1964, стр. 40—41).

ниях типа «I had hoped you would come» Past Perfect Subjunctive.⁴

О. Есперсен усматривает здесь изъявительное наклонение.^{**} Эта позиция представляется нам более оправданной.

В рассмотренных примерах модальный оттенок передается не самой глагольной формой, а лексико-грамматическим сочетанием в определенном контексте значения глаголов to think, to mean, to hope и форм предпрошедшего времени. При этом глагольные формы Past Perfect и Past Perfect Continuous не утрачивают своего временного значения. Модальность определяется различными факторами — грамматическими и неграмматическими.

Процесс модального переосмысления перфектного и перфектно-длительного инфинитива осуществляется еще более интенсивно. Эти формы, вопреки своему грамматическому значению, могут употребляться для выражения нереального действия в настоящем: 1. Perhaps you ought to have been a priest (*G. Greene. The Quiet American*, p. 150). 2. If you had pleased to be an honest man, you might have been sitting in your galley (*R. L. Stevenson. The Treasure Island*, M., 1963, p. 141). 3. He might not have been lying there at all but «sanded» at the bottom of the sea (*J. Galsworthy. The Apple Tree. Modern English Short Stories*, M., 1961, p. 121).

Объяснение этому явлению мы находим в работах А. А. Потемни: «... прошедшее время может рассматриваться со своей негативной стороны ... в том смысле, что если явление было, то, стало быть, его уже нет.»^{***}

Взаимодействие категорий времени и наклонения не ограничивается случаями модального использования отдельных глагольных времен. Между этими категориями существует глубокая внутренняя связь. Об этом писал А. М. Пешковский: «В сущности, и время, и наклонение одинаково накладываются, так сказать, на ту связь между предметом и признаком, которую устанавливают формы согласования глагола с именительным падежом существительного (речь идет о русском языке, — В. П.): наклонение определяет отношение говорящего к реальности этой связи, а время — ко времени ее проявления.»^{****}

Взаимодействие глагольных категорий времени и наклонения проявляется в том, что, с одной стороны, формы наклонений отличаются друг от друга в отношении категории времени, а с другой стороны, отдельные времена различаются в отношении категории наклонения. Наиболее богатым по формам вре-

* G. Curme. *A Grammar of Late Modern English*. N. Y., 1956, p. 235.

** O. Jespersen. *Essentials of English Grammar*. L., 1957, p. 247.

*** А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике, т. II. М., 1941, стр. 269.

**** А. М. Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении*. М., 1958, стр. 88.

мени является изъявительное наклонение, в котором сообщение о действии непосредственно отражает действительность (с точки зрения говорящего лица). Следует заметить, что в современном русском языке только изъявительное наклонение имеет дифференцированную систему времен; повелительное и сослагательное наклонения форм времени не имеют.

Английская временная система также полностью представлена только в изъявительном наклонении и обычно изучается именно в сфере индикатива. Повелительное наклонение по временам не изменяется.

Условное наклонение* имеет только два времени: настоящее будущее, выраженное формой *Indefinite Conditional*, и прошедшее, выраженное формой *Perfect Conditional*.

Вопрос о временах сослагательного наклонения является одним из самых сложных и дискуссионных вопросов английской грамматики. Об этом говорит проф. Б. А. Ильиш: «В этой области чувствуется смешение старого и нового, синтетических форм, унаследованных от древнейших времен, частично вытесняемых, частично переосмысляемых, и новых образований аналитического типа».**

Форма *Present Indefinite Subjunctive* в британском варианте английского языка постепенно выходит из употребления. Еще более архаична форма *Present Perfect Subjunctive*:

If the scarcebearded Caesar have not sent his powerful
mandate to you . . .

(*W. Shakespeare. Antony and Cleopatra, Act I, Scene I*)

Аналитические формы сослагательного наклонения, употребляемые исключительно в подчиненных предложениях, передают относительное время; за точку отсчета для них принимается не время речи, а время действия подчиняющего предложения. Формы *Past Indefinite Subjunctive* и *Past Perfect Subjunctive* фактически не выражают временных отношений, обозначаемых этими терминами, вследствие модального переосмысления.

Сравнивая формы *Present Indefinite Subjunctive* и *Past Indefinite Subjunctive*, *Present Perfect Subjunctive* и *Past Perfect Subjunctive*, мы убеждаемся в том, что эти формы не противопоставлены по категории времени.

Аналитические формы *Indefinite Subjunctive* и *Perfect Subjunctive*, различающиеся в плане относительного времени, не

* Существование особой формы условного наклонения в современном английском языке убедительно доказывается в работе И. Б. Хлебниковой «Сослагательное наклонение в современном английском языке» (Л., 1958). Тех же взглядов придерживались Генри Свит, проф. А. И. Смирницкий, проф. Г. Н. Воронцова; их разделяют проф. Б. А. Ильиш; проф. И. Е. Аничков, М. А. Ганшина и Н. М. Василевская, Т. К. Рушева, посвятившая условному наклонению кандидатскую диссертацию, и Т. В. Фролова.

** Б. А. Ильиш. Современный английский язык. М., 1948, стр. 182.

противопоставлены по категории времени другим формам сослагательного наклонения.

Таким образом, различие шести диахронически временных форм в системе сослагательного наклонения в настоящее время не определяется категорией времени. Временная дифференциация в сослагательном наклонении проявляется исключительно в противопоставлении перфектных форм неперфектным по линии «одновременность — предшествование».

Формы будущего времени в системе сослагательного наклонения отсутствуют. Как справедливо указывает И. Б. Хлебникова, для категории, не выражающей объективную реальность, временные рамки, в пределах которых осуществляется действие, имеют второстепенное значение.*

Некоторые лингвисты считают, что Past Indefinite Subjunctive и Past Perfect Subjunctive в действительности представляют особую форму прошедшего и предпрошедшего времени изъявительного наклонения в модальном употреблении.

Впервые этот вопрос поставил Генри Свит, анализируя примеры: If I knew his address I would write to him и If it were possible I would do it.**

Если грамматический анализ второго из приведенных предложений не вызывает затруднений, то трактовка формы knew в первом предложении является предметом теоретических споров. О. Есперсен рассматривал формы had и had had в предложениях If I had money enough I would pay you и I wish I had had money enough как «нереальное употребление времен» (imaginative use of tenses).

Точку зрения О. Есперсена разделяют некоторые советские лингвисты.*** По мнению профессора Б. А. Ильиша, временные формы Past Indefinite и Past Perfect сами по себе могут выполнять функцию наклонения. В подтверждение этой точки зрения проф. Б. А. Ильиш указывает со ссылкой на А. А. Потембю, что поскольку прошедшее время не является реальностью для настоящего, оно может быть переосмыслено как нереальность и что характерная для разговорного английского языка замена формы were формой was есть замена сослагательного наклонения изъявительным. Другая точка зрения, согласно которой формы прошедшего и предпрошедшего времени индикатива и соответствующие формы субъюнктива являются грамматическими омонимами, высказывалась С. Г. Онионзом, И. Б. Хлебниковой и А. И. Смирницким.

* И. Б. Хлебникова. Сослагательное наклонение в современном англ. яз., стр. 22.

** Н. Sweet. *New English Grammar*, part I, L., 1898, p. 109.

*** Б. А. Ильиш. Современный английский яз., стр. 185, 186; В. Н. Жигадло, И. П. Иванова и Л. Л. Иофик. Современный английский яз. М., 1956, стр. 117, 118; Л. П. Винокурова. Грамматика английского яз. Л., 1954, стр. 143—144.

По мнению проф. Смирницкого, аргументы в пользу признания *knew* во временном и модальном употреблении одной глагольной формой неубедительны, так как значение прошедшего времени и значение нереальности в форме *knew* никогда не сочетаются и, следовательно, несовместимы.* Что касается замены *were* на *was*, то, по мнению проф. А. И. Смирницкого, такая замена является принадлежностью небрежной речи.

С рассуждениями проф. А. И. Смирницкого нельзя не согласиться.

Авторы теоретического курса «Современный английский язык» утверждают, что формы прошедшего времени изъявительного наклонения могут иметь временное, видовременное и модальное значение, причем модальное значение определяется исключительно «грамматическим контекстом».**

Против такого понимания можно возразить следующее:

1. Интересующие нас формы выражают нереальное действие в весьма разнообразных синтаксических условиях. Их употребление для выражения нереальности отмечается в следующих случаях:

в простых восклицательных предложениях, например: *If it only stopped raining!* (*Advanced Learner's Dictionary of Current English*, L., 1958, p. 104). *Oh that I had never seen it!* (*Concise Oxford Dictionary*, p. 987);

в дополнительных придаточных предложениях, например: *I wish I knew what he was going to do* (*J. Galsworthy. The Patrician*, Leipzig, 1911, p. 136). *I wish it had not been me you saw* (*J. Braine. Room at the Top*, M., 1961, p. 128);

в определительных придаточных предложениях, например: *It's high time you started* (*English Reader's Dictionary*, L., 1959, p. 197). *It's high time I was off* (*J. Galsworthy. The Patrician*, p. 29);

в условных придаточных предложениях, например: *If anyone got in his way he'd be utterly ruthless* (*J. Braine. Room at the Top*, p. 161). *Would that kiss have been given if Fate had been auspicious?* (*J. Galsworthy. The Patrician*, p. 131);

в сравнительных придаточных предложениях, например: *After the darkness of that room, the corridor seemed full of grey filmy light, as though dream-spiders had joined the walls with their cobwebs* (*J. Galsworthy. The Patrician*, p. 127). *I felt as sorry for her at that moment as if she'd been an ordinary girl and not the daughter of Harry Brown with a hundred thousand pounds as a barrier between her and a real sorrow* (*J. Braine. Room at the Top*, p. 174).

* А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1960, стр. 348.

** В. Н. Жигадло, И. П. Иванова и Л. Л. Иофик. Цит. соч., стр. 118.

2. Рассматриваемые формы могут употребляться также в поэтическом стиле в главных предложениях нереального условного периода:

Had we never loved so kindly,
Had we never loved so blindly,
Never met, or never parted,
We had ne'er been broken-hearted.

(*R. Burns. Parting Song to Clarinda*)

Если мы станем на точку зрения авторов теоретического курса грамматики английского языка, то мы вынуждены будем заключить, что модальное значение *had loved* в приведенных выше придаточных предложениях определяется не «грамматическим контекстом», а глагольной формой *Past Perfect Subjunctive*, так как здесь в главном предложении налицо форма, с точки зрения И. П. Ивановой, В. И. Жигadlo и Л. Л. Иофик не являющаяся сослагательным наклонением.

3. Формы прошедшего времени изъявительного и сослагательного наклонений четко противопоставлены в системе длительного вида. В этом нетрудно убедиться, сравнив следующие примеры:

1. Dr. Taylor was talking about it (*Daily Worker*, Dec. 5, 1954, p. 5).

2. He plays Romeo as though he were riding a motor-bike (*Ibid.*, p. 3).

Наличие в языке формы *Past Continuous Subjunctive* с четким формальным показателем сослагательного наклонения является главным доводом за причисление исследуемых форм к сослагательному наклонению и признание омонимии глагольных форм прошедшего времени изъявительного и сослагательного наклонений, например:

But now if he were going to be forced into a personal interchange with his master he would be like a wild thing caught, he felt he must get away (*D. H. Lawrence. The Prussian Officer, Modern English Short Stories*, M., 1961, p. 80).

He smiled as if he were laughing at her silently (*D. H. Lawrence. Aaron's Rod*, L., 1950, p. 70).

She looked almost as if she were going to cry (*J. Galsworthy. The Man of Property*, p. 273).

And between Holly and himself there was a strange division, as if she were beginning to have opinions of her own which was so unnecessary (*J. Galsworthy. In Chancery*, M., 1956, p. 152).

He wondered if he were being too obvious (*Ibid.*, p. 159).

If I were going to scratch that out, I had better tear the whole letter up (*G. Greene. The Quiet American*, p. 133).

It was as though his illness were happening to another man's body (*Ibid.*, p. 135).

It was as if she were asking me for protection (*J. Braine. Room at the Top*, p. 78).

She had a fresh, rosy complexion and clear blue eyes; at thirty-eight her hair was already greying but the effect, paradoxically, was to make her look younger, as if she were only pretending to be old (*Ibid.*, p. 110).

4. Обращает на себя внимание полный синтаксический параллелизм в употреблении омонимичных с формами индикатива и не омонимичных с ними форм сослагательного наклонения. Сравним примеры:

Christmas there always seemed a bit ashamed of itself, as if it knew that it was wicked waste of good money (*J. Braine. Room at the Top*, p. 99).

It was as if anger had plucked her upright (*Ibid.*, p. 174).

It was as if I were putting in a filibuster (*Ibid.*, p. 97).

If I refused what would we live on? (*G. Greene. The Quiet American*, p. 93).

If I'd known I'd have brought you some flowers (*J. Braine. Room at the Top*, p. 52).

If only it were so, and she were really coming back, he would never again do as he had done that fatal night before last (*J. Galsworthy. The Man of Property*, p. 346).

I wish we had more like her in the economic mission (*G. Greene. The Quiet American*, p. 56).

I wished that he hadn't asked that question (*Ibid.*, p. 115).

I wish I were going with you (*R. Kipling. The Light that failed*, L. 1932, p. 239).

Сравниваемые формы совершенно аналогичны по модальному значению (ирреальность действия) и синтаксическому употреблению, они различаются только по категориям времени и вида. Поэтому непоследовательно причислять эти формы к различным наклонениям.

5. Формы индикатива и субъюнктива прошедшего времени четко противопоставлены в сфере страдательного залога, например:

He was completely broken as the result of the failure of his business (*The Advanced Learner's Dictionary of Current English*, p. 120).

He swung wildly across the room as if he were broken (*D. H. Lawrence. Aaron's Rod*, p. 206).

Форма субъюнктива страдательного залога в системе длительного вида также четко морфологически ограничивается от соответствующей формы индикатива, например:

He felt as if he were being dictated to in advance and he did not like dictation (*J. Galsworthy. The Partician*, p. 170).

It was as though she were being taken from me by a nation rather than by a man (*G. Greene. The Quiet American*, p. 152).

The road was rustling with dead leaves, the air was smoky

and mellow as if the whole earth were being burned for its fragrance like a cigar (*J. Braine. Room at the Top*, p. 95).

6. В качестве формального признака, отличающего омонимные с индикативом формы сослагательного наклонения, можно указать на сопутствующую рассматриваемым формам полную инверсию сказуемого в условных придаточных предложениях.

Had it been any other of her grandchildren she would not have hesitated, but there was something in Miltoun which held even Lady Casterly in check (*J. Galsworthy. The Patrician*, p. 195).

Did you know the pride of my heart, you would feel doubly for me (*R. Burns. Letters*, CCCXII).

Такого рода инверсия сопутствует только формам сослагательного наклонения, например:

Be thou as chaste as ice, as pure as snow, thou shalt not escape calumny (*W. Shakespeare. Hamlet*, Act III, Scene 1).

Were my bosom as false as thou deem'st it to be, I need not have wander'd from far Galilee (*G. Byron. Hebrew Melodies*).

Should the two (or more) messages be completely and simultaneously recoverable, by decoding of the output, the concept of noise is of little use (*W. R. Ashby. An Introduction into Cybernetics*, L., 1957, p. 187).

Формы изъявительного наклонения не допускают такой инверсии.

Если построения If they were here ... If he had arrived имеют параллельные построения Were they here ... Had he arrived, выражающие то же значение, то нельзя значение слов If they are here ... If he has arrived выразить словами Are they here ... Has he arrived.

Из всего сказанного следует, что формы Past Indefinite Subjunctive и Past Perfect Subjunctive несомненно существуют в языке и являются омонимами соответствующих форм изъявительного наклонения. Это положение применимо и к форме Past Perfect Continuous Subjunctive, поскольку эта форма аналогична рассмотренным формам по модальному значению и синтаксическому употреблению.

Подобно другим формам субъюнктива прошедшего времени, Past Perfect Continuous употребляется в различных синтаксических условиях, а именно:

— в условных придаточных предложениях нереального условного периода: If they had been making a move he would have gone at once (*J. Galsworthy. In Chancery*, p. 133);

— в придаточных предложениях сравнения, вводимых союзами as if, as though: It was as if he had been getting younger every spring (*J. Galsworthy. The Man of Property*, p. 376);

— в дополнительных предложениях, выражающих неосуществимые пожелания, после глагола to wish: I wish he had not

been carving that pie (*J. K. Jerome, Three Men in a Boat, M., 1948, p. 127*);

— в главных предложениях нереального условного периода (обычно в поэтическом стиле):

If I had never liv'd that which I love

Had still been living.

(*G. Byron. Manfred, Act II, Scene 2*)

Употреблению формы Past Perfect Continuous Subjunctive в условных предложениях часто сопутствует неполная инверсия сказуемого, например:

Had he been carrying a carbine instead of an M-1, he would never have accomplished this (*E. Love. Arsenic and Red Tape. N. Y., p. 79*).

Had he been going to fight a duel, there would have been no preliminary, just a look, a bow, and the swords crossed (*J. Galsworthy. The Patrician, p. 113*).

ДРУЖИНИНА В. В.

О ПОЗИЦИОННОЙ И СМЫСЛОВОЙ ВВОДНОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Открытие в языке присоединительных связей как особого вида грамматической связи между компонентами синтаксического плана, исследование смысловых отношений между основным высказыванием и вводным звеном*, а также способов структурно-грамматического выражения вышеуказанных отношений позволяют филологам видеть в объединении основного высказывания с вводным звеном единую сложную конструкцию**.

Сложная конструкция с вводным звеном представляет собой своеобразную смысловую и интонационно-грамматическую речевую единицу, связь между компонентами которой осуществляется на основе присоединительной связи. Характер последней отражает специфику семантико-синтаксических отношений, существующих между основным и вводным предложениями: вводное звено является категорией дополнительного высказывания; оно выпадает из объективных логико-синтаксических отношений членов основного звена и, независимо от его структурного типа, характеризуется специфической грамматической формой — особым интонационным рисунком.***

* Имеются в виду вставные и собственно вводные предложения.

** В. В. Виноградов. *Стиль «Пиковой дамы»*. Сб. Временник пушкинской комиссии, т. II, 1936, стр. 140—149; Л. Г. Хатиашвили. Вводные предложения в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дис. Тбилиси, 1953, стр. 13; Е. П. Седун. Синтаксис вводных образований в современном русском языке. Канд. дис. М., 1953; Н. И. Щеголева. Вставочные конструкции в современном русском языке. Автореферат канд. дис. М., 1955, стр. 13—19.

*** Хотя интонационное своеобразие служит целям структурного оформления и им вызывается, вводные предложения субъективно-модального характера, выражающие свою зависимость средствами союзной связи, могут распознаваться не столько по интонационному своеобразию, сколько по внутренним формам их смыслового отношения к основной, сообщающей части высказывания, например: *Wie sich von selbst versteht, in München klangen bei solchen Nachrichten die frommen Glöcklein in den Herzen seiner Freunde* (Н. Heine, *die Bäder von Lucca*). (См. Е. П. Седун. О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях. Сб. Славянское языкознание. М., 1959, стр. 193).

Как следует из формулировки сложной конструкции, термин «вводное звено» отражает общую родовую категорию, в которой объединяются субъективно-модальные и объективно-пояснительные высказывания, стороннего, сопутствующего характера.

Употребление придаточных обстоятельственных предложений в качестве вводного звена обусловлено структурно-семантическими особенностями сложноподчиненного предложения: последнее должно представлять собой сложноподчиненное предложение с двумя «семантическими ядрами».* Вслед за Е. В. Гулыгой мы рассматриваем обстоятельственные придаточные предложения, содержащие «семантическое ядро», как потенциально-автосемантические: наряду с самостоятельным коммуникативным значением они обладают структурными признаками синсемантии — подчинительным союзом (либо союзным словом) и специфическим порядком слов.

Значение относительно самостоятельного высказывания могут иметь следующие обстоятельственные предложения: а) временные, причинные, модальные, уступительные и условные,** ограничительные, ирреального и (реже) реального сравнения, цели, следствия; б) сопоставительные, присоединительные. Вторая группа предложений не имеет соответствия в члене предложения; в первой же, как отмечает Е. В. Гулыга, только незначительное меньшинство предложений допускает замену придаточного предложения членом предложения и о подобной замене можно говорить лишь условно: при замене потенциально-автосемантического придаточного предложения членом предложения модальность и предикативность, а также временные отношения снимаются, т. е. «семантическое ядро» при этом разрушается; обычно же объем лексического значения потенциально-автосемантического предложения препятствует такой замене.***

Придаточные обстоятельственные предложения со значением относительно законченного высказывания являются свободными обстоятельственными предложениями. Они имеют следующие грамматические признаки: обладают самостоятельным комму-

* Е. В. Гулыга. Сложноподчиненное предложение в синтаксической системе немецкого языка. Сб. Вопросы теории немецкого языка, т. 1. Изд. Иркутского государственного университета иностранных языков, 1960, стр. 85.

** Хотя исследователи и отмечают специфику связи между осуществлением условия и обусловленного (см. М. С. Хрестина. Условные периоды союзного подчинения. Автореферат канд. дис. М., 1955, стр. 5), а Е. В. Гулыга считает, что основу условной зависимости между компонентами составляет наличие единого «семантического ядра» (см. указанное сочинение, стр. 87), мы придерживаемся того взгляда, что по степени смысловой зависимости между компонентами сложноподчиненного предложения можно выделить группу условных придаточных предложений, обладающих общими признаками со всеми вышеуказанными придаточными предложениями.

*** Е. В. Гулыга. Указанное сочинение, стр. 99—100.

никативным значением; относится к содержанию всего главного предложения в целом; характеризуются такой степенью подвижности в рамках сложноподчиненного целого, что могут занимать любую позицию не только по отношению к главному, но и внутри него.

В связи с первым признаком свободные обстоятельственные предложения либо описывают какой-нибудь факт действительности, либо сообщают что-то о чем-то, т. е. они могут быть односоставной либо двусоставной фразой.* Два первых признака выражаются в том, что все грамматические и семантические связи членов главного предложения ведут не к придаточному предложению, а к членам того же главного. В этом смысле главное предложение является структурно завершенным, функциональная же недостаточность придаточного связана, как отмечено выше, лишь с формой его выражения.

Причинно-следственными отношениями связан с первыми двумя признаками и третий признак: подвижность свободного обстоятельственного предложения прямо пропорциональна автосемантии главного предложения. Следовательно, при соотносительности придаточного обстоятельственного предложения с коррелятом** в главном предложении, как признаком структурной синсемантии, либо со словом, нуждающимся в раскрытии, как признаком смысловой синсемантии, придаточное не является высказыванием, выражающим свободное обстоятельство.

Таким образом, свободное обстоятельственное предложение есть синтаксический компонент сложноподчиненного целого, где форма грамматического подчинения не отражает грамматического включения обстоятельственного предложения в объективные логико-синтаксические отношения членов главного предложения.

Интерпозиция свободного обстоятельственного предложения*** предполагает, что стержнем повествования является главное предложение, от которого смысловые проекции ведут к предыдущему и последующему контексту. В. Г. Адмони, характеризуя складывающиеся в процессе развития языка два основных типа организации обширного синтаксического построения, называет структуру предложения, когда между отдельными компонентами главного предложения включаются раз-

* Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1953, стр. 123.

** Н. С. Креленштейн считает, что коррелят выполняет грамматическую функцию: он включает придаточное предложение в грамматическую структуру главного с той грамматической определенностью, с которой в предложение включается член предложения; см. О природе коррелятивной функции в сложноподчиненном предложении. Ученые записки МГПИИЯ, т. 26, 1961, стр. 33.

*** Четко выраженная тенденция придаточных предложений следствия, цели, сопоставительных и присоединительных к постпозиции исключает их из нашего анализа (присоединительные же предложения в интерпозиции смыкаются с вводными предложениями).

личные подчиненные конструкции, вытянутой и максимально напряженной.*

Интерпозиция свободного обстоятельственного предложения приобретает лингвистическую значимость, так как ее характеризуют следующие грамматические явления:

временный разрыв свободным обстоятельственным предложением ряда параллельно развертывающихся и синтезирующихся линий, образующихся из параллельных лексических и грамматических значений ** главного предложения;

паузы в главном предложении, отмечаемые на месте разрыва его свободным обстоятельственным предложением и заполняемые одноплановым с ним лексико-грамматическим материалом;

взаимосвязь вышеуказанных пауз с реальными семантико-грамматическими отношениями членов главного предложения, т. е. синтагматическим членением главного предложения.

Перечисленные особенности сложноподчиненного целого со свободным обстоятельственным предложением в интерпозиции свойственны и сложной конструкции с вводным звеном, соотношенным с содержанием всего основного высказывания и прерывающим его в той или иной позиции.***

Идентичность черт выявляет и различие рассматриваемых явлений: одноплановый характер сложноподчиненного целого со свободным обстоятельственным предложением и разноплановость сложной конструкции с вводным звеном.

Ввиду вышеуказанных грамматических особенностей сложноподчиненного целого со свободным обстоятельственным предложением в интерпозиции мы называем данное явление позиционной вводностью. Позиционная вводность сводится, следовательно, к факту разрыва (в той или иной позиции) объективных логико-синтаксических отношений членов главного предложения свободным обстоятельственным предложением, структурные признаки синсемантии которого свидетельствуют о тесной смысловой связи высказывания, содержащего различные сопутствующие обстоятельства, с содержанием главного предложения.

Обусловленность позиции свободного обстоятельственного предложения внутри главного реальными семантико-грамматическими отношениями членов последнего сводится в общих чертах к следующему:

* В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963, стр. 245.

** В. Г. Адмони. Партитурное строение речевой цепи в системе грамматических значений в предложении. ФН № 3, 1961, стр. 5.

*** В. В. Дружинина. Некоторые особенности категории синтаксической вводности в немецком языке. Сб. Вопросы синтаксиса и стилистики немецкого языка. Л., 1963, стр. 204—206.

1 В позиции после члена на первом синтаксическом месте (подлежащего или его группы, дополнения или обстоятельства) свободное обстоятельственное предложение выступает внешним показателем границы логически противопоставляемых синтагм главного предложения, например: *Damals im Drange der Gefahr klügelte ich nicht über ein Wort, auf das ich, wie die Dinge liegen, auch jetzt keinen Wert setze. Grösseren dagegen, weil wir es einmal mit der Vieldeutigkeit der Worte zu tun haben, lege ich auf einen anderen Ausdruck, der freilich auch nur aus Silben und Buchstaben besteht* (C. F. Meyer. Jürg Jenatsch).

Здесь логически выделяется прямое дополнение и противопоставляется высказыванию о предмете, заключенному в глагольно-сказуемую рамку.

2. В тех случаях, когда логическое противопоставление синтагм либо отсутствует, либо переносится с позиции после члена предложения на первом синтаксическом месте в иную позицию, свободное обстоятельственное предложение стоит в глагольно-сказуемой рамке, например: *Frau Henriette war, während ihr Mann in gewohnter Pünktlichkeit mit seinem Freunde aus Namur Domino spielte, von ihrem allabendlichen Spaziergang auf der Strandterasse nicht zurückgekehrt* (St. Zweig. Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau). ...da will ich ungestört gleichsam meine Fühlhörner aus dem Schneckengehäuse, ehe es der letzte Frost zuspündet, noch einmal hervorstrecken (J. P. Richter. Siebenkäs).

В приведенных примерах, содержащих описание какого-либо события или факта действительности, паузы внутри главного предложения не детализируют описания.

К грамматическим особенностям свободных обстоятельственных предложений относится и своеобразие их структурных компонентов.

Кроме самого факта формального объединения в рамках сложноподчиненного целого соотносительность свободного обстоятельственного предложения с содержанием главного предложения может быть выражена двояко:

а) употреблением в обстоятельственных предложениях местоименных и наречных элементов, представляющих содержание главного предложения в обобщенном виде, как-то: *es, dies, das, was, worauf* и т. д., например: *Leo hatte schon, weil ihm das am handlichsten war, sein kleines Taschenmesser herausgezogen und schabte damit die guten Stellen mit vieler Geschicklichkeit heraus* (Th. Fontane. Die Poggenpuhls).

Здесь местоимение *das*, входя составной частью в грамматическое содержание самой формы свободного обстоятельственного предложения, представляет содержание главного предложения в обобщенном виде и соотносит придаточное предложе-

ние с тем понятием, которое заключено во всем главном предложении;

б) повтором структурного элемента главного предложения; этим элементом чаще всего бывает подлежащее, либо дополнение главного предложения. Повторенный компонент, выступая в роли подлежащего или дополнения свободного обстоятельственного предложения с тем же объемом понятий, как и в главном предложении, либо указывая на соответствующее понятие главного предложения формой притяжательного местоимения, делает семантическую связь между предложениями, объединенными в сложноподчиненный комплекс, особенно тесной; соотношенность же понятий, лежащая в основе подобного повтора, придает обстоятельному предложению способность характеризовать (дополнять, пояснять, уточнять, ограничивать) содержание структурного элемента главного предложения, например: *Madame de Retti, indem sie ihren heimlichen Gläubern hier und da etwas abtragen konnte, erhielt wieder Kredit* (*Goethe. Wilhelm Meisters theatralische Sendung*).

Здесь свободное обстоятельственное предложение, содержащее обстоятельство, сопутствующее содержанию всего главного предложения, обладает способностью дополнять (пояснять) подлежащее главного предложения ввиду одинакового объема понятий, заключенных в подлежащих обоих «элементарных»* предложений.

Соотношенность с содержанием всего главного предложения или его отдельного структурного компонента делает смысловую связь придаточного предложения с главным двунаправленной (наподобие того, как предикативное определение является членом предложения с синтаксической зависимостью от двух господствующих членов (ср. пример, где конструкция с причастием в функции предикативного определения может выступать функциональным синтаксическим синонимом к придаточному предложению времени с союзом *indem*: *Er, dies wahrnehmend, setzte eilig hinzu . . .*) (*L. Feuchwanger. Die Füchse im Weinberg*).

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что свободные обстоятельственные предложения, обладающие характеристическими данными, имеют тенденцию стоять после воспроизводимого компонента главного предложения, либо после синтагмы, где воспроизводимый компонент выступает ведущим, например: *Effi, als sie seiner ansichtig wurde, kam in ein nervöses Zittern* (*Th. Fontane. Effi Briest*). *Sie nannte sie eine Niederträchtige und Verräterin und meinte, die Rache Gottes würde sie, noch ehe sie ihrer Schandtat froh geworden, ereilen* (*H. v. Kleist. Die Verlobung in St. Domingo*). *Mit innerer Freu-*

* В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963, стр. 19.

digkeit zeigte er mir jene Stolle, wo der Herzog von Cambridge, als er die Grube befahren, mit seinem ganzen Gefolge gespeist hatte (*H. Heine. Harzreise*).

В этих примерах придаточные предложения времени обусловлены в своей позиции характеристическими данными к воспроизводимому компоненту главного предложения: в первом примере — это подлежащее главного предложения, во втором — дополнение, в третьем — подлежащее придаточного определительного предложения, структуру которого разрывает свободное обстоятельственное предложение времени.

Таким образом, реальные семантико-синтаксические отношения членов главного (либо другого придаточного) предложения строятся с учетом осуществления свободным обстоятельственным предложением своих характеристических функций, а местоположение свободного обстоятельственного предложения приобретает в этом смысле значение важного структурного показателя.

Тот факт, что соответствующую позицию могут занимать свободные обстоятельственные предложения, не обладающие характеристическими данными, свидетельствует о доминирующей роли реальных семантико-синтаксических отношений членов главного предложения (либо другого придаточного предложения) в определении позиции свободных обстоятельственных предложений.

В силу своих грамматических особенностей свободные обстоятельственные предложения, как в интерпозиции, так и в постпозиции легко переходят в иной смысловой и интонационный план, т. е. становятся компонентом сложной конструкции с вводным звеном. Расслоение «субъективной перспективы» автора * превращает свободное обстоятельственное предложение из сопутствующего высказывания в категорию дополнительного сообщения, где союзы и союзные слова, не меняя своего значения, выступают в экспрессивно преобразованном виде **.

Внешними показателями смысловой и интонационной иноплановости свободных обстоятельственных предложений выступают такие выразительные знаки препинания, как тире, скобки, например: *Deine Blicke — wenn sie Liebe lächeln — könnten Leben durch den Marmor fächeln* (*Fr. Schiller. An Laura*). *Aber der Bibliothekar verlangte vorher vier Dinge voraus, die Schilderung des Grafen, die Silhouette desselben und — als beides gegeben war — noch das dritte und das vierte* (*J. P. Richter. Titan*).

* Понятие «автор» мыслится широко: им может быть как сам говорящий, так и автор какого-либо произведения.

** Е. П. Седун. Синтаксис вводных образований в современном русском языке. Автореферат канд. дис. М., 1953, стр. 4; Л. Г. Хатиашвили. Указанное сочинение, стр. 12.

Вводное звено в одном случае прерывает субъектно-предикативный комплекс главного предложения, в другом — семантический и грамматические связи, образуемые перечислением однородных членов.

Иногда структурные и семантические особенности обширного синтаксического построения заставляют видеть в свободном обстоятельственном предложении синтаксический компонент, выпадающий из общего смыслового и интонационного плана, например: Als sie aber am Ende ihrer eigenen Söhne ansichtig wurde, obwohl die Prinzen sich gerne ihrer Aufmerksamkeit entzogen hätten, da war im Grunde ihre Geduld vorbei (*H. Mann. Die Jugend des Königs Henri IV.*).

Здесь на фоне смысловых и структурных особенностей сложноподчиненного целого, состоящего из главного предложения и придаточного предложения времени, уступительное придаточное предложение, выражающее свободное обстоятельство, выступает как категория дополнительного высказывания.

В зависимости от конкретного содержания компонентов свободные обстоятельственные предложения различных семантико-синтаксических типов могут приобретать оттенки, свойственные вводным предложениям. Так, особой внутренней формой смысловых отношений — нейтральной, либо модальной оценкой — могут обладать обстоятельственные предложения, отличительным признаком которых служат местоименные и наречные компоненты, представляющие содержание главного предложения в обобщенном виде и указывающие на него, например: Ein ungeheures Missgeschick, wenn man so sagen darf, war ihm widerfahren (*B. Kellermann. Der 9. November*). Ich, soviel an mir liegt, würde es bestrafen ... (*H. Mann. Die Jugend des Königs Henri IV.*). Julie, wie er es erwartet hatte, hub zu schreiben und zu jammern an (*L. Feuchwanger. Die Fuchse im Weinberg*). Und Instetten, was mich fast überraschte, hat auch eingewilligt (*Th. Fontane. Effi Briest*). ... die in den Salons von Paris mit der hohen Noblesse scheinbar auf einem Fusse der Gleichheit lebten und doch dann und wann, sei es auch nur durch ein kaum bemerkbares, aber desto tiefer verletzendes Feudallächeln, an die grosse, schmachvolle Ungleichheit erinnert werden (*H. Heine. Englische Fragmente*). Ich will also lieber wieder die Augen schliessen und mir, so gut es geht, meinen Polterabend vorstellen (*Th. Fontane. Effi Briest*). Liegt keine zusammengesetzte Zeit vor und ist kein modales Verbum vorhanden, dann versucht das Prädikat trotzdem, sobald es ihm nur irgend möglich ist, das Satzende zu besetzen (*K. Boost. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes*).

В приведенных примерах значение модальной либо нейтральной оценки, создаваемое конкретным содержанием структурных компонентов придаточных предложений, есть отношение автора или кого-либо к высказыванию.*

Таким образом, на основное значение, придаваемое свободному обстоятельству предложению союзом либо союзным словом, наслаивается дополнительное значение, выводящее свободное обстоятельное предложение из плоскости объективного сообщения.

Можно сказать, что употребление свободных обстоятельных предложений в качестве вводного звена отражает субъективное отношение автора (в широком смысле слова) к высказыванию: либо свободное обстоятельное предложение содержит оценку объективного высказывания, либо само сопутствующее обстоятельство представляется автором как категория дополнительного высказывания.

* В. В. Дружинина. Указанная статья, стр. 197.

ДАНИЛОВА И. Б.

О ВОЗМОЖНОСТИ ИНВЕРСИИ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Инверсия — особый случай необычного порядка слов. Для прямого дополнения инверсия состоит в его перестановке по отношению к сказуемому, и чаще всего — в его постановке перед подлежащим. Являясь синтаксическим выразительным средством языка, инверсия тем не менее не произвольна: при инверсии действуют те же закономерности, которыми определяется нормальный порядок слов. Факторы, обуславливающие возможные варианты нормального расположения членов предложения, являлись и являются постоянным предметом исследования многих зарубежных и советских авторов. Инверсии же в этом плане уделяется значительно меньше внимания, а в отношении инверсии прямого дополнения данный вопрос, очевидно, в таком виде в англистике не ставился.

Задача данной статьи — исследовать, влияют ли основные формально-грамматические условия, определяющие то или иное местоположение члена предложения при нормальном порядке слов, на возможность его инверсии; а именно: зависит ли возможность инверсии прямого дополнения, во-первых, от большей или меньшей распространенности группы дополнения и от степени его удаленности от сказуемого; во-вторых, от грамматико-смысловых связей в предложении; в-третьих, от конкретного способа выражения дополнения. Вопросы лексики в статье не рассматриваются.

При нормальном порядке слов местоположение членов предложения в значительной мере определяется тем, выражен ли данный член предложения одним словом или группой слов. Например, если прямое дополнение представляет собой большую группу слов, оно оттесняется на конец предложения.

Инверсия прямого дополнения, выраженного словом или небольшой группой слов, встречается довольно часто, например: This Kit would do (*Dick., Old C. Shop*). The third wall he approached with more excitement (*Galsw., To Let*).

Именно такими примерами обычно оперируют в работах, посвященных инверсии. Но возможна ли инверсия распространенного прямого дополнения, представленного большой группой слов? По-видимому, да, так как в нашем материале встретились случаи инверсии дополнения, группа которого очень велика, значительно больше всей остальной части предложения, например: *But the two main nourishments of the modern girl — discussion and games — she lacked utterly (Galsw., To Let).* Such relief, however, as it was in her power to afford, by the practice of what might be called economy in her own private expenses, she frequently sent them (*Austen, Pride and Prej*). What Miss Matty, or, as Mrs. Forrester called her (remembering the clause in her will and the dignity of the occasion), Miss Matilda Jenkyns — might choose to do with the receipt when it came into her possession — whether to make it public, or to hand it down as an heirloom — she did not know, nor would she dictate (*Gask., Cranford*).

В данных предложениях группа прямого дополнения распространена за счет зависимых членов и придаточных предложений.

Инверсии может подвергаться не только очень распространенная группа одного прямого дополнения, но одновременно несколько групп однородных прямых дополнений. В приводимом ниже примере таких дополнений девять: Three women were got to help; and such scrubbing, such brushing, such washing of paint and beating of carpets, such taking down and putting up of pictures, such polishing of mirrors and lustres, such lighting of fires in bedrooms, such airing of sheets and feather-beds on hearths, I never beheld, either before or since (Bronte. Jane Eyre).

Инверсия оказывается возможной и в том случае, когда одно из однородных прямых дополнений определяется несколькими придаточными предложениями, связанными между собой посредством последовательного подчинения: The horrible sense of shame, selfloathing, universal hatred, impotent vengeance, as if the spirit were steeped in abysmal blackness, which comes upon a courageous and sensitive youth condemned for the first time to taste this piece of fleshly bitterness and suffer what he feels is a defilement, Ripton had weathered and forgotten (Mered., Richard Feverel).

Известно, что при нормальном порядке слов тот или иной член предложения зачастую значительно удален от слова, от которого он непосредственно зависит. Оказывается, что подобная удаленность возможна и при инверсии, в частности при инверсии прямого дополнения. Это имеет место, например, в сложно-подчиненном предложении с придаточным дополни-

тельным предложением, где инвертированное прямое дополнение придаточного предложения стоит перед главным, а затем следует остальная часть придаточного предложения: *This Mr. Macintosh was quite sure he would not do* (*Lessing, Antheap*).

Относительно нормального порядка слов известно, что грамматическое и смысловое единство словосочетания, как правило, не нарушается при позиционной отдаленности его членов. Сохраняет ли это положение свою силу и для инверсии, точнее для инверсии прямого дополнения?

Общепризнано, что в современном английском языке существует тесная связь между сказуемым и прямым дополнением. Без прямого дополнения значение переходного глагола-сказуемого не может быть полным. Однако связь эта не препятствует какому бы то ни было отделению прямого дополнения от сказуемого. По данным Т. М. Кобленц* при нормальном порядке слов на 100 страниц текста встречается более 10 случаев постановки между сказуемым и прямым дополнением одного или двух членов предложения, а также придаточного или вводного предложения. Инверсия же, которая выражается не только в отдалении, но и в перестановке прямого дополнения по отношению к сказуемому, судя по нашему материалу представляет явление почти такое же частое: 7—8 случаев на 100 страниц. Тесная связь между сказуемым и прямым дополнением не только не препятствует инверсии последнего, но, напротив, возможность значительного отдаления дополнения от сказуемого (и подлежащего) обуславливается именно тесной грамматико-смысловой связью между сказуемым и прямым дополнением.

Это соображение подтверждается возможностью инверсии прямого дополнения даже при особо тесной связи между данными членами предложения, т. е. когда дополнение и сказуемое образуют единое фразеологическое сочетание, и в случаях так называемого внутреннего дополнения: *Scrupulous care I will take, Mr. Sympson* (*Bronte. Shirley*). *Little dreams they dreamed* (*Abrahams. Path of Thunder*).

С другой стороны, во всех случаях инверсии прямого дополнения именно связь между сказуемым и прямым дополнением придает всему предложению особую силу и выразительность. Не по этой ли причине Несфильд**, говоря об инверсии, в первую очередь приводит примеры инверсии прямого дополнения?

* Т. М. Кобленц. О месте прямого дополнения к глагольному сказуемому в современном английском языке. Журн. «Иностранные языки в школе» № 4, 1948.

** J. C. Nesfield. *Manual of English Grammar and Composition*. London, 1939, ch. XVI, p. 249.

Для сравнения отметим, что в немецком языке в силу специфичности порядка слов и грамматико-смысловых связей более сильный эффект, чем инверсия прямого дополнения, производит инверсия предикативного члена, неизменяемой части сказуемого и личной формы глагола.*

Говоря о лексико-грамматических связях, следует заметить, что в отдельных случаях дистантный порядок слов при инверсии сопровождается нарушением грамматического единства предложения. Так, анализируя инверсию прямого дополнения, выраженного личным местоимением, мы столкнулись со следующим фактом. Наряду со случаями обычного типа, где личное местоимение в функции инвертированного прямого дополнения находится в объектном падеже, иногда встречаются примеры, в которых личное местоимение-дополнение стоит в именительном падеже: *She, who had been the bane of his life, blighting his hope, and awarding him, for love and domestic happiness, long mourning and cheerless solitude, he treated with the respect a good son might offer a kind mother (Bronte. Vilette)*. *He, who had always inspired in herself a respect which almost overcame her affection, she now saw the object of open pleasantry (Austen. Pride and Prejudice)*.

Как видим, инвертированное прямое дополнение далеко отстоит от сказуемого и от остальной части предложения: к местоимению-дополнению относится распространенное придаточное предложение, от которого, в свою очередь, может зависеть придаточное предложение второй степени. Подобные примеры содержат анаколуф (смену грамматической конструкции в середине предложения): предложение начинается оформленным как подлежащее личным местоимением с зависимыми членами, затем обрывается и далее идет вновь начатое предложение — подлежащее, сказуемое и т. д. Однако учитывая, что для подлежащего в современном английском языке характерна локализация перед сказуемым (или его неизменяемой частью)**, и исходя из общего смысла предложения, мы можем утверждать, что личное местоимение в начале предложения является инвертированным прямым дополнением.

Использование именительного падежа личного местоимения вместо объектного возможно и в других случаях, например: *To accuse her of creating this frightful situation, she who loved Frank, who had sought merely to defend the integrity of her home (Cronin. Three Loves)*.

* М. А. Овсянникова. Бессоюзная связь предложений в современном немецком языке. Автореферат канд. дис. ЛГУ, 1961, стр. 11.

** В. В. Пассек. Различия подлежащего и дополнения в английском повествовательном предложении. Журн. «Иностранные языки в школе» № 2, 1950.

Здесь мы имеем дело с дополнением к инфинитиву, причем именной падеж стоит вместо объектного лишь при повторном употреблении дополнения; порядок слов нормальный.

Рассматриваемое явление представляет интерес, так как в современном английском языке существует противоположная тенденция — употребление объектного падежа личных местоимений вместо именительного: All I can remember is her (*Abrams. Path of Thunder*).

Именной вместо объектного — явление чрезвычайно редкое: по данным В. В. Гондаревой,* исследующей все синтаксические функции личных местоимений, на каждые 120 случаев замены именительного падежа объектным встречается лишь один случай обратной замены.

Невольно возникает вопрос, не существует ли связь между данным явлением и дистантным порядком слов при инверсии?***

Утверждать, что нетрадиционное употребление именительного падежа местоимения-дополнения является неизбежным следствием удаления данного инвертированного прямого дополнения от глагола-сказуемого, нельзя. Против этого говорят два факта. Во-первых, встречаются случаи типа: And him who thus loved me I absolutely worshipped (*Bronte, Vilette*). Здесь, хотя группа прямого дополнения и распространена за счет придаточного предложения, однако личное местоимение-дополнение стоит в объектном падеже, а не в именительном. Во-вторых, и единичное личное местоимение в функции инвертированного дополнения, отделенное от сказуемого одним подлежащим, может быть в именительном падеже: Rebecca would always be the same. And she I could not fight (*Maurier. Rebecca*).

По-видимому, подобная замена объектного падежа именительным произвольна и не диктуется грамматическими условиями предложения. Тем не менее очевидно, что эти условия (перестановка местоимения-дополнения по отношению к сказуемому, положение дополнения в начале предложения в результате инверсии, наконец, его отдаленность от остальной части предложения, и главное от сказуемого) в значительной степени могут благоприятствовать данному явлению.

Известно, что инвертированное положение может определять ту или иную форму члена предложения. Например, инвертиро-

* В. В. Гондарева. Нетрадиционное употребление падежных форм личных местоимений в новоанглийском языке. Автореферат канд. дис. М., 1955, гл. II.

** Обращает на себя внимание тот факт, что дополнение-местоимение в именительном падеже, по-видимому, не единственный случай необычной формы инвертированного члена предложения. В качестве примера можно привести инверсию неизменяемой части составного модального сказуемого, где инфинитив при глаголе *can* имеет частицу «to»: «I even love Clara, and I did Miriam: but to give myself to them in marriage I couldn't». (*Lawrens, Sons and Lovers*).

важное косвенное дополнение со значением адресата действия в английском языке может быть только предложным.*

Для решения вопроса о том, существует ли зависимость между возможностью инверсии прямого дополнения и способом его выражения, необходимо, во-первых, изучить различные способы выражения прямого дополнения при его инверсии (что в силу неразработанности вопроса представляет интерес и в описательном плане) и, во-вторых, сравнить способы выражения прямого дополнения при нормальном порядке слов и при инверсии.

Способы выражения инвертированного прямого дополнения даны в следующей таблице:

Способы выражения	Количество примеров	
	по разрядам	всего
1. Имя существительное		428
2. Местоимение:		
личное	22	} 185
притяжательное	1	
возвратное	1	
указательное	114	
неопределенное	47	
3. Числительное:		
количественное	7	} 10
порядковое	3	
4. Герундий		1
5. Субстантивированное наречие		1
6. Свободное словосочетание		17
7. Придаточное предложение		102
8. Слово или группа слов, оставшихся в результате эллипса придаточного предложения		10
Общее количество примеров		744

Как видно из таблицы, способы выражения инвертированного прямого дополнения гораздо более разнообразны, чем это обычно отмечается в англистике. Как и при нормальном порядке слов, чаще всего дополнение выражено именем существительным (а), значительно реже — местоимением (б) и придаточным предложением (в): а) The Captain I had met before (*Gask. Cranford*); б) Me she had forgotten (*Bronte. Villette*). Mine it illuminated (*Bronte. Villette*). And himself he loved

* О. Jespersen. *Essentials of English Grammar*. N.-Y., 1933, ch. 11, 7, 4; Н. И. Русецкая. Косвенное дополнение — выразитель адресата действия в современном английском языке. Канд. дис. Л., 1954, гл. III.

(*Wilde. Tales*). And that he did not want (*Lawrence. Sons and Lovers*). Somebody Becky should have (*Thack. Vanity Fair*); в) That he would be abused and probably kicked he expected (*Abrahams. Path of Thunder*).

В отдельных примерах в функции инвертированного прямого дополнения стоит числительное количественное или порядковое (а), герундий (б), субстантивированное наречие (в), свободное словосочетание (г) и слово или группа слов, оставшиеся в результате эллипса придаточного предложения (д): а) Three he laid aside (*Bronte. Jane Eyre*). A third she had subdued by flattery (*Bronte. Professor*); б) Drinking he consciently performed as an accompanying duty (*Mered. Richard Feverel*); в) A precious little else we get there neither (*Thack. Vanity Fair*); г) None of these things however did she reveal to Paul (*Lawrence. Sons and Lovers*); д) I have still my senses — no thanks to them; and still capable I find — of passion; can still grit my teeth and grin; have still some feeling of trench loyalty, but whether real or just a complex, I don't know (*Galsw. Wh. Monkey*). «Whether real or just a complex» равно по значению «whether this feeling is real or just a complex».

В исследованном материале не встретились случаи выражения инвертированного прямого дополнения взаимными местоимениями и местоимением *it* в роли формального предваряющего дополнения, причем последнее, очевидно, вообще невозможно*, в то время как при нормальном порядке слов эти случаи, как известно, имеют место. Что же касается инфинитива, который в современном английском языке вообще редко выступает в функции дополнения к глаголу в личной форме, то он, очевидно, никогда не может быть инвертированным прямым дополнением, что подтверждается также исследованием М. И. Потужной.**

Выводы

1. Инверсия свойственна не только дополнению — единичному слову. Инверсия прямого дополнения возможна также при его значительном объеме и большой удаленности от сказуемого.

2. Относительно большая частотность инверсии прямого дополнения доказывает, что тесная связь между сказуемым и прямым дополнением не является препятствием к инверсии

* См. I. Fijn van Draat. Das Pronomen *it* als formales Object. *Anglia* Beiblatt, v. 39, 1928, стр. 286.

** М. И. Потужная. О взаимосвязи между прямым приглагольным дополнением и некоторыми частями речи, его выражающими. Научные записки Киевского гос. университета, 1961, т. 17, вып. 5, стр. 16.

последнего. Грамматико-смысловые связи в предложении и при инверсии, как и при нормальном порядке слов, являются основой для дистантного расположения членов предложения и обуславливают сильную эмфатичность предложения с инверсией дополнения.

3. Случаи нарушения грамматического единства предложения при инверсии прямого дополнения чрезвычайно редки и не влекут за собой затемнения или искажения смысла. Они не являются неизбежным следствием отступления от контактного расположения слов при инверсии.

4. Имеется некоторая зависимость между способом выражения прямого дополнения и возможностью его инверсии.

НЕХЕНДЗИ Б. Д.**Артикль в современном французском языке**

В современном французском языке артикль — это особый тип служебного слова. Предлоги и союзы служат средством синтаксической связи между членами словосочетаний и предложений и могут быть названы «связующими» служебными словами. Артикль выступает в качестве основного показателя грамматических категорий имени существительного (рода, числа и соотношенности с общим объемом понятия) и является «определяющим» служебным словом.*

Предлоги и союзы, сопровождая называющие части речи, сохраняют особое лексическое значение (выражение различных типов отношений). Артикль собственно лексического значения не имеет и служит исключительно для выражения грамматических категорий имени существительного, которому сопутствует. Особо тесный характер связи между артиклем и именем существительным вызывает необходимость, при анализе грамматического строя современного французского языка, рассматривать эти две части речи в неразрывном единстве.

Вопрос о грамматической природе артикля, неизбежно возникающий при изучении грамматического строя современного французского языка, очень сложен и до сих пор не получил однозначного решения ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе.

В книге О. И. Богомоловой** артикль рассматривается в ряду других служебных слов (предлогов, союзов, детерминативов). При таком расположении материала сводится на нет специфика артикля как служебного слова особого типа, а имя существительное не может получить всесторонней грамматической характеристики.

* С основным значением артикля в современном французском языке связана его словообразовательная функция. При помощи артикля могут субстантивироваться любые слова и словосочетания, например: bleu — le bleu; pour, contre — les pource et les contres; dehors — le dehors; on dit — les on dit; passant — le passant и др.

** О. И. Богомолова. Современный французский язык. М., 1948, стр. 308 и далее.

Противоположной точки зрения придерживается Л. И. Илия, которая исключает артикль из системы частей речи современного французского языка и считает его одной из форм выражения грамматических значений имени существительного.

Эта же точка зрения характеризует работы Е. Б. Ройзенблит и Р. Г. Пиотровского.***

Рассмотрение сочетания имени существительного с артиклем как особой аналитической формы слова усложняет построение системы частей речи современного французского языка. Такой взгляд ставит под сомнение существование в качестве отдельного слова не только артикля, но и существительного, поскольку, по мнению названных авторов, в сочетании с артиклем имя существительное выступает как «значимый элемент» аналитической формы слова.

В зарубежной лингвистике можно разграничить два основных взгляда на грамматическую природу артикля.

Большинство французских ученых рассматривает артикль как часть речи, в большей или меньшей степени примыкающую к местоимениям.*** Другие лингвисты считают артикль своего рода морфемой.****

Выступая как постоянный сопроводитель имени существительного, артикль в современном французском языке остается отдельным словом. Артикль может отделяться от имени существительного другими называющими словами («la grande et belle maison»), может быть замещен называющими частями речи («та maison», «deux maisons») и, наконец, может вовсе не употребляться, причем имя существительное «maison» без артикля не утрачивает своего лексического значения. Как служебное слово особого типа артикль придает имени существительному, которое он сопровождает, грамматическое значение соотносительности с общим объемом понятия. При употреблении

* Л. И. Илия. Грамматика французского языка. М., 1955, стр. 30. См. также Л. И. Илия: «К вопросу о грамматических границах слова в современном французском языке». Ученые записки 1-го МГПИИЯ, I, 1953; Л. И. Илия. «Некоторые замечания к вопросу об аналитической форме частей речи во французском языке». Ученые записки 1-го МГПИИЯ, VII, 1955.

** Е. Б. Ройзенблит. К вопросу об аналитической форме слова во французском языке. Труды ВИИЯ, V, 1954. Р. Г. Пиотровский. «К вопросу о грамматической категории». Известия АН СССР, ОЛЯ, XIII, 2, 1954; «Еще раз об аналитической форме слова». Известия АН СССР, ОЛЯ, XVI, 4, 1957.

*** F. Brunot. La pensée et la langue, R. 1936; G. Guillaume. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. P., 1919; A. Dauzat. Grammaire raisonnée de la langue française. P., 1947 и др.

**** Ж. Вандриес. Язык. М., 1937; Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955; G. Gougenheim. Système grammatical de la langue française. P., 1948 и др.

без артикля имя существительное, как правило, грамматической категорией соотнесенности не обладает.*

Во французском языке различаются три вида артиклей: определенный, неопределенный и частичный.

Определенный артикль является основным видом артикля и имеет в современном французском языке две функции: индивидуально-определяющую и обобщающую (генерализирующую).

Индивидуально-определяющая функция определенного артикля — первичная, исторически обусловленная функция. При употреблении в этой функции определенный артикль сообщает имени существительному значение названия предмета, выделяемого как единственно возможный в данной обстановке, например:

La maison des Eyrolles se trouvait de l'autre côté du pont au-dessus de la rivière (*H. Troyat. Semailles*, p. 77).

Vous serez bien le maître d'école? (*P. Gamarra. Maître*, p. 38).

Hé, vous n'arrivez pas avec le soleil. (*P. Gamarra, Maître*, p. 38).

Vers onze heures du matin le train de Paris à Melun a déposé la petite troupe en Gare de Cesson (*J. Laffitte. Jonquilles*, p. 138).

Oui, dit le Maire ... le pain qu'on va manger a toujours bonne odeur (*P. Gamarra. Maître*, p. 32).

Как показатель множественного числа определенный артикль может употребляться только в индивидуально-определяющей функции, поскольку при таком употреблении имеется переход от названия одного предмета к названию множества предметов, выделяемых в данной конкретной обстановке, например:

Les trois femmes sentaient que la Normande ne disait pas la vérité (*E. Zola. Ventre*, p. 92).

Aussitôt que les terribles clefs furent dehors, un tas de figures malicieuses sortirent de derrière les pupitres (*A. Daudet. Chose*, p. 59).

Après les embrassades et les premières questions, le capitaine George se tourna vers ses amis ... (*P. Mérimée. Chronique*, p. 58).

Vive les peines imprévues qui sortent du programme (*R. Rolland. Ame*, p. 169).

В некоторых случаях форма множественного числа определенного артикля может придавать имени существительному значение полного охвата названий предметов данного класса;

* Термин «категория соотнесенности» впервые введен в книге Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой. «Современный немецкий язык». М., 1957, § 107—108, стр. 79—89.

таким образом, форма множественного числа приближается к значению определенного артикля в обобщающей функции, например:

Les plantes possèdent, comme les animaux, les propriétés de se nourrir, de se développer et de se reproduire. (Nouveau Larousse illustré, XVI, p. 926).

Выступая в своей обобщающей (генерализирующей) функции, определенный артикль придает именам существительным значение родового названия целого класса однородных предметов или явлений (l'homme, le banc, la révolution, l'ouragan), или вещества, массы, отвлеченного понятия (l'eau, le grain, l'héroïsme, la confiance).

Несмотря на то, что обобщающая функция определенного артикля сформировалась лишь к XVI в. и на базе индивидуально-определяющей функции, в современном французском языке следует считать основным употребление определенного артикля именно в этой функции.

Определенный артикль, употребленный при имени существительном и вне контекста, придает ему обобщенное значение названия целого класса предметов: с основным значением обобщающей функции определенного артикля связана и возможность его употребления со всеми разрядами имен существительных без исключения, например:

L'homme est, je vous l'avoue, un méchant animal (*Molière*. Tartuffe. Acte V, p. 405).

L'air fleurait le melon, la figue, la salade (*P. Gammara*. Maître, p. 62).

Ce soir-là, c'était la neige. La cité reculait dans les âges (*J. Cocteau*. Enfants, p. 10).

Il connaissait trop l'ennui, la tristesse pour vouloir l'imposer à sa jeune femme (*L. Aragon*. Voyageurs, p. 21).

Во всех рассмотренных случаях определенный артикль соотносит значение имени существительного с понятием определенного объема; другими словами, сообщает ему грамматическое значение определенной соотнесенности.

Неопределенный артикль употребляется перед именами существительными, называющими предметы или (поддающиеся счету) считаемые явления: un élève — des élèves; une semaine — des semaines; une idée — des idées. Подобно определенному артиклю в индивидуально-определяющей функции, неопределенный артикль служит для выделения названия одного или нескольких предметов из общего количества предметов данного класса. Однако в значении этих двух видов артикля имеются и существенные различия.

При помощи определенного артикля названия предметов выделяются как единственно возможные в данной обстановке:

Le programme des cours, qu'il lut sur l'affiche, lui fit un effet d'étourdissement (*G. Flaubert. Bovary*, p. 24).

При посредстве неопределенного артикля название предмета выделяется из общего количества на фоне всего класса как любой его представитель, например:

On se souvient que l'hôtel contenait une galerie, où échouaient les tentatives d'un cabinet de travail, d'une salle à manger, d'une salle de billard (*J. Cocteau. Enfants*, p. 131).

Имена существительные, называющие отвлеченные понятия, в сочетании с неопределенным артиклем претерпевают ограничение значения, например:

Les cris qu'on y poussa témoignaient d'un extrême affaiblissement physique et moral, d'un vague mécontentement uni à une profonde stupeur et d'une inaptitude définitive à penser les choses les plus simples (*A. France. Bergeret*, p. 322 323).

В приведенном примере имена существительные с неопределенным артиклем называют некоторую разновидность отвлеченного понятия, в то время как полный родовой охват таких понятий, как *mécontentement*, *stupeur* и др., выражался бы именами существительными с определенным артиклем в обобщающей функции.

В отдельных случаях употребление неопределенного артикля с существительными, называющими отвлеченные понятия, приводит к изменению значения имени существительного, например: *la beauté* — красота; *une beauté* — красавица; *la jeunesse* — молодость; *une jeunesse* — девушка.

В качестве формы множественного числа неопределенного артикля в современном французском языке употребляется слитная форма (*de+les*), заменившая утраченные старофранцузские формы *uns*, *unes*.

Значение количественной неопределенности, которое артикль *des* сообщает имени существительному, обусловлено происхождением этого артикля от предлога *de* со значением частичности и множественного числа определенного артикля, например:

Il y a des hommes qui périssent, il y a des désespérés qui agonisent, il y a des marins qui ne reverront plus leurs femmes. des pères qui ne reverront plus leurs enfants (*Hugo. Quatrevingt-Treize*, p. 124).

Имена существительные *hommes*, *marins*, *pères* и др. с неопределенным артиклем множественного числа получают значение количественной неопределенности.

Таким образом, неопределенный артикль также соотносит значение имени существительного с понятием в общем объеме. Формы единственного числа неопределенного артикля (*un*, *une*) придают имени существительному значение названия какого-либо предмета, выделенного на фоне всего класса одинаковых

с ним предметов. Форма множественного числа неопределенного артикля (*des*) соотносит значение существительного с представлением о неопределенном множестве однородных предметов.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что неопределенный артикль сообщает имени существительному грамматическое значение неопределенной соотнесенности.

Частичный артикль, сформировавшийся во французском языке значительно позже других видов артикля, употребляется с именами существительными, называющими вещества (массы) или отвлеченные понятия.* В первом употреблении частичный артикль сообщает имени существительному значение названия неопределенного количества вещества, например:

Marcelle a donc préparé son colis avec un soin maternel: deux pains d'épice, du lard fumé, de la confiture, du sucre (Laffitte. Jonquilles, p. 103).

Существительное, называющее отвлеченное понятие, при употреблении с частичным артиклем выражает неполный, неопределенный объем этого понятия, например:

Une petite femme d'une quarantaine d'années se coulait timidement dans la pièce. Elle avait du volume et de la douceur (Troyat. Semailles, p. 297).

В современном французском языке имеется ярко выраженный параллелизм в значении и употреблении частичного* и неопределенного артиклей. Оба артикля сообщают имени существительному значение неопределенности (см. *du pain; un pâté*). Если существительное в сочетании с формой множественного числа неопределенного артикля называет неопределенное множество предметов — *des meubles*, то частичный артикль сообщает существительному, называющему вещество, значение неопределенного количества — *de l'eau*. Итак, частичный артикль, как и неопределенный, придает имени существительному грамматическое значение неопределенной соотнесенности.

Частичный и неопределенный артикли как показатели индивидуальной и количественной неопределенности противопоставляются определенному артиклю, указывающему на индиви-

* Включение форм *du* и *de la* в систему артиклей французского языка получило признание лишь в конце XIX в. и было официально зафиксировано Министерством просвещения в номенклатуре, утвержденной в 1910 г. До этого большинство французских лингвистов признавало наличие лишь двух видов артикля, рассматривая формы *du* и *de la* как особые сочетания определенного артикля с предлогом.

** Ряд французских лингвистов оспаривает правомерность применения к этому виду артикля термина «частичный». Гуженейм предлагает термин *article de matière*; Дамурет и Пишон — *Massif*; Ф. Брюно вообще отрицает существование частичного артикля. Другие, например Ж. и Р. Ле Бидуа, не оспаривая правильность термина, ограничивают значение этого вида артикля лишь способностью выражать частичность. К этой точке зрения примыкают среди советских ученых Е. О. Костецкая и О. И. Богомолова.

дуальную и количественную определенность имени существительного (le meuble — les meubles; une table — des tables; de l'eau — l'eau).

В то время как определенный артикль в обобщающей функции является показателем имени существительного, называющего предмет в его полном родовом объеме, частичный артикль сужает и конкретизирует значение оформляемого им существительного, например:

Du feu! Quel bonheur! (*Daudet. Chose*, p. 155) (сравнить с *craindre quelqu'un comme le feu*).

Несмотря на то, что частичный и неопределенный артикли сообщают имени существительному одну и ту же грамматическую категорию неопределенной соотнесенности, между этими двумя видами артикля имеется существенное различие. Неопределенный артикль употребляется только при лексикограмматических разрядах имен существительных, называющих считаемые предметы. Частичный же артикль — при лексикограмматических разрядах существительных, называющих предметы несчитаемые.

В настоящее время получает все большее распространение употребление частичного артикля с именами существительными, называющими считаемые предметы. При употреблении таких существительных с частичным артиклем происходит сдвиг в их лексическом значении, например:

Ils voudraient s'installer à la Chapelle-au-Bois, ou ils ont de la famille (*Troyat. Semailles*, p. 281).

J'étais là pour ça, tu me diras, j'étais là pour tuer de l'Allemand (*Gamarra. Maître*, p. 45).

Il y a en lui du grand homme et il y a de l'enfant (*France. Vie*, p. 44).

В приведенных примерах имена существительные называют не предметы, а представляемую как единство совокупность свойств, черт, отношений, причем частичный артикль является не только грамматическим показателем, но и элементом словообразования.

Elle déposa du boeuf froid, des hananes, du lait sur une chaise près du malade (*Cocteau. Enfants*, p. 43).

В сочетании с некоторыми именами существительными типа boeuf, mouton частичный артикль сообщает им новое лексическое значение: un boeuf — вол; du boeuf — говядина; un mouton — баран; du mouton — баранина.

Из предыдущего изложения видно, что во всех случаях употребления имя существительное с артиклем обладает грамматической категорией определенной и неопределенной соотнесенности. Основным средством грамматического выражения этой категории является артикль, представляющий ограниченную систему форм.

Имя существительное может употребляться и без артикля, причем неупотребление артикля объясняется причинами как строевого, так и стилистического характера, в связи с общими закономерностями, свойственными современному французскому языку.*

Исследуя грамматическую природу артикля в современном французском языке, можно прийти к следующим выводам:

1. Артикль — это особый тип служебного слова, которое не является средством связи между знаменательными словами, а выражает грамматические категории рода, числа и соотнесенности имени существительного.

2. Артикль лишен лексического значения, не может стоять под ударением и не является членом предложения; однако отделимость артикля от существительного (*une grande et belle maison*) и его замещаемость (*ma petite soeur*) свидетельствуют о том, что мы имеем дело со служебным словом, а не с морфемой или так называемым элементом аналитической формы слова.

* Вопрос о различных вариантах неупотребления артикля при имени существительном в современном французском языке рассматривается в отдельной статье (примечание автора).

ГУТКИНА М. А.

ОТГЛАГОЛЬНОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И РАЗВИТИЕ GERUNDIA В НОВОАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена исследованию развития отглагольного существительного, переходной формы от отглагольного существительного к герундию и герундия в новоанглийский период (XVI—XVII вв.).

По сравнению со среднеанглийским периодом * употребление отглагольного существительного идет на убыль, а герундий встречается все чаще. Именно в этот период герундий постепенно включается в систему глагольного спряжения и приобретает грамматические категории: вид и залог.

Хотя уже в среднеанглийском для герундия характерны управление винительным падежом, сочетаемость с наречиями и наречными выражениями, предлог в препозиции и употребление в оборотах, эквивалентных придаточным предложениям, на протяжении всего исследуемого периода встречается большое количество переходных форм от отглагольного существительного к герундию, что указывает на длительный, противоречивый процесс его развития.

В рассматриваемый период отглагольное существительное сохраняет категорию числа и способность иметь при себе определители, характерные для любого существительного: артикль (определенный, неопределенный), местоимения (указательные, притяжательные, неопределенные, вопросительные, отрицательные), существительные в притяжательном падеже. Кроме того, при отглагольном существительном может стоять прилагательное, числительное или причастие I.

Указанные выше определители, а также прилагательные, числительные и причастие I стоят обычно перед отглагольным существительным.

В исследуемый период продолжается употребление отглагольного существительного в тех же синтаксических функциях:

* См. статью М. А. Гуткиной «Отглагольное существительное и возникновение герундия в среднеанглийский период (XII—XV вв.)». Ленинград, 1962.

подлежащего, предикативного члена составного именного сказуемого, дополнения, определения. В функции обстоятельства употребляется сочетание предлога с отглагольным существительным.

Следует отметить, что развитие герундия не было спонтанным явлением; оно происходило постепенно, в процессе утраты отглагольным существительным ряда характерных для существительного черт и приобретения новых глагольных свойств. Появившиеся в результате этого процесса формы мы условно называем переходными формами. Это слова, оканчивающиеся на -ing, не утратившие какого-либо из признаков отглагольного существительного (употребление с указанными выше определителями, неспособность сочетаться с прямым дополнением и определяться обстоятельством) и одновременно обладающие одним из свойств герундия (способность сочетаться с прямым дополнением и определяться обстоятельством).

Как показывает языковой материал, в новоанглийский период отглагольное существительное встречается реже, чем герундий, по чаще, чем переходная форма от отглагольного существительного к герундию. Герундий составляет 56% всех примеров, отглагольное существительное 30%, переходная форма 14%.

Во всех исследованных памятниках (за исключением Letter-Book G. Harvey, 1573—1580) находим большое количество переходных форм от отглагольного существительного к герундию, употребляемых в различных синтаксических функциях, например:

1. Переходная форма в функции подлежащего:

There is no hiding you in the house (*Shakespeare*. Merry Wives of Windsor. A. IV, S. II, p. 128)
(В доме невозможно Вам спрятаться)

При наличии чисто именного определителя — отрицательного местоимения no — при форме на -ing последняя сочетается с прямым дополнением, т. е. мы имеем переходную форму от отглагольного существительного к герундию.

2. Переходная форма в функции дополнения:

а) как беспредложное дополнение —

I will attempt the doing it (*Shakespeare*. Othello. A. III, S. IV, p. 102)
(... я буду пытаться делать это)

б) как предложное дополнение (сочетание: предлог + переходная форма) —

... he would have paid for the nursing a thousand bastards
(*Shakespeare*. Measure for Measure. A. II, S. II, p. 172)
(... он заплатил бы за прокорм тысячи внебрачных детей)

3. В функции определения обычно встречается сочетание предлога of с переходной формой, которое стоит в пост-

позиции к определяемому слову: ... for feare of losing of time ... (R. Ascham. Тохорhil, p. 27) (... из-за страха потерять время ...).

В функции определения переходная форма встречается относительно редко.

4. Наиболее часто употребляется в функции обстоятельства сочетание предлога с переходной формой (57% примеров).

По частотности употребления в исследуемый период сочетание предлога с переходной формой в функции обстоятельства можно классифицировать следующим образом:

В функции обстоятельства образа действия обычно употребляется сочетание предлога by или in с переходной формой:

You mend the jewel by the wearing it (Shakespeare. Timon of Athens. A. I, S. I, p. 248)

(Вы улучшаете драгоценный камень, пося его)

В функции обстоятельства причины употребляется сочетание предлога for с переходной формой:

... they beat the ground
For kissing of their feet ...

(Shakespeare. The Tempest. A. IV, S. I, p. 37)

(... они бьют землю за то, что она прикоснулась к их ногам ...)

В функции обстоятельства времени употребляется сочетание предлога after или in с переходной формой:

... they after debating of the matter accorde to the lawes of the cite ... shewed him ... (A Chronicle of England, p. 75)

(... они после обсуждения вопроса, в соответствии с законами города, показали ему ...).

В функции обстоятельства сопутствующих условий употребляется сочетание предлога in с переходной формой:

... Some days were continued in the solemnising the marriage... (Ph. Sidney. Arcadia). (Несколько дней протекли в праздновании свадьбы ...)

В исследованных для настоящей работы памятниках мы не встретили употребления сочетания предлог+переходная форма в функции обстоятельства места. Это свидетельствует о том, что переходная форма по своим качествам более близка к герундию, чем к отглагольному существительному, поскольку известно, что в современном английском языке обстоятельство места не выражается личными формами глагола; в функции обстоятельства места выступает обычно наречие или предложная группа существительного.

Рассмотрение синтаксических функций переходной формы указывает на то, что она широко употреблялась наряду с от-

глагольным существительным и герундием в исследуемый период. Это позволяет сделать вывод о длительном процессе перехода от отглагольного существительного к герундию, процессе, на протяжении которого шла постепенная вербализация отглагольного существительного, его частичное вытеснение переходной формой и, наконец, полное исчезновение переходной формы вследствие ее вытеснения герундием. Переходная форма не могла сохраниться в языке как самостоятельная форма, так как она по своим функциям и значению совпадала с герундием; это подтверждается также тем, что перевод конструкций с переходной формой эквивалентен переводу герундиальных конструкций. Как известно, в случае полного функционального тождества двух форм происходит исчезновение синонимов.* Таким образом, переходная форма, просуществовав на определенном этапе развития языка, исчезла, уступив место герундию. Наличие переходной формы в определенный период развития языка подтверждает происхождение герундия от отглагольного существительного.

Как показывает языковой материал, в исследуемый период герундий получает настолько широкое распространение, что в некоторых конструкциях он вытесняет инфинитив. Так, если в среднеанглийском у Кэкстона после предлога without употребляется инфинитив:

Without to make any noyse . . . (Aymon. pp. 78, 24). (Не производя никакого шума. . .), то в поздне-новоанглийском у Джона Драйдена (John Dryden, 1631—1700) и у Уичерли (Wycherley, 1640—1715) находим после предлога without герундий:

What, will you go without seeing her? (W. Wycherley. Love in a Wood, A III, S II)

(Что, Вы увидите, не повидав ее?)

Известно, что в современном английском языке инфинитивные и герундиальные обороты часто синонимичны, хотя ряд лингвистов и отмечает существующую дифференциацию видовых значений инфинитива и герундия. Считают, что инфинитив чаще употребляется для выражения действия однократного, определенного, а герундий — для выражения длительного действия или состояния.

Еще в поздне-среднеанглийском и в ранне-новоанглийском обстоятельственные обороты с герундием были эквивалентны по значению обстоятельственным инфинитивным и причастным оборотам.** В результате такой семантической близости оборотов с неличными формами и могли образоваться синтаксические синонимы. Сравнивая обороты с герундием, инфинитивом и причастием, нетрудно найти в них не только сходное значе-

* В. П. Ярцева. К вопросу об историческом развитии неличных форм глагола. АН СССР. М., 1959, т. IX, стр. 232.

** В. П. Ярцева, указанное сочинение, стр. 235.

ние, по и сходство структуры, дающее грамматическую синонимию.

Как указывает В. Н. Ярцева, «синтаксическая структура словосочетания и смысловые связи между его членами исторически изменяются и функции именных форм глагола подвергаются переосмыслению».*

Проследим ход этих изменений, рассматривая синтаксическую структуру словосочетаний с герундием в новоанглийский период. Герундий встречается во всех синтаксических функциях и в словосочетаниях различных структур. Наиболее характерным по структуре словосочетанием является сочетание герундия с предлогом в препозиции. Предлоги, употребляемые перед герундием: after, at, before, by, for, from, in, of, on, to, with, without.

В исследуемый период встречаются следующие словосочетания с герундием.**

1. Герундий + наречие (в функции обстоятельства) — 40%:
... So great was her glorie and reioysynge therin (W. Tyndal's Works)

(... Так велика была ее слава и веселье там)

2. Герундий с существительным в общем падеже или с местоимением в объектном падеже (прямое дополнение в постпозиции) — 24%:

I am almost out of breath in following you (Wycherley, Love in a Wood. A III, S III)

(Я почти задыхаюсь, следуя за Вами)

3. Герундий + существительное или местоимение с предлогом (предложное дополнение в постпозиции) — 12%:

... Without appoyntyng to him any other assistence ... (Thomas Elyot, The Boke named the Governour, p. 9—10) (... не оказывая ему никакой другой помощи ...).

4. Сочетание герундия с инфинитивом, которое лишней раз подчеркивает возрастающую глагольность герундия — 12%:

Our doubts are traitors

And make us lose the good we oft might win,

By fearing to attempt.

(Shakespeare, Measure for Measure. A I, S V, p. 152)

(Наши сомнения — предатели, и (они) заставляют нас терять то хорошее, что мы часто могли бы получить, боясь (что-либо) предпринять ...)

5. Наречие + герундий — 4%:

I humbly do beseech you of your pardon,

For too much loving you.

* В. Н. Ярцева, указанное сочинение, стр. 236.

** Перечисление дается в порядке частотности употребления в исследуемый период.

(*Shakespeare, Othello, A III, S II, p. 96*)

(Я скромно прошу Вас простить, что я Вас слишком люблю)

6. Существительное в общем падеже + герундий (прямое дополнение в препозиции) — 4%:

John Daye was set on pillory for seditious wordes speakinge of the Quenes Highnes (*A Chronicle of England, p. 100*). (Джон Дей был поставлен к позорному столбу за то, что произносил бунтарские речи о Королевском Величестве.)

7. Герундий + придаточное предложение — 4%:

But Pamela, without any show of favour or disdain, either of heeding or neglecting what I had said, turned her speech to Mopsa ... (*Ph. Sidney, Arcadia*). (Но Памела, не проявляя ни благосклонности, ни презрения, ни внимания, ни пренебрежения к тому, что я сказал, обратилась к Мопсе ...)

Исследование свидетельствует о том, что в этот период герундиальные обороты широко распространены. Из приведенных примеров видно, что герундий выступает в сочетаниях самых различных структур, приобретая все большую глагольность.

В рассматриваемый период герундий употребляется в следующих синтаксических функциях:

1) в функции подлежащего:

And thinking on it makes me cry ... (*Shakespeare, Two Gentlemen of Verona. A IV, S IV, p. 82*)

(И размышление над этим заставляет меня плакать ...)

2) в функции второго члена составного именного сказуемого:

My minde is in profitynge and pleasynge eury man ... (*R. Ascham, Toxophil, p. 17*). (Мое желание — приносить пользу и доставлять удовольствие каждому ...)

3) в функции предложного дополнения в сочетании с предлогами from, in, of:

Grief is so far from retrieving a loss (*Wycherley, Love in a Wood. A V, S IV*)

(Горе так далеко от возврата утраченного)

Функция предложного дополнения характерна только для герундия, так как другие неличные формы — причастие и инфинитив — с предлогами не употребляются;

4) в функции беспредложного дополнения:

How should I escape being by them torn in pieces? (*J. Bunyan. Pilgrim's Progress, p. 58*). (Как мне избежать того, чтобы они не изорвали меня на куски?)

Эта функция настолько сближает герундий с инфинитивом, что герундий может употребляться при тех же глаголах, при которых может употребляться и инфинитив;

5) в функции определения (чаще в постпозиции к определяемому слову и тогда обязательно с предлогом of):

The 17 of February, the day of receiving the books
(A Chronicle of England, p. 66). (17 февраля день получения
книг ...)

6) в функции препозитивного определения (без всякого
предлога):

... you have dancing shoes ... (Shakespeare. Romeo and
Juliet. A I, S IV, p. 13)

(... у Вас есть башмаки для танцев ...)

Употребление герундия в функции препозитивного опре-
деления сближает его с причастием в этой функции, но это
только внешнее сходство, обусловленное оформлением их соче-
тания с определяемым словом. Значение же различно: прича-
стию, как известно, генетически свойственна связь с прилага-
тельным, поэтому оно указывает на признак по дейст-
вию,* производимому определяемым (a dancing girl —
танцующая девушка); герундий, который связан по своему
происхождению с существительным, указывает на назначение
определяемого предмета (как в приведенном примере: dancing
shoes — башмаки для танцев).

По сравнению с предшествующими периодами в новоанг-
лийском особенно широко распространено сочетание предлога
с герундием в функции обстоятельства. Здесь обилие
герундиальных оборотов, различных по структуре и содер-
жанию.

При классификации герундиальных оборотов по содержанию
можно выделить следующие типы обстоятельств (перечисле-
ние дается в порядке частотности употребления):

1) обстоятельство образа действия:

You do blaspheme the good in mocking me (Shakespeare.
Measure for Measure. A I, S. V, p. 151)
(Вы поносите хорошее, высмеивая меня)

2) обстоятельство времени:

I was not at your coming here ... (Wycherley. Love in a Wood.
A IV, S. V)
(Я не был, когда Вы пришли сюда ...)

3) обстоятельство причины:

O pardon me for bringing these ill news (Shakespeare. Romeo
and Juliet. A V, S. I, p. 54)

(Простите меня за то, что я принес эти дурные вести)

4) обстоятельство цели:

Sir Th. Sothwood rode aboute the Cittie ... for sellinge his
wife ... (A Chronicle of England, p. 104). (Сэр Т. Сотвуд ездил
по городу верхом, ... чтобы продать свою жену ...)

* В. П. Жигadlo, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный
английский язык. М., 1956, стр. 159.

5) обстоятельство сопутствующих условий:

I am almost out of breath in following you (*Wycherley. Love in a Wood. A III, S. III*)

(Я почти задыхаюсь, следуя за Вами)

Анализ языкового материала показывает, что в функции обстоятельства употребляется сочетание предлога с герундием в тех же значениях, что и причастие I; единственное отличие герундиальных оборотов от причастных в этой функции — это наличие перед герундием предлога, который в среднеанглийский период был характерен для сочетания с отглагольным существительным в функции обстоятельства. Это еще раз подчеркивает происхождение герундия от отглагольного существительного.

В связи с возрастанием глагольности герундия следует остановиться на развитии его пассивного значения.

Ряд лингвистов* отмечает, что впервые употребление герундия в пассивном значении относится к началу XVI века. Это положение они иллюстрируют следующими примерами:

For doubte of deceuyung, they kept styll the two trompettis pryuely ... (*Berner's Chronic Froissart on Behalf of Henry VIII, p. 25, 1523*). (Боясь обмана, они держали еще двух трубачей лично ...)

... to watch like one that fears robbing (*Shakespeare. Two Gentlemen of Verona. A I, S. I, p. 26*)

(... наблюдать подобно тому, кто боится ограбления)

If you mean to save yourself from whipping ... (*Shakespeare.*)

(... если Вы намерены спастись от избиения ...)

Поутсма** утверждает, что герундий в пассивном значении употреблялся еще в XIV веке; он приводит пример из *Richard Rolle of Hampole. Works, I, 25. Cambr. M. S. ed. Horstmann (1330—1340)*:

And bat selle be hasty with-uten delaying
Naked with-uten excusing. Hole with-uten parting.
And that shall be hasty without being put off.
Naked without anything being excused. Entire without
being devided. (i. e. the whole sin must be confessed
without part of it being kept back.)

Но с толкованием этих примеров вряд ли можно согласиться, так как *deceuyung, robbing, whipping, delaying, parting, excusing* имеют отчетливо именной характер, в них отсутствуют

* R. Blüm e. Über den Ursprung und die Entwicklung des Gerundiums im Englischen. Bremen, Diss., 1880. A. Schmidt. Shakespeare-Lexikon. London, 1875, Grammatical Observ., pp. 1418—1419.

** H. Poutsma. Grammar of Late Modern English. Groningen, 1926, pp. 465—514.

черты, свойственные герундию: при них нет ни обстоятельства, ни прямого дополнения, и трактовка их употребления в пассивном значении является субъективным восприятием автора, с которым нельзя согласиться.

Однако в некоторых примерах, приводимых Шмидтом, действительно имеется герундий (так как он определяется обстоятельством *into the water, close*) с пассивным значением:

... Shall we ... excuse his throwing into the water ... (*Shakespeare. The Merry Wives of Windsor. A III, S. 3, p. 206*)

(... Нам извиниться за то, что его бросили в воду ...)

I will take order for her keeping close ... (*Shakespeare. King Richard. 3. A IV, S. 2, p. 53*)

(... Я распоряжусь, чтобы ее строго охраняли ...)

Пример герундия, употребленного в пассивном значении, мы находим в памятнике, относящемся к 1455 г.:

Poul wrote his bothe Epistles to Corintheis eer he was bounden by prisoning in Rome (*Pecock's Repressor*). (Павел написал оба послания коринфянам до того, как он был связан, будучи заключен в темницу в Риме).

Возрастающая глагольность герундия подтверждается развитием у него аналитической формы страдательного залога, состоящей из сочетания герундия глагола to be в его служебной функции и причастия II смыслового глагола.

Зарубежные лингвисты (Поутсма, Керм,* Блюме, Есперсен*) относят первое употребление пассивной формы герундия к XVI веку и это подтверждается данными языкового материала. Так, мы впервые встречаем пассивную форму герундия в произведениях Ф. Сиднея (*Ph. Sidney, 1554—1586*), Хукера (*Hooker, 1535—1591*) и позднее у Т. Брауна (*Th. Browne, 1650*), Уичерли (*Wycherley, 1640—1715*), Беньяна (*J. Bunyan, 1628—1688*); **

But she that followed conquered, indeed, with being conquered and might well have made all the beholders wait upon her triumph ... (*Ph. Sidney. Arcadia*).

None of them ... can be cleare by being executed or scourged till they repent and confess their faults (*Hooker. Eccl. Politie, p. 24*).

... but some kinswoman of yours, whose fear of being discovered by you prevailed ... (*Wycherley. Love in a Wood. A V, S. V*)

... and he is in assured hopes of obtaining the King's pro-

* G. O. Curme. A Grammar of the English Language, vol. III, pp. 483—496. O. Jespersen. Growth and Structure of the English Language. Leipzig, 1938, pp. 182—186.

** Примеры даны без перезода, так как сложные формы герундия в данных предложениях употреблены в том же значении, в котором они употребляются в современном английском языке.

mise, and of being removed to a more noble and honourable station (*J. Bunyan. Pilgrim's Progress*, p. 402).

Неопределенная форма герундия (Indefinite Gerund) страдательного залога передает действие, направленное на субъект и одновременное действию глагола-сказуемого.

Судя по исследованному языковому материалу, первое употребление пассивной формы герундия можно отнести ко второй половине XVI века. Обладая к этому времени большой глагольностью, герундий находит широкое применение в языке, он образует большое количество герундиальных оборотов, часто передающих содержание развернутого придаточного предложения, заменяя его в этой функции:

Let my not knowing you serve for the excuse of my boldness (*Ph. Sidney. Arcadia*). (Пусть то, что я не знаю Вас, послужит извинением за мою смелость).

My master knows not of your being here (*Shakespeare. Merry Wives of Windsor. A III, S. II*, p. 117)
(Мой хозяин не знает о том, что Вы здесь)

Решающую роль в становлении аналитических форм герундия сыграло широкое распространение герундиальных оборотов и возрастающая глагольность герундия. У причастия I, по форме и по ряду синтаксических функций совпадающего с герундием, появление аналитической формы страдательного залога произошло еще в конце XV и начале XVI века,* а у личных форм глагола она наличествует издавна. По аналогии с глаголом, и в первую очередь с причастием I, и появилась пассивная форма герундия, что было вполне закономерно в связи с возрастающей его глагольностью.

Появление перфектного герундия действительного залога — еще одно доказательство увеличения глагольности герундия. И. П. Иванова** указывает, что появление перфектных форм герундия связано с его видовой окраской: «Закрепление за герундием семантики действия, протекающего как процесс, — действия одновременного с действием главного глагола предложения, — вызвало необходимость возникновения формы, выражающей действие, законченное ранее действия главного глагола».

Блюме, Керм, Есперсен и Поутсма относят появление перфектного герундия действительного залога к концу XVI века. Это подтверждается собранным нами материалом. Но необходимо отметить, что на протяжении всего исследуемого периода перфектный герундий встречается редко и то только в форме действительного залога:

* Л. В. Банкевич. «Причастие I в английском языке» (в историческом освещении). Л., 1954.

** И. П. Иванова. Значение герундия в ранне-новоанглийском. Ученые записки ЛГУ. 1952, № 156, стр. 326.

Want of consideration in not having demanded thus much ...
(*Ph. Sidney. Arcadia*).

... and so after having enjoyed solemnly ... (*Hooker. Eccl. Politie, p. 51*).

In having known no travaile in his youth ... (*Shakespeare.*

Two Gentlemen of Verona. A I, S. III)

Становление перфектной формы активного герундия произошло по аналогии с той же формой причастия I, первое употребление которой относят к 1485 году.* Появлению данной формы также способствовало наличие аналогичной по своему образованию аналитической формы перфекта в личных формах глагола.

Из исследованного языкового материала новоанглийского периода могут быть сделаны следующие выводы:

1. Отглагольное существительное, переходная форма и герундий употребляются в различных синтаксических функциях (подлежащего, части составного сказуемого, дополнения, определения, а сочетание предлога с каждой из этих форм — в функции обстоятельства).

2. Употребление отглагольного существительного идет на убыль вследствие вытеснения его переходной формой и герундием. По частотности употребления в данный период первое место занимает герундий (56%), второе — отглагольное существительное (30%) и третье — переходная форма (14%).

3. Становление аналитических форм герундия (за исключением перфектной формы страдательного залога) происходит в XVI веке: первое употребление страдательного залога неопределенной формы герундия относится ко второй половине XVI века; появление перфектного герундия действительного залога можно отнести к концу XVI века. В исследуемый период обе аналитические формы встречаются редко, но их появление подчеркивает усиливающуюся глагольность герундия. Перфектный герундий страдательного залога в памятниках исследуемого периода не встречается.

4. Решающую роль в становлении аналитических форм герундия сыграло широкое распространение герундиальных оборотов и возрастающая глагольность герундия, благодаря чему последний включился в видо-временную систему глагола. Появлению аналитических форм герундия способствовали следующие факторы: у причастия I, сходного по форме и по ряду синтаксических функций с герундием, появление аналогичных аналитических форм произошло еще в конце XV века и начале XVI века; у личных форм глагола аналогичная форма страдательного залога и перфекта существовала издавна.

* Л. В. Банкевич. Указанное сочинение.

ЛУГОВСКАЯ И. М.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ СВОЙСТВ GERUNDIA, ОПРЕДЕЛЯЕМОГО НАРЕЧИЕМ НА -LY

Многие исследователи связывают происхождение герундия с отглагольным существительным.* Исторический процесс становления герундия — это постепенное вовлечение отглагольного существительного в систему английского глагола. Генетическая связь с отглагольным существительным сохранилась; это проявляется в синтаксических функциях герундия, свойственных имени, а также в способности иметь определение, выраженное существительным в родительном падеже или притяжательным местоимением, и в способности вводиться предлогом.**

Совмещение именных и глагольных свойств герундия, обусловленное исторически, по всей вероятности подразумевает их определенное соотношение, которое должно влиять на проявление этих свойств в большей или меньшей степени. Это значит, что в определенных синтаксических условиях герундий максимально приближается к существительному, устанавливая с зависимыми словами связи, свойственные имени, в других условиях он приближается к глаголу.

В настоящей статье определяются и анализируются некоторые синтаксические условия, при которых именные или глагольные свойства проявляются наиболее очевидно. Анализ соотношения именных и глагольных свойств герундия может базироваться на двух основных допущениях.

1. Ввиду того, что герундий сформировался на основе отглагольного существительного с последующим приобретением глагольных признаков, на определенной стадии исторического развития герундия именные свойства были основными; предпо-

* В. Н. Ярцева. К вопросу об историческом развитии неличных форм глагола. Труды Института языкознания, т. IX, 1959, стр. 201—236; Исторический синтаксис английского языка. М.—Л., 1961, стр. 157; А. М. Мухин. Происхождение герундия в английском языке. Вопросы языкознания, 1959, № 2, стр. 84.

** В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 151.

лагаем, что подобное соотношение в известной мере сохранилось и в современном языке. Если это допущение окажется верным, то при $n > v$ имеем: $G = G_{n > v}$.*

2. Если исходить из того, что герундий в современном английском языке — это неличная форма глагола, то преобладание глагольных свойств над именными вполне очевидно; следовательно, при $n < v$ имеем: $G = G_{n < v}$.

Попытаемся определить, в каких синтаксических позициях герундия справедливы сделанные допущения. При исследовании решающими оказываются синтаксические связи герундия со словами, ему подчиненными, и в первую очередь — обстоятельственными, поскольку их семантика и местоположение являются функциональными выразителями свойств герундия.

Объектом исследования выбираются предложно-герундиальные сочетания, в которых зависимым компонентом, «определителем»** герундия, носителем его признака выступают качественные наречия с суффиксом *-ly* или обстоятельственные наречия частотности и повторности действия.

За последние годы наметилась определенная тенденция, объединяющая наречия на *-ly* в одну группу с прилагательными. Эта точка зрения излагается в работах А. И. Смирницкого: «Образования на *-ly* не являются отдельными словами по отношению к прилагательным, от которых они образованы. Лексическое значение у тех и других одинаковое — обозначение известного признака. Но в одном случае обозначается признак предмета, а в другом — признак действия: *happy life* и *(to) live happily ...* Синтаксическая функция, выполняемая ими, есть та же самая функция определения в более широком и общем смысле этого слова»*** Точка зрения на общий, определительный характер связи, устанавливаемой между существительным и прилагательным, с одной стороны, глаголом и наречием — с другой, вполне логична, и с ней трудно не согласиться. Однако подобный подход, подразумевающий полную абстракцию от материального содержания определяемых компонентов (существительного и глагола), не дает оснований для того, чтобы качественные наречия на *-ly* не считать отдельной частью речи.

* Математический знак $>$ употребляется в собственном значении (больше — меньше), а не в качестве знака перехода одной величины в другую.

** В работе Т. И. Капицкой «Определители предложения, выраженные наречием или наречным словосочетанием» (Ленинград, 1963) термин «определитель» применяется в более общем значении, чем термин «определение», как к примененному члену, выраженному прилагательным, так и к прилагательному, выраженному наречием.

*** А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, § 111, стр. 109; См. также: Морфология английского языка. М., 1959, § 83, стр. 174. Точку зрения А. И. Смирницкого разделяют А. М. Мухин (см. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.—Л., 1964, стр. 139) и С. И. Калабина в работе: О месте некоторых видов наречий в структуре современного английского языка. М., 1964, стр. 3—4.

Объединение наречий на -ly в одну группу с прилагательными не избавляет нас от необходимости в каждом конкретном случае пользоваться каким-то определенным термином для обозначения этого наречия, а термин «образование на -ly», используемый А. И. Смирницким, нельзя признать удачным.

Наблюдения показывают, что исследуемый материал представляет два основных типа сочетаний, в первом из которых определители герундия находятся между предлогом и герундием (препозиция), например: 1. They had been arrested for allegedly organising a slowdown (*Heym. Hostages*). 2. The mass of your country-men begin by stubbornly neglecting little social observances (*Dick. M., Ch. II*). 3. On suddenly discovering the presence of Cytherea ... instead of naturally continuing or concluding her inspection, she desisted hurriedly (*Hardy. Desp. Rem.*). 4. After hurriedly inspecting Michael's brown suit ... his eyes came to anchor on his daughter's face (*Galsw. Silver Sp.*), а во втором — непосредственно после герундия или зависимых от герундия слов (постпозиция), например: 1. The Squire preferred talking loudly to sitting longer (*Eliot. Silas Marner*). 2. I could find my way back by turning sharply to the right (*Kipling, The Strange Ride*).

Первая группа примеров объединена по двум признакам: во-первых, все они представляют предложно-герундиальные сочетания, в состав которых входят наречия на -ly; во-вторых, эти наречия находятся в препозиции по отношению к герундию.

Несмотря на то, что рассматриваемые предложно-герундиальные сочетания в целом выступают в различных синтаксических функциях (косвенного дополнения, обстоятельства образа действия, обстоятельства времени), характер связи между обстоятельственным словом-наречием и герундием остается неизменным. Поэтому приведенные примеры можно дополнить предложно-герундиальными сочетаниями, взятыми вне предложения: by indignantly exclaiming, of gratefully acknowledging, for maliciously destroying, in completely eliminating, in constantly loading и т. д.

Чтобы ответить на вопрос, какой признак герундия выражает наречие на -ly в анализируемой синтаксической позиции, рассмотрим употребление наречий на -ly в препозиции к герундию и употребление прилагательных, определяющих отглагольное существительное на -ing, например:

1. In the dainty furnishing of the house he had run himself so deeply into debt (*Gaskell. Wives and Daughters*). 2. I could worry myself to death if I once took to serious thinking (*Gask. W. and Daught.*). 3. He stretched himself luxuriously in anticipation of some quiet thinking (*Heym. Hostages*). 4. Silas now told

his story under frequent questioning (*Eliot. S. Marner*). 5. A terrifying power of intensely critical listening (*Shaw. You never can tell*).

Анализ показывает, что позиция наречия на -ly аналогична положению прилагательного: предлог—наречие—герундий; предлог—прилагательное—отглагольное существительное на -ing. Структурная аналогия носит не только чисто внешний характер. Она обусловлена историческим развитием герундия на основе отглагольного существительного,* общим способом их образования и, наконец, общей для наречия и прилагательного определительной функцией по отношению к герундию и отглагольному существительному соответственно. В этой связи весьма логичным представляется применение метода трансформации для доказательства близости герундия в предложно-герундиальном сочетании типа *by stubbornly neglecting* к отглагольному существительному.

Дистрибутивная формула предложно-герундиального сочетания, в котором определяющим компонентом является наречие на -ly, может быть представлена в следующем виде: $P_{pre} + A_{ly} + G$, где наречие обозначено символом A_{ly} , отражающим его морфологическую структуру. Символ прилагательного A используется в дистрибутивной формуле предложно-именного сочетания с определяющим компонентом-прилагательным: $P_{pre} + A + N$.

Взаимная трансформация предложно-герундиального сочетания и предложно-именного в предложении может быть проиллюстрирована следующими трансформационными рядами: предложно-герундиальное словосочетание *for allegedly organising* может быть трансформировано в предложно-именное *for alleged organising* и далее *for alleged organisation*; *by stubbornly neglecting* → *by stubborn neglecting* → *by stubborn neglect*; *on suddenly discovering* → *on sudden discovering* → *on sudden discovery*.

Предложно-именное сочетание *in the dainty furnishing* в свою очередь трансформируется в предложно-герундиальное; *in daintily furnishing*; *to serious thinking* → *to seriously thinking*; *under frequent questioning* → *under frequently questioning*.

* Вопрос о соотношении герундия и отглагольного существительного на -ing, являясь объектом особого исследования, представляется весьма сложным и не может быть решен простым перечислением формальных признаков, отличающих одно от другого. Говоря о формальных признаках отглагольного существительного, В. Н. Жигadlo считает таковыми его употребление с артиклем и с указательными и неопределенными местоимениями, неспособность принимать беспредложное дополнение и определяться обстоятельством. Различие между герундием и отглагольным существительным по содержанию заключается в «процессуальности» герундия и «предметности» отглагольного существительного (В. Н. Жигadlo, И. П. Иванова, Л. Л. Иоффик, цит. соч., стр. 151).

Возможность взаимной трансформации, которая может быть представлена в общем виде: $\text{Prer.} + \text{Aly} + \text{G} \rightleftharpoons \text{Prer.} + \text{A} + \text{N}$ свидетельствует о том, что синтаксический и смысловой барьеры между двумя грамматическими формами — герундием и отглагольным существительным — оказываются не очень значительными, а именная часть герундия выступает на первый план. Значение наречия как выразителя глагольности герундия заметно ослабевает, и характер связи с герундием приобретает атрибутивный оттенок. Атрибутивность наречия усиливается, если оно встает в один ряд с определениями герундия, выраженными существительным в родительном падеже *He quite concurred in the expediency of Tom's immediately returning to his sister* (*Dick. M., Ch.*) или притяжательным местоимением *It all depended on your naturally liking me* (*Shaw. You never can tell*). (Сравните: *Tom's immediate return*; *your natural liking*.)

Разумеется, в данном случае речь идет не о тех потенциально-предикативных связях, которые характеризуют отношения герундия с формой существительного в родительном падеже или притяжательным местоимением как отношения предиката и его субъекта.* С этой точки зрения обстоятельственное слово-наречие выражает признак герундия-потенциального предиката.

Употребление наречий *immediately* и *naturally* в одном ряду с собственно атрибутивными компонентами предложно-герундиального сочетания еще раз дает основание утверждать, что наречия в рассматриваемой позиции по своему значению и синтаксической функции очень близки к соответствующим прилагательным. Это можно объяснить сильными именными свойствами герундия, которые реализуются в препозитивном употреблении качественных наречий. Если первое допущение $p > v$ оказывается справедливым при положении качественного наречия с суффиксом *-ly* между предлогом и герундием, и тем более в одном ряду с собственно атрибутивными компонентами, то формула герундия находится в зависимости от его именных свойств, т. е. при возможной трансформации $\text{Prer} + \text{Aly} + \text{G} \rightleftharpoons \text{Prer} + \text{A} + \text{N}$ именные свойства герундия преобладают над глагольными, следовательно, $\text{G} = \text{G}_{n > v}$.

Однако эта формула герундия, выведенная на основе трансформации предложно-герундиального словосочетания с качественным наречием, оказывается недействительной в том случае, когда место качественного наречия занимают наречия обстоятельственные: *ever*, *never*, *always*, *still*, *again*, *soon*, например: *intention of ever carrying out, without ever asking her*,

* Вопрос о синтаксических связях в словосочетаниях типа *John's inviting* подробно рассматривается в статье Е. С. Блиндус. Об одном типе атрибутивного словосочетания в английском языке. 1963, № 1. См. также: Филологические науки. К вопросу об атрибутивном словосочетании типа *John's (his), John (him) inviting* в английском языке. Вестник МГУ, 1963, № 3.

by still believing; of soon returning; for never having written, the risk of again meeting her eyes.

Группа приведенных примеров не допускает использованной выше именной трансформации, так как наречия, классифицируемые обычно как наречия частотности и повторности действия, не отмечены в функции определения и не имеют соответствий в разряде качественных наречий. Их лексический характер целиком исключает атрибутивную связь с герундием и служит выражением его глагольного признака, доминирующего над именными свойствами.

До сих пор речь шла о предложно-герундиальных словосочетаниях с препозиционным примыканием наречий (качественных и обстоятельственных) к герундию. Однако постпозиция указанных наречий не менее характерна, чем их препозиция, например:

1. It's my fault for speaking stupidly (*Kipling. Light*); 2. After creeping stealthily to the riverfront, I found ... (*Kipling. The Strange Ride*); 3. She had the chance of looking outwardly as respectable as a real lady (*Kipling. Light*); 4. You give grave offence by walking openly in the streets (*Cronin. Keys*); 5. He could realise his desire by showing her fully the depth of the problem (*Heym. Hostages*); 6. Mr. Sheepshanks in vain tried to check her loud ardour for information by replying to her in whispers (*Gask. Wives and D.*).

С вынесением обстоятельственного слова-наречия в конец предложно-герундиального словосочетания характер синтаксической связи между его компонентами в значительной мере видоизменяется. Будучи замкнутым между предлогом и герундием, обстоятельственное слово-наречие вступает в такую тесную грамматическую связь с герундием, что это влечет за собой смысловую слитность действия, выраженного герундием, и его признака. Смысловым центром предложно-герундиальной группы слов, а зачастую и всего предложения становится сам герундий вместе со своим признаком, мало дифференцированным в грамматическом и смысловом отношении. Конечное же положение наречия придает дополнительную силу ударению, падающему на него, и наречие получает вследствие этого более сильное смысловое ударение. Есть основания считать, что степень грамматической зависимости обстоятельственного слова-наречия от герундия уменьшается: из элемента вспомогательного в смысловом отношении оно превращается в элемент, имеющий особое значение в передаче смысла не только предложно-герундиального словосочетания, но и всего предложения в целом.

Каким же образом постпозиционное положение обстоятельственного слова-наречия характеризует сам герундий с точки

зрения соотношения его именных и глагольных свойств? Постпозиция наречия по отношению к герундию дает возможность трансформировать предложно-герундиальное сочетание в личную форму глагола с его обстоятельственным признаком, выраженным соответствующим наречием: $G + Aly \rightarrow V + Aly$; например: *looking outwardly* \rightarrow *looked outwardly*; *walking openly* \rightarrow *walked openly*.

Особое интонационное и смысловое выделение глагольного признака герундия, невозможность именной трансформации (поскольку постпозиция определения по отношению к определяемому не характерна для современного английского языка) свидетельствуют о том, что при постпозиционном положении наречий (как качественных, так и обстоятельственных) глагольные свойства герундия проявляются в большей степени, чем его именные свойства, т. е. и второе допущение, что $v > n$ оказывается справедливым. При $v > n$ $G = G_n < v$.

Таким образом, дистрибутивные формулы предложно-герундиальных словосочетаний, в зависимости от положения обстоятельного слова-наречия и его лексического значения, могут быть представлены двумя основными вариантами:

$$\begin{aligned} & \text{Prep.} + Aly + G_n > v \\ & \text{Prep.} + G \ v > n + Aly \end{aligned}$$

Исследование вопроса о соотношении именных и глагольных свойств герундия показало, что обстоятельственные слова-наречия служат средством, с помощью которого эти свойства герундия реализуются в предложно-герундиальном словосочетании в зависимости от местоположения и лексического значения наречий.

Препозиция качественных наречий с суффиксом *-ly* служит выражением именных свойств герундия (в силу своей позиционной аналогии качественным прилагательным), а сам герундий при таком положении качественного наречия оказывается очень близким к отглагольному существительному по своему грамматическому значению и трансформационным возможностям.

При постпозиционном положении наречий как качественных, так и обстоятельственных глагольные свойства герундия проявляются в большей степени, чем именные.

ШНПЕРОВИЧ З. В.

РАЗВИТИЕ СОЮЗНОГО НАРЕЧИЯ BESIDES В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Историческое исследование группы наиболее употребительных союзных наречий современного английского языка показывает, что процесс их образования совершается на базе как обстоятельственных, так и качественных наречий. Все эти наречия первоначально определяли глагол. Наречия, относящиеся к прилагательному или к другому наречию, не имеют тенденций к переходу в союзные наречия.

Анализ семантико-синтаксических изменений, происходящих в рамках предложения, весьма наглядно подтверждает возможность абстрагирования наречия от конкретных обстоятельственных отношений и способность выступать в новой функции связи, столь характерной для формирующихся слов исследуемого типа.

Процесс образования союзных наречий происходит на основе существующих форм наречий, без дополнительных словообразовательных элементов в виде префиксов или суффиксов. Разная степень приближенности отдельных союзных наречий к союзам объясняется, по-видимому, различной степенью обобщения их значений, достигнутого в процессе семантических изменений.

Ниже приводится краткое описание развития соединительных союзных функций у пространственного наречия *besides*.

Современное английское наречие *besides*, по данным NED,* впервые встречается в литературных памятниках начала XIII в. в трех графических формах: бессуффиксной — *biside* и двух диалектальных формах: с суффиксом *-es* — *bisides* (северная) и с суффиксом *-en* — *bisiden* (южная). Генетически это наречие восходит к древнеанглийскому сочетанию предлога *be* (у) с дательным падежом существительного женского рода *side* (бок, сторона).

Первоначально наречие *bisides* служило для выражения пространственных отношений и в соответствии с семантикой своих составных частей указывало на положение неодушевленного предмета с боковой стороны (сбоку).

* The New Oxford English Dictionary. Oxford, 1933, vol. I, p. 818.

Aelc baer an honde aenne sagel stronge and bisiden heo gynnep heongen. (*Layamons Brut*, vol. I—3. London, 1847, II, 87). (В руках у каждого из них была тяжелая дубинка, а сбоку у них висели длинные ножи.)

Gif aever aei of thine gume gaere haveth bisiden send hit mid freondscipe (Ibid., II, 213). (Если у каждого из твоих людей есть оружие на боку (сбоку), отошли его с миром.)

His pic he heold bisiden (Ibid., III, 236). (Свою пику он держал на боку (сбоку).)

В памятниках XIII в. наречие *bisides* могло выражать и более широкое отношение пространственной близости, указывая на положение одного лица или предмета сбоку, на некотором расстоянии от другого:

Berlin here laeverd hcom biforen wende Brennes bisides mid his folke of Burguine (*Layamons Brut*. London, 1847, vol. I, p. 220). (Берлин, их господин, шел впереди них. Бреннес сбоку от них, со своими бургундами.)

Heo letten forth bisiden an other folc riden (Ibid., I, 234). (Они заставили других ехать сбоку от них.)

В процессе расширения значения *bisides* приобретает возможность обозначать положение лица или предмета, находящегося поблизости от другого (возле, рядом).

Heer bisides is a foreste (*Gesta Romanorum*. London, 1879, p.114). (Здесь рядом находится лес.)

There biside dvellid an heremyte (Ibid., p. 81). (Там рядом жил отшельник.)

Во всех рассмотренных примерах *bisides* встречается в словосочетаниях с такими глаголами, с которыми оно имеет чисто пространственное значение, например: *heongen* — висеть, *dvellpen* — жить, *been* — находиться, *wenden* — идти, *riden* — ехать.

В конце XIII в. у *bisides* наметилось новое значение — добавочность, обусловленное его сочетанием с глаголами, которые исключают пространственное значение наречия *bisides*.

В начальный период становления нового значения наблюдаются отдельные, редкие пограничные случаи, когда не вполне расчлененная семантика *bisides* может восприниматься как в локальном, так и в новом абстрагированном значении добавочности. Иллюстрацией нерасчлененной семантики *bisides* служит следующий пример:

To the lond ... armore he drou that Bruteine is nou ycluped as he it nemde tho viftene thousand hors ywrie ther were agen him and mo of the lond of France and of other lond bi syde (*Robert of Gloucester. Metrical Chronicle*. London, 1887, vol. I, pp. 315, 446). (Он стянул силы в ту сторону, которая теперь называется Британией; когда он брал ее, 15 тысяч всадников было двинуто против него и еще больше (и сверх того еще) из

Франции и из другой соседней страны (буквально: страны рядом).

В данном примере *bisides* сохраняет еще свое пространственное значение, так как в словосочетании *of other lond bisides* (из другой страны рядом) наречие *bisides* может восприниматься как определение к существительному *lond*. В то же время наречие *bisides* уже обнаруживает связь с глаголом *were uwtigē* и в сочетании с наречием *þoge* выражает значение добавочности (сверх того).

В период становления новое значение наречия поддерживалось с помощью дополнительных лексических средств с семантикой добавочности — наречием *more* и *yit* или предлогом *mid*:

Lucye mordred erl of Gloucestre mid his host biside (*Ibid.*, vol. I, p. 315). (Люций уничтожил графа Глостерского вместе с его войском.)

I trowe, in al this world to seche, nis woman that in dede and speche woll betre avise hire what she doth, ne betre forto seie a soth, kepe hire honour ate alle tide, and yit hire a thank beside (*J. Gower. Confessio Amantis. The English Works. London, 1900, vol. I, p. 132*). (Я нахожу, что во всем мире не сыскать женщины, которая в поступках и речах была бы смышленее ее, по правде говоря, нет женщины, которая умела бы не поступиться своей честью (букв. так высоко соблюдать свое достоинство) и к тому же еще получить благодарность.)

С конца XIV в. за наречием *bisides* окончательно закрепляется новое значение добавочности, в связи с чем отпадает необходимость в отмеченных выше дополнительных лексических средствах, способствующих его выявлению:

Hem nedeth in conclusioun of strange londes help beside (*Ibid.*, vol. I, p. 26). (Им понадобилась в результате вдобавок помощь другой страны.)

The cuntre contributeth un to an aide for their awne defence wherof this cumpany is, or shold be non but of the Emperors charge byside (*T. More. The Correspondence. Princeton University Press, 1947, p. 285*). (Страна платит налоги, содействуя этим своей собственной обороне, для чего служит или должно служить это мероприятие, проходящее, вдобавок, не только по приказу императора.)

Значение добавления у *besides* возникает на основе абстрагирования исходного локального значения, указывавшего на положение одного предмета рядом с другим и обусловливается расширением круга сочетаемости наречия за счет глаголов непространственного значения: *morden* — убивать, *peden* — понуждать, *keren* — сохранять и т. п. Изменение круга сочетаемости наречия приводит к семантическому сдвигу, при котором локальное значение *besides* трансформируется в значение добавления (вдобавок). Новое значение все больше закрепляется за наречием *besides*, по мере того как расширяется круг его

сочетаемости с глаголами непространственного значения. Это приводит в конце XVI в. к полному исчезновению у *besides* локального значения. В значении добавочности, исторически сложившемся у наречия *besides* в составе одного предложения, уже заключались предпосылки функционального сдвига, обусловившего употребление *besides* для передачи соединительных отношений. Функциональный сдвиг обнаруживается у *besides* при исследовании литературных памятников первой половины XVI в. и сопровождается абстрагированием конкретного значения, в результате которого *besides* приобретает значение «кроме того», «к тому же», сближающее его с сочинительными союзами. Перейдя в разряд союзных наречий, *besides* вводит предложения, выражающие дополнительные сведения к предшествующему, не внося в соединительные отношения дополнительных смысловых оттенков.

В XVI в. наблюдаются случаи употребления союзного наречия *besides* в начале предложения как без обособления, так и с обособлением. *Besides* связывает предложения; объединенные общностью темы рассуждения:

Then must the lande be taxed and every man paye, and the treasure borne out of the Realme and the land beggerde. How many a thousand mens lives hath it cost: And how many an hundred thousand poundes hath it caried out of the Realme in our remembrance: Besides how abhominable an example of gathering was there ... (*Tyndall. The Whole Workes of W. Tyndall, J. Frith and Doct. Barnes. London, 1573, p. 115*). (Страна подверглась тогда тяжелому испытанию, каждому пришлось платить, казну вывозили из королевства и страна разорялась; скольких тысяч человеческих жизней это стоило и сколько сотен тысяч фунтов утекло из государства на нашей памяти; кроме того, какой это являло ужасный пример загнивания государства ...)

He was comely in his personage, and of verie good proportion, and in all maner of activities appertainyng to a gentilman, he exceeded every other that was in the courte: besides, in his demeanours he was so courteous and gentill, that he gained the good will and likyng of the Duke hymself (*Ibid., p. 34*). (Он был пригож и очень хорошо сложен и по своей манере держаться, присущей дворянину, превосходил всех, кто был при дворе; к тому же он был столь учтив и любезен в обхождении, что завоевал расположение и любовь самого герцога.)

В памятниках, датируемых концом XVI — началом XVII вв., употребление *besides* в союзной функции возрастает и становится языковой нормой. Как правило, *besides* стоит в начале предложения и обособляется.

В следующих ниже примерах союзное наречие *besides* вводит предложения, которые содержат попутное замечание, акцентирующее предыдущее высказывание:

Persons of noble blood are less envied in their rising. For it seemeth but right done to their birth. Besides, there seemeth not much added to their fortune (*F. Bacon. Essays. London, 1889, p. 15*). (Людам благородной крови, когда они возвышаются, меньше завидуют, потому что это считается все лишь их прирожденным правом. Кроме того, кажется, что это не так уж много прибавляет к их Фортуне.)

I am sure his fiddle, with the fall, fell in pieces, which grieved his maister so, that in love and pittie, he laughed till the water ran downe his cheekes. Beside, this good knight was like to keepe a bad Christmas, for the bagpipes and the musicke went to wracke — the one burnt, and the other broken (*R. Armin. A Nest of Ninnies. Early Prose and Poetical Tracts. London, 1842, p. 10*). (Я уверен, что при падении его скрипка разбилась на куски, что так огорчило маэстро, что в приливе любви и жалости он так хохотал, что из глаз его брызнули слезы. Кроме того, похоже, что этому доброму малому не повезло на рождество, потому что он лишился своей волынки и скрипки — одна сгорела, а другая сломалась.)

В приведенных примерах besides присоединяет предложения, выражающие замечание автора в связи с предшествующим высказыванием, размышление, оценку факта или явления. Суждения эти носят характер субъективной оценки говорящего и сопровождаются модальными словами: seemeth (кажется), like (похоже).

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих употребление besides в функции союзного наречия у Шекспира:

... should she fancy, it should be one of my complexion. Besides, she uses me with a more exalted respect than any one else (*W. Shakespeare. The Complete Works. Adhams Press, 1944, Twelfth Night, vol. II, p. 5*). (... если она влюбится, то обязательно в человека вроде меня. Кроме того, и обходится она со мной куда уважительней, чем с другими.)

A finder of occasions, that has an eye can stamp and counterfeit advantages, through true advantage never present itself; a devilish knave. Besides, the knave is handsome, young, and hath all those requisites in him that folly and green minds look after: a pertilent complete knave (*W. Shakespeare. Ibid., Othello, vol. II, p. 1*).

(Не пропустит случая, чтобы не попользоваться, а нет случая — мигнет глазом и будет случай. Кроме того, плут красив, молод и у него есть все, по чем может томиться мечтательная зеленая неиспорченность.)

В приведенных примерах союзное наречие стоит в начале предложения с обособлением. Примеры эти иллюстрируют упо-

гребление союзного наречия в диалоге, где *besides* присоединяет предложение, передающее мысль, которая возникла нежданно. При этом наблюдается субъективно окрашенный скачок от одной мысли к другой.

В XVIII в. не наблюдается никаких существенных изменений в употреблении *besides* по сравнению с XVI—XVII вв.

Употребляясь в XVI—XVIII вв. в функции союзного наречия, *besides* передает соединительные отношения: оно может связывать предложения, объединенные общностью темы, вводить предложение, акцентирующее предшествующее высказывание или имеющее характер субъективного замечания. *Besides* чаще стоит в начале, чем в середине присоединяемого им предложения и обособляется от него, но может употребляться и без обособления.

Таким образом, исторический путь развития союзного наречия *besides* характеризуется изменениями как его семантических, так и синтаксических особенностей. На первом этапе изменения обуславливаются расширением круга сочетаемости наречия и носят семантический характер. Эти изменения заключаются в том, что из исходного значения, выражающего близость на основе пространственной смежности, в XIII в. у *besides* развивается отвлеченное значение добавочности. На втором этапе изменения, претерпеваемые наречием *besides*, обусловлены перераспределением синтаксических связей в предложении. *Besides* перемещается в начало предложения и осуществляет двустороннюю связь, присоединяя данное предложение к предшествующему. Функциональные изменения сопровождаются абстрагированием значения добавления и приближением его к значению сочинительного союза (кроме того).

Проведенное исследование показывает, что у большинства наречий союзные связи, выражаемые союзными наречиями, исторически развиваются на основе обстоятельственных связей, которые сначала осуществляются в рамках словосочетаний, затем выходят из этих рамок и реализуются в смысловой структуре предложения в целом, что создает условия для преобразования самого предложения и возникновения разряда союзных наречий.

Изменение связей, происходящее внутри словосочетаний и вызывающее последующие структурные изменения в предложении, сопровождается изменением порядка слов в предложении. В этом отношении порядок слов может служить показателем перехода обстоятельственных наречий в разряд союзных наречий.

Союзная функция складывается у большинства наречий на основе изменения их исходного значения. Семантические преобразования, происходящие в пределах словосочетаний, служат причиной дальнейших структурных изменений и приводят

к синтаксической перегруппировке членов предложения и перестройке предложения в целом. В процессе таких семантико-синтаксических преобразований и происходит переход большинства наречий в союзные наречия.

Зарождение союзных наречий в языке началось уже в древнеанглийский период. Постепенно расширяя свой состав за счет наречий, в значении которых имелась потенциальная возможность выражать различные типы отношений между предложениями, союзные наречия составили отчетливо дифференцированный разряд слов как со стороны выполняемых ими в языке синтаксических функций, так и по кругу обозначаемых ими отношений.

Союзные наречия широко осуществляют в языке функцию связи самостоятельных предложений, а иногда и более сложных отрезков текста. Выступая с грамматически абстрагированными союзами *and* и *but*, вследствие полисемантической этих союзов союзные наречия несут гораздо большую смысловую нагрузку, чем союз. Лексическая насыщенность союзных наречий позволяет им грамматически оформлять многообразные оттенки логических отношений между самостоятельными предложениями и вследствие этого усиливать их связанность. В отличие от абстрагированных союзов, лексическое значение которых в значительной степени стерто, союзные наречия различаются по своей семантике и хотя некоторые из них выражают очень близкие логико-грамматические отношения, каждое имеет свою сферу употребления.

Процесс развития языка проявляется в формировании новых грамматических структур и разрядов слов. Общие принципы анализа путей формирования нового разряда слов, выкристаллизовывающихся из широкой категории наречия, могут иметь практическое значение, намечая возможные пути развития новых групп слов, занимающих промежуточное положение между различными частями речи.

СОДЕРЖАНИЕ

Методика

	Стр.
Белопольская А. Р. Алгоритм — средство эффективизации обучения	5
Шелингер Н. А. Использование элементов программирования в тренировочных упражнениях и письменных консультациях по грамматике	22
Труевцева Т. И., Кац Р. Е. Применение диафильмов в преподавании иностранных языков	29
Иванова З. П. Создание речевой ситуации в диафильме	34
Андрианова Л. Н., Шелингер Н. А. Методика работы с заочниками в звукотехнической лаборатории	39
Синявер Е. С. Методика работы над многозначными лексическими единицами	46
Дементьева М. Б. О привитии навыков реферирования иностранной научной литературы	52
Андрианова Л. Н., Багрова Н. Ю., Ершова Э. В. Основные методические требования к учебнику английского языка для заочников	57

Филология

Фадеева И. Д. К вопросу о структурной модели словосочетания и внутренних отношениях, складывающихся между его компонентами	67
Козлова С. Н. К вопросу об уточняющих членах предложения	75
Либерман А. С. Конструкция to be+ причастие II в современном английском языке и проблема страдательного залога	88
Менькова В. В. О сочетании типа «some gunning» в современном английском языке	95
Боголюбов М. Д. Проблема рамочной конструкции предложения в современном немецком литературном языке	102
Перли В. П. Модальное употребление глагольных времен и проблема наклонения в современном английском языке	107
Дружинина В. В. О позиционной и смысловой вводности обстоятельственных придаточных предложений	116

Данилова И. Б. О возможности инверсии в повествовательном предложении современного английского языка	125
Пехендзи Б. Д. Артикль в современном французском языке	133
Гуткини М. А. Отглагольное существительное и развитие герундия в новоанглийском языке	141
Луговский П. М. К вопросу о соотношении именных и глагольных свойств герундия, определяемого наречием на -ly	152
Швиеронич Э. В. Развитие союзного наречия <i>besides</i> в английском языке	159
